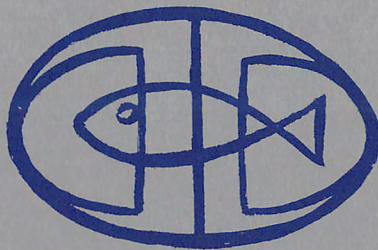

СИМВОЛ

С
И
М
В
О
Л

З

З

AVRIL 1980

SIMVOL

Revue semestrielle
publiée par la Bibliothèque Slave de Paris

Rédaction – Administration
14 bis, rue d'Assas F – 75006 PARIS

Abonnement d'un an : 50 F
Le numéro : 27 F

Compte postal : «Simvol»
22 288 60 E – Paris

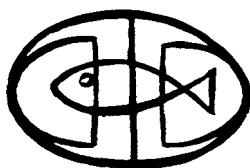
СИМВОЛ

Журнал христианской культуры
при Славянской Библиотеке в Париже

Выходит 2 раза в год

Подписная плата на 1980 г. : 50 фф
Цена отдельного номера : 27 фф

CIMBOA

3

AVRIL 1980

СИМВОЛ

Друзья, расставаясь,
брали иногда навощенную доску,
писали или рисовали на ней что-либо
и потом разрывали ее пополам :
одна часть оставалась у одного
другая – у другого.

При встрече
они признавали себя друзьями,
если,
приложив одну половинку дощечки к другой,
видели,
что оба плотно прилегают одна к другой
по линии разрыва.

ОТ РЕДАКЦИИ

Церковь — вот главная тема третьего номера *Символа*. Однако, выбрав эту тему, мы столкнулись с дилеммой : дать ли отчет о последних поисках в области экклезиологии или изложить фундаментальные представления католической Церкви о самой себе.

В прошлом термином "богословие" обозначали особую церковную науку, употребляя этот термин в единственном числе. Но за последние двадцать лет возникло множество разных "богословий" — как, например, богословие смерти Бога, богословие свободы, политическое богословие и т.п., — общей чертой которых является стремление выявить какую-то одну сторону реальности и сделать ее исходной точкой и центром всей данной богословской системы. Каждое такое "богословие" неизбежно порождает свою экклезиологию.

Чтобы в объеме одного номера *Символа* дать точное представление об этих разных экклезиологиях, нужно было бы исследовать их в контексте тех особых богословий, из которых они вышли. Но это поставило бы нас перед необходимостью посвятить весь номер рассмотрению этих новых "богословий".

Не оставляя мысли рассказать в одном из будущих номеров *Символа* об этих поисках, мы все же решили дать в этом номере изложение общего католического учения о Церкви.

Ибо, как нам кажется, таким образом мы остаемся более верными тому, ради чего и был создан журнал и что отразилось в его названии : рассказать о думах и жизни западной половины "символа", с тем чтобы другая, восточная, половина лучше осознала бы свою идентичность с ней и, в то же время, отличие от нее; рассказать со всей объективностью, не преувеличивая и не преуменьшая того, что объединяет и разделяет обе половины "символа".

В этом номере мы публикуем главу "О Церкви", взятую из нового католического катехизиса "Учение Христово", вышедшего недавно в США. Таким образом, мы хотя бы отчасти выполняем пожелание одного из наших корреспондентов, по мнению которого было бы очень полезно издать этот катехизис по-русски. Составленный после Второго Ватиканского Собора, катехизис "Учение Христово" отнюдь не преуменьшает значимости учения Первого Ватиканского Собора. Читатель увидит, в частности, что в этом труде не делается, по каким бы то ни было псевдоэкуменическим соображениям, уступок относительно места Папы в католической экклезиологии.

Мы надеемся, что верующий православный читатель, натолкнувшись во многих местах катехизиса на выражение *католическая*

Церковь, постоянно употребляемое составителями, сразу же поймет, что речь идет просто о Вселенской Церкви.

В этом номере мы также даем перевод главы из книги И.А. Мелера "Единство в Церкви", вышедшей в 1825 году в Тюбингене. Этот классический труд знаменует собой коренной поворот в католической экклесиологии, проблематика которой, ранее – особенно после Реформации – концентрировавшаяся вокруг юридическо-институциональных аспектов Церкви, стала с той поры по-настоящему сосредоточиваться на духовно-мистической реальности Церкви. Мелер, постоянно обращающийся к писаниям Отцов первых трех веков Христианства, своим трудом восстановил связь с наиболее глубокой традицией Церкви и оказал решающее влияние на все последующее католическое богословие; и не только на католическое, ибо мы знаем, хоть этот факт и не был общеизвестным в ту эпоху, – как, впрочем, может быть, и сегодня, – что славянофилы, создавая свою экклесиологию, многое почерпнули из труда Мелера. И это лишний раз доказывает, что публикация в *Символе* главы из книги Мелера вполне оправдана.

Тайна Церкви – основная тема трудов живущего в Париже отца Анри де Любака, одного из наиболее выдающихся современных католических богословов. Мы помещаем здесь важнейшую главу из его книги *Вселенскость* "Тайна Церкви". Мысль де Любака, так же как и Мелера, питается святоотеческой традицией Церкви, что объясняет перенасыщенность обоих публикуемых здесь текстов цитатами из творений Отцов. Давать по-русски все документы на которые опираются оба автора, значило бы чрезмерно перегрузить переведенные нами главы из их книг. Поэтому мы предпочли воспроизвести в конце этих глав примечания из французских изданий, давая, таким образом, всем тем, кто того желает, возможность обратиться к источникам, которыми пользовались оба автора.

К этим трем текстам, каждый из которых, пусть по-своему, касается вечной сути Церкви, мы присоединяем документ, сильнейшим образом отразивший дух своего времени, – что неудивительно, ибо жизнь Церкви неразрывно связана с человеческой историей.

Документ этот носит название "Пользуется ли еще Церковь доверием современных людей?". Это речь, произнесенная немецким иезуитом отцом Альфредом Дельпом в 1943 году, в Фульде, на конференции священников-руководителей различных мужских католических объединений.

Менее чем два года спустя нацисты повесили отца Дельпа в тюрьме Плотцензее, обвинив его в измене родине. На деле же он был казнен за свои проповеди и писания, в которых обличал языческий воинствующий дух национал-социализма, и за принадлежность к "кружку Крейзау" – небольшой группе католиков и протестантов,

намечающих пути национального возрождения Германии после уже предугаданного ими крушения нацизма.

Отец Дельп своей жизнью, отданной служению в вере, своей пролитой кровью засвидетельствовал всю важность вопроса, прямо поставленного им на этой конференции и перед самим собой, и перед слушавшими его священниками, а через них и перед немецкой Церковью той драматической эпохи.

Особое место в этом номере *Символа* занимает энциклика "Искупитель человека" папы Иоанна-Павла II. Во втором номере нашего журнала был дан разбор этой энциклики, сделанный отцом Мишелем Салем. Со дня обнародования первой энциклики нового Папы прошел уже год. Богатство и насыщенность текста энциклики и связанная с этим ответственность переводчиков объясняет запоздание, с которым энциклика выходит на русском языке. Во всяком случае мы сочли более целесообразным дать полный текст этого документа, тем более что его содержание особенно соответствует теме именно данного номера нашего журнала.

Далее после ряда статей, непосредственно касающихся современности, мы публикуем два письма из архива Славянской Библиотеки. Это письма, которыми заканчивается переписка И.С. Гагарина с друзьями по поводу книги А.Н. Муравьева *Правда Вселенской Церкви о римской и прочих патриарших кафедрах* (см. *Символ* №1, стр. 167-174 и №2, стр. 164-181).

ЦЕРКОВЬ

”ВО ЕДИНУ, СВЯТУЮ, СОБОРНУЮ И АПОСТОЛЬСКУЮ...”

Католическая Церковь всецело принадлежит Христу. Он Глава Церкви, ее Основатель, ее Супруг и Спаситель. Христос продолжает дело спасения в Церкви и Церковью же. В Новом Завете мы видим, как Христос основывает Свою Церковь, дает ей Свои обетования и начинает со всей щедростью осуществлять их.

Здесь мы рассмотрим Церковь и как продолжение Христа в нашем мире, таинство Его присутствия на земле, и как реальность, открывающуюся в Писании посредством разных именовании и образов; рассмотрим ее и как видимую семью верующих, отмеченную многочисленными знаками, говорящими об ее принадлежности ко Христу и как общину, внешнее и внутреннее устройство которой были образованы Самим Христом.

Христос в Церкви

Христос – Свет миру. От Христа Церковь получает бытие и свою миссию. Церковь не только объединение людей, ей также присуще и нечто священное, так как Христос установил между Собою и ею неразрушимое единство. Созерцать истинный лик Церкви можно только в свете этого единства. Ибо Церковь сама по себе не является первым объектом веры католика. Католик верует во Христа, в Отца и Духа Святого. В Символе он исповедует свою веру во ”святую, соборную Церковь”, так как он знает, что Христос и Святой Дух присутствуют в Церкви. Католик верит в истинность учения Церкви именно потому, что признает власть Христа в Церкви. Католик считает своим долгом участвовать в деле Церкви именно потому, что миссия Церкви заключается в продолжении дела Христова в мире. Католик в своей вере всегда созерцает Церковь через Христа.

”The Teaching of Christ, A Catholic Catechism for Adults”, Edited by Ronald Lawler, Donald W. Wuerl & Thomas Comerford Lawler; ”L’Enseignement du Christ, Catéchisme catholique pour adultes”, Editions Téqui, Paris, 1978, chapitre 13, ”l’Église Catholique”, p. 190 - 214.

Наша вера и наша надежда, как и наше упование на Церковь, пребывают во Христе. Христос образовал Церковь с тем, чтобы она продолжала Его дело на земле. Церковь несет людям всех времен Христово служение и Христову истину. Все, сделанное Церковью для спасения людей, совершено Христом. Церковь как институция не умирает, потому что она исходит из Христа. Христос обещал Церкви быть с ней до скончания веков (Мф 28, 20).

Церковь есть таинство Христа

Церковь есть, во Христе, в каком-то особом смысле, таинство, или, другими словами, она означает и одновременно осуществляет наше внутреннее единство с Богом и единство всего рода человеческого” (Догматическая Конституция ”Свет Народам”, 1).

Таинство есть священный знак. Как правило у католиков слово ”таинство использовалось прежде всего, если речь шла о крещении, Евхаристии или любом из семи таинств, в которых видимая реальность становится по воле Христа действенным знаком Его спасающих даров. Церковь, в каком-то особом смысле, есть таинство наиболее универсальное и всеобъемлющее : она та видимая реальность, которая образована Христом в этом мире, священный знак Его присутствия, знак, а также и осуществление того единства и той святости, которые Христос дарует людям поистине через Церковь.

Церковь вечна, ибо она семья, призванная жить в Троице. Но она также и странница по земле. Поэтому у нее есть видимая, тайнодейственная сторона; она существует и как знак. Цель знака — вести к тому, что он обозначает. И Церковь, поскольку она знак, должна вести нас к тому, что он обозначает, другими словами, ко Христу, к Богу. И когда мы, наконец, в вечности, через Христа, соединимся с Богом, это обозначающее качество Церкви исчезнет, так как ее земная миссия, врученная ей Богом, будет выполнена. Говоря о небесной Церкви, мы более не имеем ее в виду как исполнительницу служений и таинств, то есть не говорим о ней как о Знаке. Служение и таинства прекратятся; как знаки и орудия они растворятся в вечности, которой служили. Говоря о небесной Церкви, мы подразумеваем единство святых со Христом, их жизнь в Нем, с Отцом и Святым Духом. Эта реальность уже присутствует на земле, благодаря той вере и той любви, которые Бог внедрил в наши сердца. Но полнота славы уготована не для этого мира, но для будущего. Второй Ватиканский Собор дал такое определение миссии Церкви : ”Церковь, укрепляемая Богом, странствует по земле, гонимая миром, Она возвещает крест и смерть Господа, пока Он не придет (См. 1 Кор 11, 26). Она укрепляется силой воскресшего Господа, чтобы в терпении и

любви преодолевать горести и трудности, как внутренние, так и внешние, и со всей верностью являть в этом мире тайну Господа, хотя и покрытую еще тенью, покуда эта тайна в конце не явится в полном свете” (С. н.” 8).

Церковь должна работать ”до того дня, когда она посредством Креста приобщится во всей полноте к свету невечернему” (”С. н.”9).

Ныне же, во времени, видимая Церковь есть таинство, драгоценный и незаменимый дар Христа. Это сотворенное Христом таинство будет продолжаться, по обещанию Христа, до скончания веков, когда оно достигнет полноты благодаря единству с грядущим во всей Его славе Христом. Деятельность Церкви на земле не прекратится, пока Христос не совершит дела искупления и Бог не станет, по слову Ап. Павла, ”всем во всех” (Кол 3, 11).

Мы причастны к Духу только потому, что Христос посылает Его нам. Но Христос посылает Духа для того, чтобы Дух вел Церковь, сохраняя ее от заблуждений, освящая ее члены и утверждая их в истине (Ин 17, 17). Христос, посылая Духа, обещал, что Дух ”откроет вам истину во всей ее полноте” (Ин 16, 13), ”напомнит вам все, что я говорил вам” (Ин 14, 26). Человек, живя жизнью Церкви, тем самым живет жизнью Духа, жизнь эта неотделима от Христа. Желаящий получить драгоценнейшие дары Господни не может пренебрегать Церковью, ибо эти дары Господь дарует через Церковь. Один из первых отцов Церкви, святой Ириней, прекрасно сказал однажды : ”Где Церковь, там также и Дух Божий; а там, где Дух Божий, там и Церковь во всей полноте истины; Дух есть Истина”.

Тайна Христа в Церкви

Церковь есть живое продолжение на земле Иисуса Христа, Своего божественного основателя. Иисус – истинный Сын Божий, но Он также поистине настоящий человек, сын Марии. И Церковь, осуществляющая присутствие Христа и Его Святого Духа, – хранительница небесных даров. Но она по своей природе также очень человеческая, очень земная. Ее высочайшая миссия осуществляется через посредничество людей. Служение этих людей заключается в совершении священных действий, которые доверил им Христос; эти действия, обычно называемые таинствами, связаны с реальностями человеческой жизни : хлебом, водой, вином, елеем. Как человеческий облик Христа казался не привлекательным тем, кто не чувствовал тайну, скрытую в Его человеческой природе (Ис 53, 3), так и человеческий характер видимой Церкви привел многих к недооценке Церкви.

Многие обрели веру во Христа благодаря знамениям, данным Им, особенно Его воскресению. Эти знамения позволили людям познать Христа как Господа и Творца всех. Также и все возлюбившие Христа приходят уже на земле к познанию Его Церкви. Приметы Церкви, данные Христом, и внутренняя благодать, посредством которой люди могут постичь эти приметы, позволяют ощутить спасающее присутствие Христа во всем том, что Он совершает в Церкви. Прийти к католической вере — это увидеть, что Церковь работает для Христа; понять, что священник, приобщающий нас к таинствам, — это Сам Христос, который говорит с нами и призывает нас к вере; сознавать, что посредством вероучительной и руководящей власти Церкви действует Сам Пастырь-Христос.

Главнейшее в Церкви — это ее духовная жизнь, т.е. ее вера, надежда, любовь и то вероучительное и пастырское окормление, которое обеспечит нашу жизнь во Христе. И устройство Церкви, и вся ее внешняя деятельность предназначены именно для духовных целей.

Нет двух Церквей, одна из которых была бы видимой и внешней, а другая — невидимой и духовной. Есть только одна Христова Церковь. Эта та Церковь на земле, в которой и через которую действует Христос.

Видимая Церковь и невидимое присутствие Христа образуют единую реальность, состоящую из двух начал, — человеческого и божественного. Поэтому имеет свою ценность та аналогия, по которой Церковь уподобляется тайне воплощенного Слова. Как человеческое естество, воспринятое Божественным Словом, нерасторжимо соединенное с Ним, служит Слову живым орудием спасения, так же и все то общество, которое есть Церковь, служит Духу Христову, дающему этому обществу жизнь, для того чтобы тело Церкви возрастало (ср. Еф 4, 16) ("С. н." 8).

Тайна Церкви раскрывается в образах

Для того чтобы лучше проникнуться тайной Церкви, необходимо исходить из образов и именовании, с помощью которых наш Господь и Его Апостолы объясняли ее природу.

Народ Бога

Второй Ватиканский Собор решил говорить о Церкви именно как о "Народе Бога" ("С.н." 9-17). Церковь — не абстракция и, безусловно, не только группа официальных лиц, занимающих важные посты. Церковь состоит из всех членов семьи веры. Все вместе — мы Церковь; нам всем дарована благодать Духа Святого. Все мы — единый сплоченный народ, все мы призваны исполнить дело Христово в мире.

Мы новый народ Бога. "Ибо все верующие во Христа, возрожденные не только от тленного семени, но от живого Слова Божьего (1 Петр 1, 23), не от плоти, но от воды и Духа Святого (Ин 3, 5-6), в конце концов становятся родом избранным, царственным священством, нацией святых, народом Бога, — некогда не народ, ныне стал народом Бога (1 Петр 2, 9-10)" ("С.н." 9).

Папа, миряне, епископы, монахи, священники, церковные служители, лица разных уровней — все собраны во Христе, все — Церковь. Мы — народ Христа, "Народ Бога". Хотя каждый имеет особое призвание, свою собственную миссию, с определенными ответственностью и обязанностью, однако все собраны во Христе и составляют единство одного народа. Все получают через крещение одного и того же Духа; все питаются одной и той же Евхаристией, живут общей надеждой христианского призвания. Совершенное равенство в сыновстве Божьем, которое придает каждому новое достоинство, есть основной признак народа Бога.

Народ Божий в Ветхом Завете

Выражение "Народ Бога" изначально применялось для обозначения Израиля. Оно должно быть понято через Ветхий Завет. По сути это выражение обрисовывает Церковь как исполнительницу ветхозаветных пророчеств. Христос есть исполнитель тех пророчеств и обетований, которые мир получил через народ иудеев. Мы можем именоваться "Народом Бога", так как мы владеем Христом, Его новыми дарами и всем наследием Ветхого Завета.

Народ, собранный Христом

Выражение "Народ Бога" уходит своими корнями в Ветхий Завет. Оно помогает нам осознать, что все мы подобны друг другу как члены "собора", Народа Бога. Народ этот и есть Церковь. Миссия Церкви, ее достоинство распространяются на всех, входящих в нее. Так что каждый ее член должен, пускай по-своему, продолжать небесное дело основателя Церкви, Христа, "Священника, Пророка и Царя" ("С.н." 11-13).

В основе ветхозаветного учения о призвании народа Божьего лежала идея "Кагала". Она и стала основой нашего понятия "Церкви", то есть "общины собранной", лишь потому, что Бог сделал ее такой. Совершенно то же самое можно сказать и о Церкви. Нужно было, чтобы Христос собрал ее. Лишь благодаря объединяющей благодати Божьей, "Народ" стал Церковью. Церковь — это скорее соединенные, нежели соединившиеся вместе люди. Господь Иисус — Тот, Кто соединяет и

строит. Все это ясно показывает, что соединение и объединение народа Божьего исходит от Христа. В Церкви, как и у избранного ветхозаветного Народа, власть исходит от Бога. Церковь желает посредством своей власти и своего служения передать людям дары Христовы и сохранить эти дары. Для этого Христос избрал и послал Апостолов и учителей. Все "служения" Церкви исходят от Христа. Он Тот, Кто исполняет эти служения. Он и только Он может сделать действенным причастие к Своему единственному и неповторимому в своем роде священству и к Своему пророческому служению.

Царство Бога

Бог царствует посреди Своего народа. Церковь и Царствие Божье не совпадают до конца. Церковь есть осуществление на земле Царствия Божьего, того Царствия, которое достигнет совершенства в конце времен. В Евангелии говорится, что "Иисус ходил по всей Галилее,... проповедуя Евангелие Царствия" (Мф 4, 23). В своих проповедях Иисус возвещал о той реальности, которая была частью мессианских ожиданий иудеев. В некоторых Книгах Ветхого Завета (Втор 7, Ис 40, 45, Иез 34), а также и в некоторых Иудейских книгах, составленных на протяжении веков, предшествующих Христу, много говорилось о Мессии, который должен спасти Израиль. Надежды многих были сосредоточены на Царствии Славы, которое установит Мессия. Так что, когда Христос говорил о Царствии Божьем, или о Царствии Небесном, Он говорил о вещах, близких иудеям, слушавшим Его. В своем учении Христос стремился очистить идею Царствия от националистических надежд еврейского народа, среди которого Он жил. Поэтому Он часто указывал на небесный, внутренний и религиозный характер Царствия.

Церковь и Царствие

Зная теперь о глубокой внутренней связи между Царствием Бога на земле и Церковью, мы можем кратко рассмотреть учение Христа о Царствии, ради которого Он пришел. Подобно Царствию Божьему, это Царствие не будет по своему характеру политическим – "Царство Мое не от мира сего" (Ин 18, 36). Однако Царствие Христово укоренено и на земле. Христос показывает нам Свое Царствие как нечто вполне осязательное, как общину Им собранную, для которой Он – Пастырь Добрый (Ин 10, 11-16). В одной из притч Христос уподобил Царствие Бога горчичному зерну. Вначале малое, оно затем растет и становится кустом или деревом, таким большим, что "птицы небесные гнездятся в его ветвях" (Мф 13, 32). Объясняя Царствие,

Иисус рассказывал притчу о человеке, который сеет доброе семя на своем поле. Ночью пришел враг и посеял сорную траву. В Царствии и доброе, и злое возрастает вместе до жатвы. Ибо всем должна быть предоставлена во всей полноте возможность спастись (Мф 13, 234). Христос также уподоблял Царствие сети, которую опускают в море. Этой сетью собирают все – и доброе, и злое. На суде отделяют добрых от злых. И Христос ясно говорит о грядущем суде (Мф 13, 47-52).

Церковь – видима

Эти и подобные им притчи позволяют нам понять, что Церковь на земле есть реальность видимая. И люди могут узнать Царствие. В нем есть и доброе, и злое. Оно живет бок о бок с тем враждебным Царствием, которое постоянно работает против него. Царство, хотя и медленно, но растет; в нем сеется и выращивается Слово Бога. В одних, соответственно их духовному уровню, оно приносит свои плоды, в других – нет. Царство должно, подобно закваске, внедриться в мир, обратить и преобразить его. (Мф 13, 33).

Церковь стала по-настоящему видимой, когда Христос во имя Свое послал Апостолов проповедывать Царствие. Христос засвидетельствовал, что дело Апостолов – это Его дело. "Они пошли и проповедывали везде. Господь содействовал им и утверждал Слово последующими знаменами" (Мф 16, 20). Возрастание первенствующей Церкви описано в апостольских Деяниях и прославлено первыми Отцами Церкви. Святой Игнатий Антиохийский, например, с большой силой говорит о долге христианина иметь видимую связь с видимой Церковью.

Супруга Христова

Образ возлюбленной Супруги Христа является одним из наиболее прекрасных образов, используемых св. Павлом для описания природы Церкви и ее отношения к Христу. Христос так возлюбил Церковь, что "предал Себя за нее" (Еф 5, 25). Христос Своими дарами, таинствами, словом спасения сохраняет ее, освящает, "очищает, омывая водою и Словом" (Еф 5, 2). Он своей любовью делает ее царственной Супругой, "Церковью во славе, без пятна, порока и чего-либо подобного, ... святой и непорочной" (Еф 5, 27).

Из прободенного воином бока умершего Христа тотчас же истекли вода и кровь (Ин 19, 34). Кровь и вода Христовы до сих пор текут в евхаристическом жертвоприношении и крещении. Эти реки воды живой несут жизнь, которую Спаситель дарует Своей Супруге – Церкви. Она – новая Ева, Супруга верная Нового Адама (1 Кор 15, 45);

она произошла из ребра Христова, когда Он спал сном смерти на Кресте.

Церковь — верная Супруга Христа. Необходимо постоянно различать Церковь, воплотившую любящее присутствие Христа, от ее грешных и нестойких членов. Благодаря непоколебимой любви Христовой, она — Супруга верная. Церковь постоянно учит истине, постоянно призывает к святости, этому неистощимому источнику всех спасительных даров. "Церковь Святым Духом осталась верной Супругой своего Господина и всегда была на земле знаменем спасения; но она прекрасно знает, что на протяжении ее длинной истории были среди ее членов такие клирики и миряне, которые не сохранили верность Духу Божьему ("Р.н."43).

Наша мать Церковь

Выражение "Святая Мать Церковь" уходит своими корнями в первые годы христианской эры. Церковь именуют матерью, ибо посредством любви Христовой она рождает многочисленных детей. ("С.н."12). Все верующие получили свою жизнь в Боге от нее. "Ибо проповедью и крещением она рождает к новой и бессмертной жизни сынов, зачатых от Духа Святого и рожденных от Бога" ("С.н."64). "В сердцах всех верующих Христос должен рождаться, а также и возрастать через Церковь" ("С.н."65). Чтобы осуществить это рождение и возрастание, Христос пробуждает материнскую любовь, полную всякого попечения, в тех, кто учит во имя Его. Святой Павел пишет своей Галатской пастве: "Дети мои, я снова и снова в муках рождаю вас, доколе не изобразится в вас Христос" (Гал 4, 19).

Христос продолжает питать нас через Церковь, поэтому мы должны почитать ее как нашу Мать и Наставницу. Все просвещенные благодатью Божьей узнают в Церкви Супругу Христа, неразрывно связанную с Ним; в ней Христос пасет свой народ; поэтому все верные должны непоколебимо сохранять свою верность ей, как и говорит об этом с большой силой святой Киприан: "Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец".

Недостаточно лишь принять от Церкви крещение. Необходимо, если мы хотим сохранить верность Церкви, проникнуться Духом и заветами Христа — ее Супруга, и жить по ее учению.

Мистическое тело Христова

Церковь — возлюбленная Христова и носительница Его спасительных даров. Но Церковь не только это. Церковь — это поистине Сам Христос. Она составляет со Христом единое целое, что и есть Мистическое Тело.

Христос часто отождествлял Себя со своими учениками и со Своею Церковью. Посылая апостолов на проповедь во Имя Свое, Христос говорил им : "Слушающие вас Меня слушают, и отвергающиеся вас Меня отвергаются" (Лк 10,16). Христос говорил всем, кто творит милостыню малым мира сего : "Каждый раз, когда вы делаете это для одного из малых братьев Моих, для Меня делаете это" (Мф 25,40). Савла, жестоко гнавшего Церковь до его обращения, Христос спросил : "Почему Меня гонишь? Я Иисус, это Меня ты гонишь" (Деян 9, 4-5). На тайной вечере Он говорил о том единстве, мощь которого объединяет Его со всеми теми, кто связал себя с Ним верою и любовью. "Я лоза, а вы ветви" (Ин 15, 5). Лоза и ветви – вместе одна живая реальность. Так и Христос со Своею Церковью и со всеми теми, кто полюбил Его.

В некоторых своих посланиях Апостол Павел разработал учение о Мистическом Теле. В Послании к Коринфянам он говорит : "Ибо вы тело Христа, Его члены" (1Кор 12, 27). В крещении Христос каждому дает Свой Святой Дух. Святой Дух – Душа католической Церкви ("С.н."7), единственная Душа, связь и единство, преодолевающее всякое разделение. "Ибо все мы крестились одним Духом, чтобы стать одним телом, Иудеи или Эллины, рабы или свободные ..." (1Кор 12, 13).

Безусловно, все мы занимаем разное положение в Церкви, подобно тому как в человеческом теле глаза, уши, ноги имеют разное предназначение. Так и в теле Христовом : одни – Апостолы, другие – учителя, администраторы, третьи выполняют более скромную работу. (1 Кор 12, 28-31). Но все мы призваны и должны славить Бога в вере, надежде и любви, великие дары которых предназначены для каждого человека. (1 Кор 13). Разнообразие не нарушает единства тела, но служит этому единству. "Но Бог расположил в теле каждый из членов согласно Своей Воле. А если бы все были один член, где было бы тело? Однако есть много членов, но одно тело" (1 Кор 12, 18-20).

В Евхаристии особенным образом осуществляется единство Тела Христова. "Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Телу Христову? И так как имеется один Хлеб, мы все одно тело; ибо все мы приобщаемся от единственного Хлеба" (1 Кор 10, 16-17). Так что именно посредством нашего единства во Христе мы становимся по отношению друг к другу членами в Церкви (Рим 12, 5). В силу такого единства все члены должны любить друг друга, как самих себя и даже как Христа. "Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены" (1 Кор 12, 26).

Христос есть Глава этого тела. "И Он Глава Тела, которое есть

Церковь” (Кол 1, 18). Жить по-христиански — значит достигать зрелости во Христе, все более и более уподобляться Ему, все более проникаться полнотой Его жизни, для того чтобы она стала нашей жизнью. ”Но исповедуя истину в любви, всячески возрастаем в Того, Кто есть Глава, Христос, из Которого все тело, составленное и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви” (Еф 4, 15, 16).

Чем больше мы понимаем, что Церковь есть Тело Христа, тем искреннее и глубже мы начинаем любить ее. ”Дабы такая крепкая и нелицеприятная любовь водворилась в наших сердцах и ежедневно возрастала, должны мы приучать себя видеть в Церкви Самого Христа. Ибо это — Христос, который живет в Своей Церкви, который через нее дарует учение, управление и освящение. Это — Христос же, Который является различным способом в различных членах Своего общества. Если все во Христа верующие начнут действительно жить живым духом веры, то они, конечно, проявят почитание и должное повиновение не только первенствующим членам мистического Тела и особенно тем, которые в силу поручения божественного Главы должны будут дать отчет о душах наших; но и будут заботиться также и о тех, к которым проявлялась особенная любовь Спасителя : слабым, раненым и больным, нуждающимся будь то в естественном, будь то сверхъестественном врачестве; детям, невинность которых ныне столь легко подвергается опасности и чьи нежные, податливые души, как воск; наконец бедным, в которых наша вспомогательная любовь должна с внутренним состраданием усматривать лик Самого Иисуса Христа” (Пий XII, Энциклика *Мистического Тела*’).

Признаки Церкви

Во многих древних Символах Кафолическая Церковь определялась как ”единая, святая, соборная и апостольская”. (Константинопольский Символ веры, 381 г.). Это и есть то, что по традиции называют ”свойствами” Церкви. ”Свойства”, или черты Церкви помогают распознать ее такой, какая она есть в действительности.

Эти ”свойства” настолько тесно связаны между собой, что их невозможно отделить друг от друга. Все вместе они образуют гармоническое единство, выражающее идею совершенства Церкви во Христе. Так что единство Церкви тем более показательное, что оно есть единство кафолическое, а значит оно есть единство в вере и надежде всегда и везде; но это единство также и апостольское, то есть оно сохраняет ту единственную веру, которая вначале была проповедана Апостолами, и это единство служит святости жизни.

Сегодня многие католики, которые пишут о Церкви, говорят больше о "признаках" Церкви, нежели о ее "свойствах". Этому способствует все более возрастающее понимание того, насколько важно рассматривать Церковь как "таинство" присутствия Христа. И когда сегодня говорят о Церкви, что она "единая, святая, соборная и апостольская", то этим хотят сказать, что сущность Церкви есть таинство, иными словами, признак Христа и Его присутствия.

Антиномичность признаков Церкви

Свойства Церкви укрепляют христианскую веру и могут привлечь внимание к Церкви у неверующих, – вызвать в них размышление о ней. Но они могут вызвать также и недоумение. Ибо в Церкви можно легко столкнуться с человеческими недостатками. Иногда эти признаки Церкви становятся не столь очевидными из-за искушений, которые порождаются недостатками тех, кто суть члены тела Церкви. Но можно сказать и по-другому. Признаки Церкви могут быть малопонятными как для верующих, так и для неверующих, потому что достоинства Церкви, божественные по своему происхождению, обретаются в человеческой семье, получившей столь щедрое благословение от Бога, но состоящей, однако, из грешников.

При изучении истории легко может показаться, что Церковь состоит исключительно из грешников. Можно вспомнить, например, скандальные истории, связанные с некоторыми церковными иерархами в эпоху Возрождения, или злоупотребления Инквизиции и так далее и тому подобное... И в наши дни многое в жизни Церкви также указывает на человеческие недостатки ее членов. Любой католик может быть искушаем действиями и поведением других католиков. Да, мы грешники и мы Церковь; несмотря ни на что, Церковь свята.

И, действительно, Церковь всегда остается единой, святой, кафолической и апостольской, несмотря на греховность своих членов. И этот факт должен был бы привлечь наше внимание и, в некотором смысле, вызвать в нас ощущение присутствия Христа в Церкви. Присутствие грешников в Церкви уже само по себе объясняет ее недостатки. Но, с другой стороны, нельзя на чисто человеческом уровне понять качества Церкви, проистекающие из ее природы.

Свойства Церкви по своему содержанию богаче ее признаков. Они – богатство, обещанное и данное Христом Своей Церкви. Кафолические Символы твердо исповедуют веру в слово Христово, по которому Церковь всегда будет "единой, святой, соборной и апостольской". Церковь несокрушима в своей надежде, ибо она имеет обетование Самого Христа : "Я с вами во все дни до скончания века" (Мф 28, 20).

Церковь – едина

Церковь Христова едина в вере, которую исповедуют ее члены. Она едина во всем, что касается сущности культа. Все объединены единой спасительной жертвой Христовой в Евхаристии и вкушают тот единственный хлеб, который соединяет всех во Христе. Все получают одни и те же таинства. Есть также единство общения между частями Церкви, рассеянными в мире. Каждая поместная церковь или епархия подчинена собственному епископу, и все объединены общей зависимостью от Папы, который есть знамение и слуга единства. Это живое единство свободно изливается посредством даров благодати Христовой.

Церковь – святая

Символ Веры возвещает святость Церкви. Источником святости Церкви от начала является ее основатель, Иисус Христос. От Него и от Его Святого Духа исходит всякая святость. Благодаря Христу, учение Церкви всегда останется учением Иисуса Христа. Культ Церкви свят благодаря таинствам, которые она дает своим членам, обеспечивая этим служением их христианскую жизнь. Церковь призывает всех к святой жизни. В этом она останется всегда неизменной, несмотря на греховность своих членов. Где католическая вера исповедуется читосердечно, там Христос дарует Свою благодать. Христиане не закрывают глаза на скандальную жизнь и греховность некоторых членов Церкви, но все-таки с уверенностью утверждают, что в Церкви есть святость, ибо очень многие из членов Церкви достигли великой святости, вплоть до мученичества за веру. Церковь так же святая и сегодня, как и в прошлые века; и, может быть, никогда еще в истории христианства не было так много верных, исповедовавших веру Христову в мучениях и страданиях, вплоть до смерти. Это и есть современные мученики.

Церковь – кафолична

Церковь Христова не может не быть "кафоличной". Словом "кафоличность" обозначают "вселенскость". Католическая Церковь есть Церковь для всех народов, везде и всегда. Церковь вселенская, или католическая потому, что она продолжает учить всему, чему учил Христос. И она чувствует себя обязанной исполнять завет Христов и просвещать всех людей Христовым учением.

Церковь апостольская

Церковь также и апостольская. Церковь та же община, что была в эпоху апостолов. Христос основал Свою Церковь на апостолах. У них, в свою очередь, были последователи. И Церковь – апостольская потому, что она по-прежнему руководится их наследниками. Она – апостольская также и потому, что несет ту же истину и учит жить так же, как учили апостолы. Называя Церковь “апостольской”, мы хотим сказать, что учение Иисуса Христа, вначале проповеданное в мире апостолами и христианской общиной, в которой апостольская вера жила и развивалась, продолжает существовать в католической Церкви (“С.н.”8).

Церковь в истории

Суть Церкви всегда остается неизменной. Церковь никогда не теряет признаков, доказывающих ее принадлежность к Христу. Но она также и погружена в историю. Церковь “не витает в облаках над землей. Но она видима и существует среди народов мира... Видимость Церкви – от Самого Христа. Без этого свойства Церковь была бы отсечена от человеческой истории, была бы вне какой-либо связи с условиями человеческого существования. Поэтому понятна вся необходимость этой видимости Церкви”. Католическая Церковь всегда, в любую эпоху, остается видимой, живущей “здесь” и “теперь” среди людей. Церковь не является некоей абстракцией, созданной какими-то зрудитами; она реальна и живет в истории.

Долг Церкви во все времена – содействовать Христу, Который несет Свою истину и Свои дары людям каждой эпохи. Она должна говорить на языке своего времени. Она должна жить в постоянно меняющихся условиях каждой эпохи. Но тот же Христос всегда пребывает в Церкви, учит и освещает ее и призывает через нее всех людей к единой надежде. Церковь всегда неизменна в своей сущности. Однако многое в Церкви отражает историческую действительность. Характер каждой эпохи – Учителей Церкви, Средневековья, Возрождения и Просвещения – накладывают свой отпечаток на Церковь. Все великие цивилизации этого мира преходящи. Церковь должна жить в каждой из них. Но когда очередная цивилизация уступает место другой и прежние культурные институты умирают, Церковь продолжает жить. Церковь проходит через все изменчивые времена, ибо Господин истории обещал Церкви, что она пребудет до конца времен.

Иерархия в Церкви

По воле Христа Церковь есть община иерархическая. Иерархия — это "священное управление". Христос пожелал, чтобы Церковь имела иерархию. Это значит, что Сам Христос решил управлять Своим народом через епископов и пастырей, которых Он поставил служить Своей Церкви.

Весь народ Божий в вере, любви и вечной жизни разделяет одно существенное призвание. Но разные члены общины несут разные служения. Среди этих служений есть и "служение управления". Во имя Свое Христос божественной властью поставил людей учить и управлять Своей Церковью. Церковь учит, что люди, продолжающие служение Апостолов, непосредственно избранных Христом, подобно Апостолам, по воле самого Бога и управляют Церковью, и сохраняют ее (Деян 20, 28). Ибо Христос обещал быть, не на короткий срок, но до конца времен с теми, кто учит и пасет Его стадо (Мф 28, 20).

Обоснования иерархии в Священном Писании

Текст Нового Завета был создан в Церкви. Он был создан людьми, жившими в этой новой общине веры. Новый Завет сохранил богатую память о тех делах и словах Иисуса, которые легли в основу первенствующей Церкви. До Пасхи и до Сошествия Святого Духа, еще при жизни Нашего Господа, значительная часть Его пророчеств о Церкви часто воспринималась не до конца Его слушателями. Однако Евангелия и Послания, написанные уже после, под воздействием Святого Духа, с большой силой свидетельствуют о той истине, что Церковь есть творение Самого Иисуса и продолжает Его деятельность на земле.

Уже в самом начале Своего общественного служения Иисус создал особую, выделенную Им группу соратников, которые и стали впоследствии фундаментом первенствующей Церкви (Еф 2, 20). "Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них Двенадцать, которых и наименовал Апостолами: Симона, которого и назвал Петром, Андрея, брата его, Иакова и Иоанна, Филиппа и Варфоломея, Матфея и Фому, Иакова Алфеева и Симона, прозываемого Зилотом, Иуду Иаковлева и Иуду Искарюта, который потом сделался предателем" (Лк 6, 13-16).

За время своего общественного служения Иисус подготовил Апостолов к несению "служения управления". Он возложил на них обязанности учения, крещения, отпущения грехов, совершения Евхаристии. На Тайной Вечере Он обещал послать им Духа Истины, который будет руководить ими и сохранять их работу (Ин 16, 13).

Новый Завет, повествуя о Пятидесятнице (Деян 2) и о последующей судьбе Церкви, говорит об исполнении этого обещания. В Своих последних словах, обращенных к Апостолам, Иисус щедро приобщил их ко всей полноте Своей власти : ”Итак, идите, научите все народы, (...) уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания Века” (Мф 28, 19-20).

Свидетельства Нового Завета об иерархии в Церкви не являются чем-то изолированным, но дают очень яркую картину самой Церкви, в которой лица, входящие в ее иерархию (Апостолы, их соратники и все поставленные ими для церковного управления лица), выполняют свои, точно определенные функции. И основания для такой иерархии имеются во всех четырех Евангелиях. Начальный опыт управления Церковью отразился в Деяниях Апостолов и в новозаветных посланиях.

Обещания Петру

Некоторые места Нового Завета, имеющие центральное значение, заслуживают специального рассмотрения. В Евангелии от Матфея рассказывается о том, как Симон с большой силой исповедал свою веру в Иисуса как в Мессию. Описание этого исповедания является одной из вершин Евангелия от Матфея. Симон постиг подлинную сущность Иисуса, и поэтому Иисус даровал ему новое и священное предназначение, новые и священные сущность и имя, назвав его Петром. Имя Петр означает камень; Иисус обещал Петру, что он будет тем камнем, или основанием, на котором Он созиждет Церковь Свою. Разрушительная сила времени и даже смерть не смогут повредить Церкви : она пребудет вечно. Христос даст Петру-Скале ключи управления, а также власть и право вязать и разрешать. ”Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах. И Я говорю тебе : ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царствия Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах” (Мф 16, 17-19).

В Новом Завете имеется также и свидетельство об исполнении этих обещаний. Во время Христовых Страстей Петр оказался нестойким в своей вере. Он трижды отрекся от своего Учителя. После Воскресения Иисус призвал Петра к тройному восстановительному исповеданию любви, после чего утвердил его в должности пастыря и главы всего стада : ”Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру : Симон Ионин! Любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петр говорит Ему : Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит : Паси агнцев Моих. Еще говорит ему в другой раз : Симон Ионин! Любишь

ли ты Меня? Петр говорит Ему : Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит Ему : Паси овец Моих. Говорит ему в третий раз : Симон Ионин! Любишь ли ты Меня? Петр опечалился, что в третий раз спросил его : "Любишь ли Меня?". И сказал Ему : Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему : паси овец Моих" (Ин 21, 15-17).

Пастырство, дарованное Апостолу Петру, заключается в управлении Церковью и в возглавлении ее. В иудейской истории символика такого пастырства восходит, по крайней мере, к Давиду : "Ты будешь пасти народ Мой Израиль, и ты будешь вождем Израиля" (2 Цар 5, 2). Но и Христос использует тот же образ для определения Своего собственного служения : "Я – пастырь добрый, Я знаю Своих овец, и Мои овцы знают Меня" (Ин 10, 14).

Новый Завет по-разному наводит на мысль об исключительности роли Петра в Церкви. На Тайной Вечере Иисус сказал Петру : "Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя. И ты, некогда обратившись, утверди братьев твоих" (Лк 22, 32). Через Петра все верные должны укрепляться в вере в свой трудный час.

Апостолам, соратникам Петра-Камня, Христос также дал служение осуществлять власть Христа в Церкви (см. Мф 18, 18; "С.н."22). Апостольское служение Христос уподоблял Своему собственному служению, полученному Им от Отца (см. Ин 17, 18). Апостолы были посланы в мир, чтобы обратить его. "Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари" (Мк 16, 15).

После Пятидесятницы Апостолы насадили в мире семена Церкви. Впоследствии, в силу необходимости, они назначили некоторых людей для возглавления паствы и управления ею в поместных Церквах. (см. Деян 14, 23).

Наследники апостолов

Святой Петр и другие Апостолы умерли, но миссия, врученная им, будет продолжаться до конца времен" (см. Мф 18, 20). Поэтому Апостолы решили установить в Церкви, в этом иерархически упорядоченном обществе, преемственность" ("С.н."20; Деян 20, 25-27; 2 Тим 4, 6). Это было отмечено уже первыми отцами Церкви, которые жили в конце апостольской эпохи и в начале последующей. Так, Папа, св. Климент Римский, писал около 96 года, что сами Апостолы "установили правило, по которому духовно опытные люди должны наследовать их служение".

С первых же дней Церкви епископы, назначенные Апостолами, или наследниками Апостолов, были признаны пастырями, обладающими правом управлять и сохранять Церковь во имя Христово. Верность

Христу уже тогда, видимо, выражалась посредством верности Епископу. Так, например, святой Игнатий Антиохийский в письме, написанном в 106 году (или около того), восхваляет Филадельфийскую Церковь в Азии как "вечный и неиссякаемый источник радости; эта радость особенно полна, когда все члены Церкви находятся в единстве со своим епископом, а также и со своими священниками, диаконами, то есть со всеми теми, кто поставлен по воле и мысли Самого Иисуса, укреплен и утвержден Его Святым Духом".

Иерархия есть Служение

Второй Ватиканский Собор определил иерархию как "диаконию", то есть, как установленное служение. "Ибо служители, которым вручена священная власть, служат братьям своим, для того чтобы все принадлежащие к Народу Божьему и, следовательно, поистине имеющие христианское достоинство, свободно и организованно вместе стремясь к одной цели, пришли ко спасению" ("С.н." 18).

Христос настойчиво призывал всех, имеющих власть в Церкви, осуществлять эту власть с таким же смирением, каким обладал и Он Сам (см. Мф 20, 25-28). Но Христос также призывал всех признавать законную церковную власть и получать через нее божественные дары, — даже если носители этой власти недостойны ее (см. Мф 23, 3). На Тайной Вечере Христос ясно показал, что власть должна осуществляться через служение: "Итак, если Я, Господин и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу" (Ин 13, 14). Но руководители Церкви должны быть действенными в своем служении. И епископ или даже Папа, который пренебрегает служением своему народу, то есть не охраняет его веру или не направляет его в области морали, является изменником, нарушившим свой долг (см. 2 Тим 4, 1-15; 1 Кор 9, 16).

Святой Августин, который был епископом Иппонским в Северной Африке, говорил своей пастве: "То, что я для вас, меня устрашает, а то, что я с вами, меня ободряет. Ибо для вас я — Епископ, а с вами я — христианин. Епископ — это обозначение выполняемого долга. Христианин — это имя благодати (получаемой). Звание — опасно, имя же — спасительно".

Для обеспечения человеческого сотрудничества в любом общем деле необходимы власть и ее разнообразные проявления. Церковь была предназначена Христом для людей. Более того, по своему милосердию Христос пожелал, чтобы люди были не только приобщены к плодам Искупления, но также и участвовали в Его спасительном деле во всем его разнообразии.

Иерархия сегодня

Роль Святого Петра и других апостолов была во многом неповторима. Они были личными сотрудниками Иисуса, выделенными Им Самим. Однако во многом их деятельность должна была продолжаться в Церкви. Их непреходящая ответственность и возложенные на них обязанности – учить, освящать паству и управлять ею – лежат сегодня в Церкви на Папе, который наследовал как первый пастырь и епископ обязанности святого Петра, и на всей совокупности или “коллегии” епископов, наследовавших обязанности “коллегии Апостолов”. Папа и прочие епископы, точно так же как и Апостолы, не заменяют Христа, но через них Христос продолжает пасти Свое стадо. “Так что в лице епископов (...) Сам Господь Иисус Христос (...) присутствует посреди верующих” (“С.н.” 21).

Папа

Первый Ватиканский Собор напомнил слова Писания об особой роли Петра в управлении Церковью – роли, полученной им от Христа (об этом мы уже говорили выше). После этого Собор объяснил непреходящую природу наследников Петра.

“То, что Сам Христос, Наш Господь, Глава Пастырей, высший Пастырь Своих овец, учредил в личности блаженного Апостола Петра для вечного спасения и для непреходящего блага Церкви, – это по необходимости должно посредством Христовой власти всегда продолжаться в Церкви, которая основана на камне и останется несокрушимой до скончания веков.” Никто не сомневается, и всегда было известно, что святой и блаженнейший Петр, руководитель и глава Апостолов, столп веры, основание Вселенской Церкви, получил ключи Царствия Нашего Господина Иисуса Христа, Спасителя и Искупителя рода человеческого : донныне и навсегда святой Петр в лице своих наследников”, епископов Римского святого престола, основанного им и освященного его кровью, “живет”, возглавляет, “и судит”. Следовательно, любой наследник Петра на этом престоле получает через утверждение Самого Христа первенство Петра над всей Церковью. Итак, пребывает то, что повелела истина. И блаженный Петр, постоянно сохраняющий полученную им для Церкви крепость камня, не оставляет Церковь без кормила”. Вот почему каждой Церкви, то есть всем верующим всегда было необходимо обратиться к Римской Церкви, ибо “в силу ее высшего происхождения” святой престол, от которого исходят для всех “права достойного общения”, как член и глава, соединенные в одном теле”. чтимого общения”, как член и глава, соединенные в одном теле”.

Затем Собор подтвердил учение, согласно которому, по воле Христа, должность преемников святого Петра непрерывно наследуется в Церкви, а также что Римский Епископ действительно наследует главенство Петра во Вселенской Церкви.

И далее Собор определил сущность и пределы юрисдикции Папы, то есть его права и долг управлять и сохранять Церковь. Он епископ не только Рима, но и Вселенской Церкви. Его авторитет как епископа "непосредственен", то есть каждый член паствы, какого бы то ни было ранга, должен принимать пастьрские указания Первого Пастьра. Он епископ всей Церкви, пастьр всех "епископов" и всех верных — как по отношению к каждому, так и по отношению ко всем. Авторитет и долг Папы не ограничивается лишь веро- и нравоучением, но распространяется на все, что касается дисциплины и управления Церковью во всем мире.

Папа обладает разными титулами : Римский Понтифекс, Верховный Первосвященник, Святой Отец, Наместник Христа. Но, подписывая официальные документы, Папа обыкновенно употребляет один из наиболее соответствующих ему и почетных титулов : Слуга Слуг Божьих.

Собор Епископов

"Святой Петр и другие Апостолы составляют единый апостольский собор, образованный Господом" ("С.н." 22). Христос даровал подлинное первенство Петру. Все же Петр сохраняет Церковь не один, но в братском и соборном единстве с другими Апостолами. Подобным же образом Папа, являясь наследником святого Петра, управляет Церковью совместно со своими сотрудниками-епископами, наследниками собора Апостолов. Вполне уважая особую должность, врученную Папе Христом, епископы во всем мире сотрудничают с ним, опекая всю Церковь.

Эта "коллегиальность" всегда присутствовала в практической жизни Церкви. Уже в первые годы ее существования, когда чистоте и единству веры угрожали различные опасности, епископы собирались вместе, на соборах, для разрешения, с помощью Святого Духа, разных вопросов по управлению всей Церковью.

В древности повсеместно существовало общее стремление к "общению" как между разными местными Церквами, так и между каждой из них с Римским Престолом. Это и было еще одним выражением коллегиальности в Церкви. Все Церкви были связаны вместе "узами единства, любви и мира" ("С.н." 22). "Общение епископов между собой было знаком и выражением общения, объединяющего всю Церковь".

Коллегиальность в жизни Церкви

Сущность епископской коллегиальности ярче всего выявляется, когда епископы собираются на Вселенском Соборе. На таких Соборах (их было 21) собираются епископы всех епархий и обсуждают те или другие вероучительные или дисциплинарные проблемы Церкви. Последним по времени таким собором был Второй Ватиканский Собор. Как и Первый Ватиканский Собор, он проходил в Ватиканской базилике Святого Петра. Этот Собор начался в 1962 и закончился в 1965 году.

В 1965 году, во время последней сессии Второго Ватиканского Собора, Папа Павел VI учредил новую форму коллегиального сотрудничества в Церкви : Синод епископов. Этот Синод представляет епископов всего мира и созывается Святейшим Отцом для обсуждения некоторых проблем и вопросов пастырской работы, с которыми сталкивается современная Церковь. На своих совещаниях епископы совместно помогают Папе в его работе. Они информируют Папу о думах и заботах епископов и народов мира. Первая сессия Синода епископов произошла в 1967 году. С тех пор такие сессии созываются регулярно.

Епископ в своей епархии

Католическая Церковь состоит из многих поместных церквей и епархий. Каждая из них имеет епископа, который отвечает за свою Церковь. Епископ, ответственный за епархию, называется "Ординарным". Он называется так в силу своего авторитета в епархии. При необходимости Ординарному епископу помогают в его работе один или несколько других епископов-помощников (викарных).

Епископ – подлинный учитель веры в своей поместной Церкви. Он есть и знак, и центр единства своей Церкви. Для народа, врученного его попечению, Он – "Управляющий в Доме Божиим" (см. 1 Кор 4, 1). Чтобы в истине назидать свою паству, епископ местной Церкви, безусловно, должен быть в согласии с Папой и другими членами коллегии епископов. В своей епархии епископ работает вместе со священниками и диаконами; церковная миссия священников и диаконов зависит от епископа. Они становятся сотрудниками епископа через рукоположение (см. "С. н., 28).

Епископ сохраняет свою паству как истинный посланник и наместник Христа. Если епископ правильно рукоположен и имеет законную власть в епархии, порученной его заботам, тогда он пастет свое стадо как истинный наследник Апостолов, жезлом, данным ему самим Христом. Для того, чтобы верные могли сохранять единство и возрастать в любви, епископ должен осуществлять свою власть в духе Христовом. (см. "С.н." 26, 27).

Спасение в Церкви

Католическая Церковь твердо верит в то, что она единственная Церковь Иисуса Христа. Этим мы не хотим сказать, что другие христианские общины лишены духовных ценностей или искренней убежденности, или что их члены не имеют глубокой преданности Христу, это — скорее краткое изложение всех истин, о которых говорилось выше. Говоря так, исповедуют, что Иисус действительно пожелал присутствовать среди людей в Церкви, которая развилась по благодати Святого Духа, получив свое начало от проповеди посланных Христом Апостолов. Этим также хотят сказать, что насажденная Апостолами и отмеченная священными свойствами "единая, святая, вселенская, апостольская", единственная община веры продолжает, по слову Христа, жить в веках. Это означает также, что Христос, пребывающий в католической Церкви, призывает всех людей к полному единству в вере и к тесному общению в любви в этой видимой и живой Церкви; и что Христос, по Своему спасающему милосердию, требует, чтобы все познавшие по благодати Церковь как таинство Его присутствия вошли в нее и восприняли в радости жизнь, которую Он дает через нее.

"Это и есть единственная Церковь Христова, которую мы исповедуем в Символе веры как единую, святую, вселенскую и апостольскую, которую Спаситель наш, по воскресении Своем, поручил пасти Петру (Ин 21, 17), и ему же и другим Апостолам вверил ее распространение и управление (см. Мф 28, 18), и навсегда воздвиг ее как "столп и утверждение истины" (1 Тим 3, 15). Эта Церковь образована и организована в этом мире как некое общество и обретается в католической Церкви, управляемой преемником Петра и епископами, находящимися в общении с ним" ("С. н." 8). Говоря о Христовой Церкви, что она "обретается" в католической Церкви, Второй Ватиканский Собор хочет сказать, что Церковь Христова есть реальность конкретная, историческая и что эта конкретная реальность существует в живой и видимой католической Церкви.

Отделенные братья

Многие люди, не будучи в полном смысле членами католической Церкви, все же безусловно принадлежат Христу и многими узами соединены с Его спасающим таинством — Церковью. "Католическая Церковь относится к ним с любовью, уважением, как к братьям. Ибо все верующие во Христа и получившие истинное крещение, находятся в общении, хотя и в некотором смысле неполном, с католической Церковью" (Декрет об экуменизме).

Не участвуя во всей полноте радости католической веры и не имея полного общения с теми, через кого Христос пасет Свое стадо, они все же разделяют многие истинные дары Христа, например, веру в Него и крещение — дары, "уже сами по себе призывающие к католическому единству" ("С.н." 8). Католик должен чтить в них дары Бога, и, следовательно, жить так, чтобы истинная природа католической жизни раскрылась с наибольшей полнотой и другие смогли бы прийти к познанию благословенной Богом полноты единства со Христом в Его Церкви.

Спасение обретается только в Церкви

От первых своих дней Церковь возвещает, что Христос — единственный Спаситель и что жизнь вечную можно обрести лишь придя к Нему. Но прийти ко Христу во всей полноте — значит войти в Церковь, в семью веры, то есть вновь родиться в крещальной купели и жить в общении с теми, через кого Христос просвещает и освящает Свой народ.

"Вне Церкви нет спасения", — этому учил уже в III веке святой Киприан Карфагенский. Церковь всегда исповедывала это учение. Но в этом учении ни в коей мере не содержится та жестокая и злая мысль, что будут лишены спасения даже те, кто не виновен в своем неведении относительно присутствия Христа в Церкви и Его повеления жить истинной жизнью (см. Мк 16, 16). Наоборот, без всякого сомнения, всякий, кто искренне и от всего сердца стремится исполнять все требования Бога, не лишится надежды на вечное спасение и не будет окончательно отлучен от Церкви благодаря своему упованию.

Однако есть нечто чрезвычайно важное в классическом определении святого Киприана. Католическая Церковь — это не какая-то обычная, стоящая в ряду прочих организация. Глубочайшее желание Христа состоит в том, чтобы каждый принял все содержание Его учения и все Его спасительные повеления и был связан неразрывными узами с Его семьей. Если же кто-нибудь, познав сущность католической веры и повеления Самого Христа жить по ней, все-таки сознательно отверг бы этот, идущий от Самого Бога призыв, он тем самым, отвергнувшись от Спасителя и Его спасения. "Поэтому всякий познавший необходимость Церкви, основанной Богом через Иисуса Христа и отказавшийся войти в нее или оставаться в ней, не может спастись" ("С.н." 14).

Здесь речь о верности не людям, — Иисусу Христу. Ибо это Он зовет всех людей к жизни и "нет другого имени под небом, данного человеку, которым надлежало бы нам спастись" (Деян 4, 12).

МИСТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

ЦЕРКВИ

Часть 1

Не рассудком, опирающимся лишь на свои собственные силы, но благодатно воздействовавшим на него Духом Святым пришел ап. Петр к исповеданию своей веры во Христа, как и свидетельствует об этом сам Господь наш Иисус Христос (Мф 16, 17). Также и св. Павел довольно часто описывает веру во Христа как следствие непосредственного воздействия Св. Духа (1). Наконец, в апостольскую эпоху повсеместно исповедывалось, что вера во всей своей полноте необходимо обуславливается дыханием Божественного Параклета (2). Таким образом, представляется, что Св. Дух, действуя в нас, передает нам свою собственную сущность (3).

Эта таинственная причастность человека к жизни Бога есть основа, или, точнее, сущность Вселенности. И эта таинственная причастность к жизни Бога в сознании христиан неразрывно связана со св. Евхаристией. Дух Божий, внедряясь, оживляет всех христиан, собирает их всех для общей великой жизни и рождает духовную общину, делая всех "единым стадом". "Откуда, — говорит Климент Римский, — эта распря, эта ярость, эти разномыслия и войны между вами? Не имеем ли мы одного и того же Бога, Христа, Духа, покрывающего всех нас, одного и того же божественного призвания? Зачем разрывать и разделять члены Христа? Откуда этот бунт против собственного тела? Безумие забывать, что все мы части одного тела" (4).

Климент повторяет здесь учение своего учителя св. Павла, который называет всех верных "телом Христа". Великий апостол говорит, что Христос есть начало, образующее и оживляющее это мистическое тело. Ученики Христовы уподобляли этот дающий жизнь основополагающий принцип телу, в котором есть плоть и дух, ибо тело — только оболочка или внешний образ духа. Разумеется, это сравнение не нужно понимать буквально : жизнь духа происходит от других начал, нежели тело (5).

И когда сравнивают отношения между Христом и обществом христиан или Церковью с отношениями между супругами, то имеют в виду именно эту концепцию органического единства между верными : ибо Христос тот, кто дает нам жизнь, а Церковь та, которая рождает (6). Следовательно, верующие образуют собою тело Христово и обладают духовным единством, так как основополагающий принцип, формирующий и порождающий это единство, уже сам по себе единственен и везде остается одним и тем же – Духом Христовым. Ерма в своем "Пастыре" пользуется теми же образами, чтобы лучше объяснить сущность Церкви. Он говорит о строительстве башни, фундамент которой следует укрепить на скале, а элементы, необходимые для постройки, – тщательно отобрать. Отбор же этот совершается Духом Святым, который пользуется при этом уже обтесанными камнями, оставляя в стороне все ненужное. Вот как Ерма объясняет этот образ : "Скала, на которой укреплен фундамент башни, и ворота, ведущие в нее, – это Христос. Теперь ты видишь всю башню, которая образует со скалой единое целое, как если бы она была из того же камня. И подобно этому все те, кто веруют в Бога через Сына, облачаются его Духом. Между всеми верными существует неразрывное единство : смотри : и будет один дух и одно тело" (7). Этот образ, которым пользуется уже св. апостол Петр (1Птр 2, 4), очень хорошо объясняет, как Христос своим Духом оживотворяет верных, собранных им в одно целое; единодушность же верных создана Духом Бога Единого.

Св. Киприан говорит более просто, но не менее сильно : "Один и тот же Единый Господь, обитающий внутри нас и связывающий нас узами единства" (8). Так же и Ориген : "Любовь от избытка Духа изливается на общину святых; так исполняется слово Господне : "Отче, да будут они едины, как Ты во мне, и я в Тебе", это означает, что полнота любви есть дар Св. Духа" (9).

Часть 2

Дух, формировавший, одухотворявший и удерживавший единство всех верующих, нисходил до пришествия Христова лишь изредка и лишь на отдельных лиц, находившихся к тому же во взаимной разобщенности. Поэтому, невозможна была подлинная духовно-религиозная жизнь; до Христа жизнь сводилась лишь к каким-то внешним и обособленным проявлениям. Только после величественного и чудесного сошествия Духа Божьего на апостолов и на христианскую общину эта последняя начала жить поистине христианской жизнью. С этого мгновения Дух не оставляет более верных и будет с ними всю вечность. Общество всех верных, или, иными словами, Церковь стала отныне, благодаря присутствию в ней Духа Святого, сокровищем

неистошимым, источником вечно бьющим, юностью постоянно возобновляющейся, поистине новым началом жизни, преизбыточной пищей для всех.

Говорит св. Иреней : "Веру, полученную в Церкви, мы можем сохранять неповрежденной именно потому, что она есть дар Св. Духа. Можно было бы сравнить христианскую веру с драгоценным камнем в дорогой оправе, если бы они не были подвержены разрушению. Бог вручил Церкви миссию несения Духа всем людям – божьим созданиям, с тем чтобы все ее члены оживотворялись этим Духом.

И в этом сущность нашей связи со Христом, и в этом же проявление мощи Св. Духа. Таков Дух Святой : Он – залог неразрушимости нашей веры, ее роста и цветения в нас; Он – путь, ведущий нас к Богу. Где Церковь – там и Дух Божий, а где Дух Божий – там Церковь и полнота благодати. Дух есть Истина. Те же, кто ищет дающую Жизнь пищу вне материнского лона Церкви, не имеют своей части во Христе и не имеют доступа к чистейшему источнику воды живой, бьющему из Мистического Тела Христа" (10). Св. Киприан говорит о том же : "Церковь, проникнутая светом Христовым, распространяет лучи по всему пространству Вселенной. Этот свет расходится повсюду, единство же тела пребывает неизменным. Его сияние, несущее семена жизни, достигает последних пределов земли, всюду образуя ручьи жизни преизбыточествующей. Но есть только один корень, один единственный источник, одна и та же мать, непрестанно дающая жизнь в своем неистошимом чадородии. Она рождает, питает своим молоком и живет нас своим духом" (11). Ориген дает нам тот же образ : "У нас, христиан, – говорит он, – есть два светильника, которые светят нам : Христос и Его Церковь. Христос есть свет мира. Он освещает свою Церковь, которая, в свою очередь, становится светом, просвещающим мир, благодаря своей причастности истинному свету" (12).

Часть 3

Постоянное обитание Божественного Духа среди нас началось с его сошествия на апостолов. Апостолы получили его непосредственно. Святой Дух охватил их, внедрился в них, ибо они были готовы к его приятию : Он даровал им новое жизненное начало. Посредством апостолов возникла возможность передачи начатков жизни тем, кто обрел готовность воспринять ее через них.

Однако дар, полученный апостолами, никогда более не передавался и не будет передаваться подобным же образом, то есть непосредственно. Желаящим принять новую жизнь необходимо черпать ее у апостолов, ибо эта жизнь здесь, на земле, началась именно среди них.

Можно сравнить эту духовную жизнь с телесной : один только раз она вышла непосредственно из десницы Творца. С тех пор жизнь передается от человека к человеку. Так же и наша жизнь в Боге; она исходит от тех, кто уже обладает ею. Но это значит, что новая жизнь поистине рождается через живое свидетельство, передаваемое от одного к другому.

И так же как в апостольскую эпоху люди, разделенные пространством, получали один и тот же Дух, передаваемый непосредственно посланниками Бога, оживотворенными этим же Духом, так и позже все другие люди, разделенные временем, будут причастниками того же Духа. Они получают Духа от тех, кому апостолы передали Его, так что и в пространстве, и во времени посредники Духа являются лишь средством, обеспечивающим единую жизнь в Боге. Так же и люди, наиболее отдаленные от нас в пространстве и во времени, будут жить все тем же Духом, созидающим Единство, — то Единство, следствием которого является подлинная соборная жизнь — то есть Церковь (13).

И если бы сегодня повторилось сошествие Святого Духа, и если бы внезапно Дух осенил какого-нибудь человека, как это произошло некогда с апостолами, тогда пришлось бы признать, что на него сошел подобный, или, точнее сказать, тот же самый Святой Дух. Это означало бы, что сподобившийся такой благодати почувствовал бы неодолимую тягу и внутреннее предрасположение к тем, кто уже получил такой дар. Сподобившийся такой благодати неизбежно был бы вовлечен в общество людей, уже живущих Святым Духом. Это именно и произошло со св. апостолом Павлом (14). Напротив, обособление, пренебрежение общением с другими христианами или неспособность общаться с ними доказали бы существенное отличие от апостольского Духа и обличили бы этот "новый дух" в неистинности и лживости. Животворящая и духовная сила, постоянно действующая в Церкви, и есть то внутреннее, таинственное, превосходящее всякое человеческое разумение Предание, которое получено нами в наследство от отцов (15). Никто никогда и нигде не мог выдать за свое то учение, которое открылось нам через веру. Со времени зарождения Церкви никто еще сам себя не крестил, но всегда и везде дарование этого таинства обуславливалось именно теми, кто уже обладал им и кто поэтому мог передать другим власть даровать это таинство. Никто также не мог, вдруг и в одиночку, причастить самого себя; к тому же причастность к действительности евхаристических даров и одновременное неведение о том, что и другие тоже причастны к этому таинству, противоречило бы самой сущности Евхаристии. И, наконец, никто и никогда не мог рукоположить сам себя и быть при этом уверенным, что подобная хиротония так же действительна, как и та, которая совершается в Церкви с апостольских времен (16).

Часть 4

Согласно учению первенствующей Церкви, истинная вера и подлинный христианский опыт обуславливается присутствием Святого Духа, а это присутствие, в свою очередь, обуславливается связью с Церковью. Если мы более внимательно рассмотрим взгляд на жизнь, существовавший в первенствующей Церкви, то увидим, что, согласно этому взгляду, *каждый христианин посредством личного религиозного опыта должен внутренне воспринять святую жизнь, истекающую из Церкви. Он должен усвоить религиозный опыт общины, с тем чтобы этот опыт стал через внутреннее созерцание поистине его личным религиозным опытом. И, наконец, он должен создать условия, которые помогут возникновению и развитию в нем полноты святой жизни в согласии с теми дарованиями, которые пробудились в нем благодаря познанию христианства.*

Эту глубочайшую истину Климент Римский проповедывал коринфянам. Призвав их к святой жизни, он продолжал : "Вот путь, на котором встречаешь Христа. Да будем же через Христа созерцать глубины небесной тверди и им же да будем созерцать пресвятой лик Бога Вседержителя. Христос раскрывает очи нашего сердца. Христом же наш помутневший и утерывший способность понимания ум просветится Божественным светом. И им же по воле Божьей вкусим однажды бессмертного знания" (17). Вот заключение св. Климента : из святой жизни произрастает знание Христа, через Которого (и только через него) открывается нам Отец.

Также и для другого ученика апостолов, автора прекраснейшего письма к Диогнету, Церковь — это непрерывный поток жизни и источник, из которого мы черпаем знание истинной сущности христианства. Автор письма к Диогнету говорит : "И когда ты научишься жить только для неба, когда ты перестанешь бояться того, что называют смертью здесь на земле, но устроишься лишь смерти духовной, — тогда только ты узришь, будучи еще на земле, как Господь царствует на небесах; ты начнешь сам возглашать о тайнах Божиих и восхищаться умученными за верность Богу (Христу) и отворишься от всей лжи и неправды мира" (18).

Никто так глубоко не проник в глубины всего этого, как святой Игнатий. Этот верный последователь апостола Иоанна, сохранивший в себе его подлинный образ, сумел своим верующим духом ухватить подлинную суть христианства и изложить ее в своих писаниях. Святой Игнатий постоянно возвращается к истине, с презыбтком наполняющей его доброе и любящее сердце : лишь Любовь открывает людям Христа и учит их жить по-христиански. Это та Любовь, которая оживотворяет Церковь; та Любовь, которую дяди обретают в церковном лоне, для того чтобы облечься в одежды истины. Можно свести

все содержание посланий св. Игнатия к следующим словам : *Христос есть Любовь, и только любя можно обрести Христа*. Св. Игнатий говорит о христианской общине, что она не только "хор Христа", но также и Его Образ : "в ней Отец узнает члены своего Сына. В общине верные приобщаются к жизни Бога-Отца, а для Него они члены Его Сына" (19). И далее : "В Церкви побеждается все зло ". "Власть Сатаны сокрушена, и его злобные деяния разбиваются о ваше единство в вере" (20). И еще он говорит, что вера и любовь взаимно обуславливаются, вместе растут и в Боге обретают совершенство взаимопроникновения и союза. Конечно, св. Игнатий, говоря о вере и любви, всегда имеет в виду осуществление единства верующих (21). Для св. Игнатия нет большей силы, чем та, которая осуществляет и сохраняет соборную жизнь Церкви. Все благополучно там, где процветает соборная жизнь. Человеческая самость исчезает там, где соборная жизнь беспорочна. Подлинная соборная жизнь способствует расцвету внутренней жизни членов Церкви, ибо тогда все верующие, все настоящие христиане поистине живут друг в друге.

В ту эпоху все без исключения отцы Церкви и по самым разным поводам говорили об этой основе церковного единства, об этой Божьей силе, которая охватывает тело Церкви, дает ему жизнь и этим ведет нас к познанию христианской жизни. Климент Александрийский дает очень живое и образное истолкование этой идеи: "Кто в прямом смысле этого слова возрождается, тот тут же освобождается от тьмы и переходит в область света. Человек, открывая глаза после сна, видит благодаря свету, который не в нем. Он лишь поднимает вежды (закрывающие его глаза), и тем самым, так сказать, высвобождает заложенную в нем способность видеть. Подобно этому, мы также обладаем и божественным глазом – свободным и ясным, – раскрывающимся, когда Святой Дух разгоняет тьму грехов, окружающих нас. Только с помощью этого божественного глаза мы можем созерцать Бога, когда Дух сверху озарит нас. Так именно творится в нас способность видеть Бога, ибо лишь подобным можно познать подобное. И, следовательно, лишь тот, кто несет в себе святость может прикинуть к источнику всякой святости" (22). Христианство не просто некая концепция, но, прежде всего, жизнь, охватывающая всего человека, глубоко укореняющаяся в нем; и вне этой жизни невозможно понять и объяснить человеческое существование. Вот великая истина-фундамент и, вместе с тем, внутренняя сущность всего того, о чем говорилось выше.

В другом месте Климент Александрийский так же ясно говорит на ту же тему : "Мы не говорим, что познание христианства исчерпывается лишь усвоением каких-то концепций. Напротив, это познание есть божественная наука, свет которой, благодаря послушанию Богу,

проникает внутрь нас; свет ее открывает перед нами все тайны и, давая нам знание Бога, открывает нам нашу суть” (23).

Приведем также и слова Оригена, для которого, как и для уже процитированных нами Отцов, Св. Дух – единственный освячитель человек, а освящение Св. Духом есть начало веры во Христа (24). Вот текст Оригена : ”Обрести Сына Божьего можно только в общине верных, и это потому, что он пребывает только среди тех, кто соединен во имя Его” (25). В других текстах Ориген говорит то же самое, но использует другую аргументацию : власть Христа творить новую жизнь ясно доказывает Его Божественность (26).

Часть 5

Другое обстоятельство, а именно распространение и рост христианства в языческом мире доказывает, насколько христианская религия присуща жизни, и при том – жизни общинной. Иустин свидетельствует, что, наблюдая жизнь христиан, он обратился к Богу (27). И другие, говорит он, пережили такой же опыт (28). Григорий Чудотворец, описывая обращение Иустина, подтверждает его свидетельство (29) и констатирует, что святая и божественная жизнь, исходящая из Церкви, не оставляет равнодушными нехристиан, неодолимо притягивает их к себе (30).

Вот почему апологеты с уверенностью утверждали : ”Церковь воздействует своей духовной мощью; она не нуждается для убеждения людей в схоластической мудрости, опирающейся на голое рассуждение”. Ориген, выступая против Цельса, хулившего Христа и Его учеников, убедительно возражал ему следующим образом : ”Всякий способный честно и без предубеждения рассмотреть Деяния апостолов, согласится, что апостолы проповедывали христианскую истину со сверхъестественными точностью и силой. И не с помощью риторического и диалектического искусства апостолы воздействовали на своих слушателей. Если бы Христос избрал для проповедывания Евангелия людей, владеющих мудростью века сего, то есть людей, способных овладевать толпами при помощи красноречия, можно было бы сказать, что Он воздействует подобно философам и основателям разных религиозно-философских течений. Но тогда Его обещание передать слово Божье оказалось бы пустым, ибо в таком случае Его учение зависело бы от словесной мудрости, от искусного изложения, от опытности проповедников и от их умения убеждать. И вера, соответственно подобной гипотезе, мало чем отличалась бы от нашего доверия к ученым; она была бы плодом человеческой мудрости, а не божественной мощи (Кор 2, 5). Любой пришел бы в удивление, увидя, как какие-то бедные рыбаки и мытари с удивительным знанием рассуждают о вещах божественных. Разве обладали они хотя бы крупицами

знаний своей эпохи? (Для всех, даже для Цельса, очевидно, что апостолы были весьма несведущими в делах мира сего). Кто, видя успех, с каким они проповедуют, вовлекая в свое дело не только соотечественников, но также и другие народы, не попытался бы узнать, откуда в них такая сила убеждения? Кто посмеет отрицать, что Христос даровал им божественную силу, сказав при этом "Следуйте за мной, и я сделаю из вас ловцов людей"? И поэтому все, кто услышит силой проповеданное слово, тоже исполнится этой же силой, и эта сила начнет проявляться в их поступках и жизни и, если нужно, поддержит их в мученичестве за истину" (31).

Чин принятия язычников в Церковь Христову очень хорошо отражает представление древних христиан о таинственном рождении христианской веры в человеческой душе. Для крещения было недостаточно одного лишь отречения оглашаемых от языческой философии в пользу христианских идей. Отвергалось любое чисто идеологическое сопоставление христианства с языческой философией, с тем чтобы избежать утверждения христианской жизни только благодаря христианским концепциям. Испытывались представления оглашаемого о христианской жизни и его готовность разделить ее с другими. Когда появлялась уверенность, что оглашаемый начинает вести христианскую жизнь, что он обрел полноту христианских убеждений и что он верит в божественное происхождение Евангелия, — только тогда его сподобляли святого крещения. Церковь лучше всего выразила свое понимание новой жизни во Христе, назвав новорожденных — озаренными (32), а саму христианскую жизнь — истинной и божественной философией (33).

Часть 6

Можно провести некую параллель между церковным принципом, согласно которому человек не может жить христианской жизнью и познавать свою религию вне общины верных, оживотворенных Св. Духом, и теми гипотезами, подчас очень глубокими, которые выдвигаются для объяснения зарождения язычества и связанного с ним идолопоклонства. Это контрастное сопоставление лежит в основе нижеследующего рассуждения. Феофил утверждал, что именно разложение морали породило политеизм и привело к искажению представлений о Боге. Это падение можно уподобить плотному покрывалу, брошенному на наши духовые очи, которые, потеряв в результате возможность видеть, перестали быть зеркалом, отображающим лик Божий. Духовный взор человека стал устремляться все ниже и ниже к земле. Но так как существовать без Бога невозможно, человек начал творить богов по "своему образу и подобию", богов — неизбежно

земных (34). Поэтому Феофил призывает всех, стремящихся познать христианство, к нравственному очищению. В языческом обществе рождается грех, влекущий за собой разнообразные религиозные заблуждения, и, что особенно важно, ошибочные представления о Боге. Наоборот, жизнь в святой христианской Церкви рождает истинное познание Бога. В язычестве нравственная немощь и духовная смерть — как отдельного индивидуума, так и целых поколений — непосредственно, как бы по цепи передавались от одного к другому, восходя к грехопадению первого человека. Подобно этому, христианское жизненное начало, присущее как отдельному человеку, так и группе людей, переходит посредством связи и преемственности от одного христианского поколения к другому, восходя ко Христу (35). Если бы кто-нибудь мог стать независимым от предыдущих поколений, он мог бы уберечься от последствий духовного разложения. Точно так же без жизни в Церкви и вне связи, сознательной или бессознательной, с неразрывной цепью христианских поколений невозможно ни духовное возрождение, ни божественное усыновление. И если физическое рождение неизбежно ставит человека как бы лицом к лицу с грехом, лишает его свободы, то духовное рождение в Церкви возвращает человеку всю полноту свободы сынов Божиих.

Часть 7

После всего сказанного легко дать определение понятия церковного единства. Единство — это поистине жизнь, непосредственно и вечно творимая Божественным Духом, воля которого в том, чтобы жизнь питалась и вечно обновлялась мощью взаимной любви.

И наконец, несколько частных замечаний.

1. Вера, или другими словами, христианское познание и любовь, объединяющая верующих, связаны друг с другом неразрывными узлами. И где, благодаря пришествию Святого Духа, развилась вера, там также проявилась и божественная сила, объединяющая людей. Где единство — там и единомыслие в вере.

2. Исторически познание Христа происходило посредством Церкви. В Церкви же происходит опытное познание жизни во Христе. И чем больше мы отдаемся потоку божественной жизни, текущей в Церкви, чем полнее становится наше общение во Христе, чем больше мы приобщаемся к Церкви и чем больше она получает от нас, тем полнее наше познание, тем живее наше ощущение Христа, тем яснее наше понимание значения Христа для нас, или, по крайней мере, понимание того, какое место он должен занимать в нашей жизни. Христос основал общину святых, он разрушил перегородки, разделявшие людей, он преобразил наши сердца, обогатил нас даром любви и другими

дарами Святого Духа. Невозможно познать силу и достоинство Христа без сознательного общения с другими верующими, то есть без свободного приятия дела Христова, дела любви – самого ”христианского” из всех. Христос, отдавая себя верующим, с тем чтобы они жили его жизнью, становится также частью их жизни, этим он окончательно связывает себя с ними (36). Жизнь христиан, исшедшая из Церкви, связана с Церковью же. Так что христианин неразрывно соединен и с жизнью Церкви, и со Христом.

3. Именования Церкви – единая, святая, истинная – суть синонимы, ибо обладают одним и тем же содержанием. Святой Дух есть также и Дух Истины; святость и благодать суть одно и то же (37). И еще : любовь – основа единства верных, следовательно, она также и святость. Любовь – источник истины. И еще : исходящая из души святая любовь наполняет собой разум, который пытается понять сущность любви (38). Но так как единство, истина и святость – дары Св. Духа, то поистине можно сказать : пока Св. Дух пребывает с Церковью, – а он пребывает с ней всегда, – до тех пор Церковь останется единой, истинной и святой.

И. А. Мелер

Johann-Adam MOEHLER, *Die Einheit in der Kirche, oder das Prinzip des Katholizismus im Geiste der Kirchenväter der drei ersten Jahrhunderte, L'Unité dans l'Église ou le principe du catholicisme d'après l'esprit des Pères des trois premiers siècles de l'Église*, Éditions du Cerf, Paris, 1938. Chapitre I, *l'Unité mystique*, p. 5 - 21.

1 - ORIGÈNE, *In Matth.*, t. XII, n. 10 (P. G., XIII, 996-997) : Τάχα ὅε ὄπερ ἀποκριθεὶς Σίμων Πέτρος εἶπεν ἐν τῷ « Σὺ εἶ ὁ Χριστὸς ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ ζῶντος, » ἐάν ὡς ὁ Πέτρος λέγωμεν, οὐ σαρκὸς καὶ αἱματος ἡμῶν ἀποκαλύψαντος, ἀλλὰ φωτὸς ἡμῶν τῇ καρδίᾳ ἐλλάμψαντος ἀπὸ τοῦ ἐν οὐρανοῖς Πατρὸς, καὶ αὐτοὶ γινόμεθα ὄπερ καὶ ὁ Πέτρος. Cf. *De Principiis*, II, c. 7, n. 3 et 4 (P. G., XI, 217-218).

2 - S. IGNACE, *Ephes.*, c. IX, 1 : ὄντες λίθοι ναοῦ Πατρὸς, ἡτοιμασμένοι εἰς οἰκοδομὴν Θεοῦ Πατρὸς, ἀναφερόμενοι εἰς τὰ ὕψη διὰ τῆς μηχανῆς Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὃς ἐστὶν σταυρὸς, σχοινίῳ χρωόμενοι τῷ Πνεύματι τῷ ἁγίῳ. Cf. *Past. d'Hermas*, l. III, c. 11 (= *Simil. IX*, 11); TERTULLIEN, *De anima*, c. 1 : « Cui enim veritas comperta est sine Deo? Cui Deus cognitus sine Christo? Cui Christus exploratus sine Spiritu Sancto? Cui Spiritus acomodatus sine fidei sacramento? ». ORIGÈNE, *De Principiis*, I, c. 3, n. 5 (P. G., XI, 150) : « Rectum tamen videtur inquirere, quid causae sit, quod qui regeneretur per Deum in salutem, opus habet et Patre et Filio et Spiritu Sancto, non percepturus salutem, nisi sit integra Trinitas, nec possibile sit participem fieri Patris vel Filii sine Spiritu Sancto ».

3 - ORIGÈNE, *De Princ.*, I, c. 1, n. 2 et 3 (P. G., XI, 122) : « Una cum Filio suo inhabitans, secundum quod dictum est, ego et Pater veniemus, et mansioem apud eum faciemus... sed et cum de Spiritu Sancto multi sancti participant... cujus participium habere dicuntur omnes, qui per ejus gratiam sanctificari meruerunt ». *Ibid.*, I, c. 6, n. 2 (col. 166) : « Tunc sunt in beatitudine, cum de sanctitate ac sapientia et de ipsa divinitate participant ».

4 - CLÉMENT, *Ep. ad Cor.*, XLVII.

5 - JUSTIN, *Apol.* I, c. 10, 4 : Τὸ μὲν γὰρ τὴν ἀρχὴν γενέσθαι οὐχ ἡμέτερον ἦν · τὸ δ' ἐξακολουθῆσαι εἰς φίλον αὐτῶν, αἰρουμένους δι' ὧν αὐτὸς ἐδώρησατο λογικῶν δυνάμεων, πείθει τε καὶ εἰς πίστιν ἄγει ἡμᾶς.

6 - S. CYPRIEN, *De unit.*, 6 : « Adulterari non potest sponsa Christi... ». Il s'exprime souvent de la sorte. CLÉMENT ALEX., *Strom.*, III, IV. S. AUGUSTIN, *Confess.*, VIII, n. 27 : « Fecunda mater filiorum de marito te, Domine »; *De unit. Eccles. contra Donat.*, n. 17 : « Sacratissimas nuptias in scripturis novimus; sponsum et sponsam, Christum et Ecclesiam, etc... ». OPTAT DE MILÈVE (*Hist. Donatist.*, l. I) fait allusion aux *dotes* que Jésus-Christ laissa à sa fiancée : ce sont les *sacramenta* au sens large du mot. On retrouvera cette expression un peu plus loin avec un sens différent.

7 - HERMAS, *Pasteur*, Sim. IX, 12,1 et 13,5 : « Petra vero et porta Filius Dei est... Ideoque totam turrim concordem vides cum petra, velut ex uno lapide factam. Sic quoque ii, qui crediderunt Deo per Filium ejus induti sunt Spiritum : ecce unus erit spiritus et unum corpus ».

8 – S. CYPRIEN, *De unit.* (?) : « Nam cum unus sit et idem, qui habitat in nobis, conjungit ubique et copulat suos unitatis vinculo ». (Nous n'avons pas trouvé ce texte dans le *De unitate*).

9 – ORIGÈNE, *Com. in Ep. ad Rom.*, IV, n. 9 (*P. G.*, XIV, 997).

10 – S. IRÉNÉE, *Adv. Haer.*, III, XXIV, 1 (*P. G.*, VII, 966).

11 – S. CYPRIEN, *De Unit.*, 5 : « Illius foetu nascimur, illius lacte nutrimur, spiritu ejus animamur ».

12 – ORIGÈNE, *Hom. in Gen.*, I, n. 5 (*P. G.*, XII, 150) : « Luminaria habemus in nobis, quae illuminent nos, Christum et ejus Ecclesiam. Ipse enim est lux mundi, qui et Ecclesiam illuminat sua luce ». *Ibid.*, n. 6 : « Christus ergo est lux vera, quae illuminat omnem hominem venientem in hunc mundum, ex cujus lumine illuminata Ecclesia etiam ipsa lux mundi efficitur »; comp. n. 7. Cf. *Lactance, Inst.*, IV, 30.

13 – S. CYPRIEN, *De Unit.*, 5 : « Ecclesia quoque una est, quae in multitudinem latius incremento foecunditatis extenditur : quomodo solis multi radii, sed unum lumen; et rami arboris multi, sed robur unum tenaci radice fundatum, et cum de fonte uno rivi plurimi defluunt, numerositas licet diffusa videatur exundantis copiae largitate, unitas tamen servatur in origine ». *Epist. LXXV*, I, 1 (Migne et Hartel) : « Gratias propter hoc maximas Domino agamus, quod contigerit, ut qui corpore ab invicem separamur, sic spiritu adunemur; quasi non unam tantum regionem tenentes, sed in ipsa atque eadem domo simul inhabitantes ». Comp. *Epist. LX* (Hartel; Migne : LVII).

14 – TERTULLIEN, *Praescr.*, XXIII : « Nam et illi (Apostoli) non essent mirati, de persecutore factum praedicatorem, si aliquid contrarium praedicaret, nec Dominum propterea magnificassent, quia adversarius ejus Paulus obvenerat. Itaque et dexteram ei dederunt signum concordiae et convenientiae : et inter se disturbance non officii ordinaverunt, non separationem Evangelii : nec ut aliud alter, sed ut aliis alter praedicarent ».

15 – TERTULLIEN, *Scorpiace*, 9 (*C. S. E. L.*, XX, pp. 162-163) : « Cum toto sacramento, cum propagine nominis, cum *traduce spiritus sancti* in nos quoque spectassent [Moehler : spectat] etiam persecutionis obeundae disciplina, ut in *hereditarios discipulos et apostolici seminis fructices* ».

16 – S. AUGUSTIN, *Contra Cresconium*, II, c. 14, n. 17 (*P. L.*, XLIII, 476-477) : « His Spiritus Sanctus veniens in eos, tale signum primitus dedit, ut qui eum acciperent, linguis omnium gentium loquerentur, qui protendebat Ecclesiam per omnes gentes futuram, *nec quemquam accepturum Spiritum Sanctum nisi qui ejus unitati copularetur*. Hujus fontis largo atque invisibili flumine laetificat Deus civitatem suam ». Dans le *De baptismo*, lib. III, c. 2, n. 3 (*P. L.*, XLIII, 140), il dit aux Donatistes qui se séparaient de l'Église parce qu'elle était, à leur avis, entièrement corrompue et pour ainsi dire à refaire en entier : « Quod si erat etiam tunc Ecclesia et Ecclesia Christi non interrupta perierat, sed per omnes gentes augmenta capiens permanebit; tutissima ratio est in eadem consuetudine permanere. — Si autem tunc non erat Ecclesia — unde Donatus apparuit? de qua terra germinavit? de quo mari emersit? de quo coelo cecidit?, etc. ».

17 – S. CLÉMENT, *Ep. ad Cor.*, XXXVI, 1 et 2 : Αὐτῆ ἡ ὁδός, ἐν ἧ εὐρομεν τὸ σωτήριον ἡμῶν, Ἰησοῦν Χριστόν... διὰ τούτου ἡ ἀσύνητος καὶ ἐσκοτωμένη διάνοια ἡμῶν ἀναθάλλει εἰς τὸ φῶς [Moehler : εἰς τὸ θαυμαστὸν αὐτοῦ φῶς], διὰ τούτου ἠθέλησεν ὁ δεσπότης τῆς ἀθανάτου γνώσεως ἡμᾶς γεύσασθαι.

- 18—*Ep. ad Diognet.*, c. X. Cette lettre n'est pas de Justin : elle est certainement plus ancienne que lui.
- 19—S. IGNACE, *Ephes.*, IV, 1 et 2.
- 20—*Ibid.*, XIII, 1.
- 21—*Ibid.*, XIV.
- 22—CLÉMENT, *Paedag.*, I, c. VI (éd. O. Stählin, I, p. 106) : ἔπει τὸ ὁμοιον τῷ ὁμοίῳ φίλον, φίλον δὲ τὸ ἅγιον Clément aime particulièrement à citer S. Matthieu, V, 8, *Heureux ceux qui ont le cœur pur, car ils verront Dieu* : cf. par ex. *Strom.*, I, c. XIX.
- 23—*Strom.*, III, c. V (éd. O. Stählin, II, p. 216) : οὐ γὰρ λόγον ψιλὸν εἶνα: τὴν γυνῶσιν φαμεν, ἀλλὰ τινα ἐπιστήμην θεϊάν καὶ φως ἐκεῖνο τὸ ἐν τῇ ψυχῇ ἐγγενόμενον ἐκ τῆς κατὰ τὰς ἐντολάς ὑπακοῆς τὸ πάντα κατὰδὲ, ἴλα ποιῶν τὰ [τε] ἐν γενέσει αὐτὸν τε τὸν ἄνθρωπον ἑαυτὸν τε γινώσκειν παρασκευάζον καὶ τοῦ Θεοῦ ἐπήβολον καθιστᾶσθαι διδάσκον.
- 24—ORIGÈNE, *De Princ.*, I, c. III, n. 8 (*P. G.*, XI, 154) : « Propter hoc adest etiam gratia Spiritus Sancti, ut ea, quae substantialiter sancta non sunt, participatione ipsius sancta efficiantur ». *Ibid.*, n. 7 (col. 153) : « Spiritus Sancti participationem a sanctis tantummodo haberi invenimus : propter quod dicitur : nemo potest dicere Dominum Jesum nisi in Spiritu ».
- 25—*Com. in Matth.*, t. XIV, n. 1 (*P. G.*, XIII, 1188) : συνάγει ἡ συμφωνία. καὶ χωρεῖ τὸν ἐν μέτρῳ τῶν συμφωνούντων γινόμενον Υἱὸν τοῦ Θεοῦ, ce qu'il ajoute après avoir parlé de séparations.
- 26—ORIGÈNE, *Adv. Celsum*, I, n. 47 (*P. G.*, XI, 748).
- 27—*Apolog.*, II, XII, 1; et cf. EUSÈBE, *Hist. Eccl.*, IV, VIII, 5.
- 28—Moehler renvoie ici à c. 16. Nous n'avons pas réussi à identifier cette référence (n. du trad.).
- 29—*In Origenem Oratio panegy.*, IX (*P. G.*, X, 1080); comp. VI et XI.
- 30—ORIGÈNE, *Adv. Celsum*, I, n. 46 (*P. G.*, XI, 745). Mais quand Origène ajoute que le païen Celse et son compagnon d'armes juif penseront peut-être sourire, il n'avait certes pas le pressentiment que, quinze siècles plus tard, on le trouverait également ridicule, et cela parmi des chrétiens. Voyez NEANDER, *Denkw.*, pp. 9 s.
- 31—ORIGÈNE, *Adv. Celsum*, I, n. 62 (*P. G.*, XI, 776-777) : Διὰ τοῦτο δυνάμειος μὲν πληροῦνται οἱ λόγου τοῦ μετὰ δυνάμειος ἀπαγγελλομένου ἀκούοντες. ἦν ἐπιδείκνυνται τῇ τε διαθέσει καὶ τῷ βίῳ, καὶ τῷ ἔως θανάτου ἀγωνίζεσθαι περὶ τῆς ἀληθείας.
- Quant à cette θεῖα δύναμις on pourra encore se reporter à III, n. 68 (col. 1009) qui fait l'éloge de la force de l'Évangile capable de déraciner le vice. Cf. aussi CLÉMENT ALEX., *Strom.*, I, c. XX. Dans d'autres endroits, Origène désigne par ces mots les miracles qui s'opèrent par la prédication de l'Évangile : *Adv. Cels.*, VIII, n. 48; en général domine l'idée d'un simple exposé : cf. entre autres III, n. 2, 4, 5.
- 32—CLÉMENT ALEX., *Paedag.*, I, c. VI.
- 33—EUSÈBE, *Hist. eccl.*, II, XXIII, 2; III, XXXVII, 2 (à propos des premiers prédicateurs de l'Évangile : cf. VI, III; IV, VII; S. JUSTIN; *Apol.*, I, VII et surtout CLÉMENT ALEX., *Paedag.*, III, c. XI et CHRYSOST., *De sacerdotio*, I, c. I, n. 1.

34—THÉOPHILE D'ANTIOCHE, *Ad Autolyicum*, I, (P. G., VI, 1025); CLÉMENT ALEX., *Paedag.*, I, c. VI. C'est là aussi le sens lorsque, de côté et d'autre, on présente l'idolâtrie comme effet des esprits mauvais. AUGUSTIN, *De baptismo*, lib. I, c. 11, n. 16 (P. L., XLIII, 118) : « Peccata enim tenebrae animarum sunt... »; voir aussi THOLUK, cit. dans NEANDER, *Denkw.*, VI, pp. 1 s., ainsi que plusieurs passages du premier vol. de cet ouvrage.

35—TERTULLIEN, *De anima*, c. 39, 40 : « Hinc et Apostolus ex sanctificato alterutro sexu sanctos procreari ait, tam ex seminis praerogativa, quam ex institutionis disciplina ... Nisi quis nascitur ex aqua et Spiritu, non ibit in regnum Dei, id est, non erit sanctus. Ita omnis anima eo usque in Adam censetur, donec in Christo recenseatur, tamdiu immunda, quamdiu recenseatur; peccatrix autem quia immunda, recipiens ignominiam ex carnis societate »; c. 41 : « proinde cum ad fidem [sic Moehler; l'éd. G. Wissowa, dans C. S. E. L., XX, p. 369 porte : finem] pervenit reformata per secundam nativitatem ex aqua et superna virtute, detracta [Wissowa : detracto] corruptionis pristinae aulaeo, totam lucem suam conspicit. Excipitur etiam a Spiritu Sancto, sicut in pristina nativitate a spiritu profano ». Tertullien oppose donc formellement les deux expressions *tradux spiritus* (n. 3) et *tradux peccati*; ces oppositions sont encore bien plus frappantes dans plusieurs Pères de l'époque suivante et dans les auteurs modernes. (SCHLEIERMACHER, *Christliche Glaube*, § 109, n. 3). — Contestation sur la manière dont s'obtient la nouvelle force sanctifiante. AUGUSTIN, *Contra Parmen.*, II, n. 23, 32, 35; *Contra Crescon.*, II, n. 13-17 et ailleurs.

36—S. IGNACE, *Magnes.*, IX, 1; I, 2; CLÉMENT ALEX., *Strom.*, IV, c. XVI.

37—S. JUSTIN, *Apol.* I, xiv, 3 : οἱ μισάλληλοι δὲ καὶ ἀλληλοφόνοι καὶ πρὸς τοὺς οὐχ ὁμοφύλους διὰ τὰ ἔθνη καὶ ἐστίας κοινὰς μὴ ποιοῦμενοι, νῦν μετὰ τὴν ἐπιφάνειαν τοῦ Χριστοῦ ὁμοδίαιτοι γινόμενοι. La séparation enleva le péché; la sainteté procura l'amour et la communion.

38—ORIGÈNE, *Com. in Matth.*, t. XII, n. 14 (P. G., XIII, 1012).

ТАЙНА ЦЕРКВИ

Церковь — это "Иисус Христос, постоянно пребывающий среди нас, и отдающий себя нам" (1). Церковь совершает, — насколько это возможно уже здесь, — начавшееся Воплощением и продолжившееся крестными голгофскими страданиями дело нашего духовного объединения, ставшее необходимым из-за наших грехов. Она, в известном смысле, есть именно духовное объединение. Главным содержанием слова "католическая", начиная со второго века и в продолжение долгого времени, как по-латински, так и по-гречески, и было объединение. Это название было дано Церкви как имя собственное (2). В классическом греческом языке слово *кафоликос* употреблялось в философии для обозначения универсальных утверждений (3). (Универсальность понимаемую как органическое целое нельзя смешивать с простой суммой.) Причина кафоличности Церкви лежит не в ее повсеместной распространенности и не количестве ее приверженцев. Она была кафолической уже в утро пятидесятницы, когда все ее члены умещались в одной маленькой горнице; она оставалась кафолической и тогда, когда казалось, что арианские волны захлестнули ее; она пребудет кафолической, даже если завтра произойдет массовое отступление и она сохранит лишь малое число верных. Сущность кафоличности нельзя свести ни к географии, ни к числам (4). Церковь должна распространяться всюду и быть на виду у всех, но это еще не означает, что она по своей природе материальна. Наоборот, Церковь духовна. Кафоличность внутренне присуща ей.

Обращаясь к человеку, Церковь принимает его целиком, принимает таким, каков он есть по своей природе. "Общаясь с человеком, касаешься как бы музыкального инструмента. Ведь человек поистине тончайший инструмент, но какой странный, изменчивый... Те, кто привык к обычным инструментам, не сможет извлечь из него ни одного

правильного созвучия” (5). Церковь может играть на этом инструменте, ибо она, как и Христос ”знает, что в человеке”, а также и потому, что имеется глубокое соотношение между учением, которое оно сохраняет во всей его таинственной полноте, и человеческой природой, также исполненной бесконечной тайны. Проникая в глубину одного человека, Церковь тем самым проникает в глубину всех людей, как бы извлекая из них прекрасные созвучия. Церковь не только стремится объединить людей, но она действительно способна на это. Великие христианские апологеты первых веков так и понимали Кафоличность. Однако впоследствии, когда составляли трактат о ”Признаках истинной Церкви” (6), обстоятельствам, так сказать, географическим, быть может, придавали слишком большое значение. Церковь предстала перед созерцавшим ее святым Амвросием столь же обширной, как и небесная твердь, или даже как вселенная, освещаемая Солнцем-Христом. Амвросий увидел вселенную как бы содержащуюся в лоне Христовом : все, по мысли святого Амвросия, независимо от происхождения, расы или общественного положения, призваны к единству во Христе, ибо Церковь, в сущности, уже и есть это единство (7). То же самое, но в иной форме можно найти у Тертуллиана и Блаженного Августина. Как и многие другие, Тертуллиан ошибался, сводя вселенскость Церкви к видимому распространению по всему миру, к тому же, он прославлял это распространение с излишним риторическим пафосом (8). Но все же такое понимание вселенскости (у Тертуллиана) достаточно глубоко, так как он связывает универсализм Церкви с душой человека, повсюду той же, и повсюду ”христианской по своей природе” (9). Известная доля иллюзии заключена и в следующих словах Блаженного Августина : ”Хор Христов заполнил собой весь мир” (10). Однако далее Великий Учитель точно выразил сущность природы Церкви, сказав : ”От Востока до Запада Хор Христов единогласно славит Бога”. Так что в конечном счете, по Августину, сущностью природы Церкви является единодушие, а не ее видимое положение в мире. Независимо от количества своих членов – этого столь возлюбленного Августином ”католического множества” (11), – несмотря на обширность тех территорий, на которых она укоренилась, – Церковь всегда будет воспевать все ту же вечно новую песнь вселенской любви : ”Мир – это единство святого общества, это – святые узы, это – единое строительство из живых камней”. Не ограничиваясь никакими пределами, Церковь распространяется ”от моря до моря и поет по всей Вселенной все ту же песнь” (12). Августин упрекает донатистов именно за то, что они замыкаются на своей небольшой территории, стремясь ограничить ею всю Церковь (13), и решают все проблемы исключительно между собой, ”между африканцами” (14), ”считая всех других погибшими”.

Он упрекает их именно за сектантский дух, за местечковый индивидуализм : "Не гордыня ли это, — восклицает он, — ограничивать любовь пределами Африки!" (15). В "Католика", в "Уника Католика" для Августина самое главное, — чем он больше всего дорожит, — это "мир, связующий всех" и сплоченность, которую Мир Христов утверждает повсюду, а не простой никого не исключаящий и открытый для всех универсализм, который, "возрастая, может достичь самых отдаленных народов" (16). В соответствии с прямым смыслом слова "связь" Церковь, объединяя всех, созидает единое целое (17). Человечество по своему божественному происхождению органически едино, и миссия Церкви — раскрыть перед людьми смысл утерянного ими первородного единства, воссоздать и усовершенствовать его (18).

Церковь — мать. Она привлекает к себе людей, желая сделать их своими детьми и объединить их в своем лоне, и этим она отличается от земных матерей. Церковь, — говорит св. Максим, — приобретает себе детей повсюду :

Раса, нация, язык, образ жизни, ремесло, образование, общественное и материальное положение — вот перегородки, разделяющие людей — мужчин, женщин и детей. Церковь оживотворяет, она запечатлевает в их душах божественный образ, преображает природу каждого, уподобляет всех друг другу, соединяет людей узами вечности, делая несущественным все то, что так глубоко и прочно разделяет человечество. Так что в ней все воспитываются и объединяются поистине кафолическим образом. В Церкви никто, даже в самом малом, не может отделить себя от общины. В ней все, так сказать, сливаются друг с другом посредством простой и нераздельной веры. Христос становится всем во всех. Мощью своей неповторимой, бесконечной и премудрой благодати, Христос несет в себе всех и становится как бы центром, в котором сходятся все линии. Не имея такого центра, все создания Бога Единого остаются чуждыми и враждебными друг другу, они не могут осуществить свою любовь и приобщиться к миру Христову (19).

Мистическая реальность, породившая братскую любовь во всей ее полноте, давшая этот новый свет миру, состарившемуся в расприх, поразила и привела в восторг таких людей, как Иоанн Златоуст и Блаженный Августин. Иоанн Златоуст, толкуя в своих проповедях слова Евангелиста Иоанна : "...чтобы собрать ближних и дальних", — восклицает : "Что означают сии слова? Они означают, что и тех и других Христос объединил в одно тело; и теперь те, кто в Риме смотрят на тех, кто в Индии как на части своего тела. Можно ли найти где-нибудь еще подобное единство? Христос во главе всех" (20). Ему вторит Блаженный Августин, который говорит о Церкви : "Ты объединяешь и людей, и народы! — Нет! Ты объединяешь весь

род человеческий верой в нашего общего родоначальника. И люди отныне не только сотрудники, но поистине братья” (20’).

Духовный Израиль

Подлинная вселенскость находит свое выражение в символике чуда Пятидесятницы (21), восходящей, по всей вероятности, к первому поколению христиан. Событие Пятидесятницы очень рано стало сопоставляться с рассказом Бытия о рассеянии народов, а также и с рассказом “Исхода” о получении еврейским народом Закона на Синайской горе. Огненные языки Духа возвестили о грядущем даре языков. Дар языков означает призвание апостолов к вселенской проповеди язычникам. Огненные языки Св. Духа осенили апостолов (22), для того чтобы они смогли исполнить миссию объединения: проявившийся Дух восставит между людьми взаимное понимание, каждый, независимо от языка, на котором он говорит, поймет ту единую истину, которая соединит его с другими (23). Двенадцать – и число апостолов, и число колен Израильских; – оно обозначает универсальность мира. Двенадцать апостолов должны идти ко всем народам, учить их и обращать их к единству (24). Каждый апостол говорит на всех языках, и это означает, что однажды Единая Церковь начнет славить Бога на всех языках земли. “И уже теперь, – говорит Блаженный Августин, – все эти языки принадлежат каждому из нас, ибо все мы члены одного тела – того тела, которое обладает этими языками” (25). Чудо Пятидесятницы предвозвестило и символизировало собой исполнение великого Обетования, данного Аврааму (26). Народившаяся Церковь с первого дня стала живым образом этого осуществившегося Обетования:

”И подобно тому, как после потопа богохульная гордость вопреки воле Господа подвигла людей на ”Вавилонское столпотворение”, – за что род человеческий был наказан смешением языков, так что каждый, говоря на своем языке, более не мог быть понят другими, – так теперь, смиренномудрие верных смогло употребить все это разнообразие языков для Единства Церкви. И то, что было разделено ненавистью, соединилось любовью. И подобно собранным воедино членам одного тела, до того разбросанным по разным местам, род человеческий воссоединился под единым главенством Христа. И сердца всех сплавились в одно огнем любви. Род человеческий отныне обрел единство святого тела Христова” (27).

Это единство настолько совершенно, что Церковь постоянно олицетворялась то с невестой, то с избранной супругой, которую Христос очистил крещением и которой Христос отдал себя ради любви (28). Церковь – это и ”избранный народ”, и ”сын божий” (29) и т. п.

Ерма увидел Церковь в образе старицы, "созданной прежде всех вещей" (30) ... И это не только метафора. Такое понимание общей судьбы Общины есть наследство Ветхого Завета, наследство не только литературное, но и нравоучительное. В евангелии от Матфея сказано, что Царствие дастся "народу, способному принести плоды, достойные Царствия"; не говорится — "язычникам", но новому Народу Божьему (31). Св. Апостол Павел, больше других борющийся с иудаизмом, тем не менее, разрабатывая христианское учение, использовал, так сказать, формы, провиденциально подготовленные иудаизмом. В христианстве главное не столько творение нового, сколько преобразование старого. Церковь для апостола Павла — Народ Нового Завета. Духовный Израиль заменил Израиль по плоти : Духовный Израиль — это не собрание индивидуумов, а по-прежнему Нация, но на этот раз набранная по всей земле. "Христианское племя, — говорит, например, Евсевий Кесарийский, — раса, чтущих Бога" (32). Ветхий Завет полностью обращен к подготовке Нового Завета. Весь смысл Ветхого Завета выявляется именно тогда, когда он, Ветхий Завет, как таковой, умирает. Обетования были даны Аврааму и его семени. Библейский текст, — как отмечает в своем толковании апостол Павел, — говорит о потомстве не во множественном числе, как если бы у Авраама было много наследников, но в единственном. Это единственное — Христос (33) (Гал 3, 16 — Быт 15, 18). Следовательно, где Христос — там истинный Израиль. И лишь сделавшись частью тела Христова, можно приобщиться к Авраамову благословию (34). "Это мы, — настоящая, духовная, израильская раса", — с непоколебимой уверенностью говорили христиане" (35). Новообращенные христиане из других народов без всякого колебания называли "своими отцами и своими предками" (36) тех, кого мы еще и сегодня именуем Патриархами, Пророками, Священниками и Царями. И в нашей литургической молитве мы просим Господа соделать всех язычников детьми Авраама и даровать им израильское достоинство (37). Как иудеи на протяжении долгого времени строили свою надежду на коллективной судьбе своей расы и на грядущей славе земного Иерусалима, так и христиане в своей надежде устремляются к грядущему Царствию и славе Небесного Иерусалима; и как Ягве принимал каждого ради клятвы, данной им всему еврейскому народу, так же Бог усыновляет каждого христианина ради его (христианина) принадлежности к тому социальному организму, который оживотворяется Духом Иисуса Христа (38).

Все сказанное выше выявляет смысл обращенной в будущее символики еврейского национализма. Кроме того, еврейский национализм, как это признается теперь всеми, был полезен для сохранения избранного народа и, следовательно, его религии, хотя взятый сам по себе,

он и может показаться доктриной узкой и несовершенной. Еврейский национальный характер, сформировавшийся под воздействием идеи Царствия Ягве, по-видимости находился как бы в противоречии со всемирным характером этого Царствия. Но зато такое мировоззрение препятствовало проявлениям какого бы то ни было индивидуализма. Христианство восприняло предреченную пророками (39) духовную и универсальную сущность иудаизма, иными словами – идею спасения поистине совместного. Несмотря на то, что Церковь формировалась, главным образом, за счет языческих народов, – *Ecclesia ex gentibus* – идея Церкви принадлежит прежде всего иудеям (40).

Мать Церковь

Некоторые историки первенствующей Церкви не стали бы, по всей вероятности, соотносить христианский универсализм с универсализмом языческих мистерий того времени, если бы они рассмотрели проблему церковного универсализма более тщательно. Дело в том, что слово "универсализм" обозначает две реальности, которые, – и этого никто не отрицает, – хотя и обладают сходными чертами, все же глубоко отличны друг от друга, ибо одна – это какой-то неопределенный космополитизм, а другая – это всемирная соборность (41). И устройство Церкви, как внутреннее, так и внешнее, и присущее ей самосознание изначально свидетельствуют об ее самобытности, об ее чуждости эллинистическим религиям (42). Церковь и до конца раскрыта и одновременно предельно внутренне собрана. Она являет нам образ общества, не сводимого ни к какому другому. Дело Искупления и основание религиозной общины тесно связаны друг с другом. И то, и другое – дело Христово. И оба, строго говоря, суть одно. Все сказанное выше касается и видимой Церкви и невидимого Тела Христа. Любая попытка разделить их противоречила бы данным истории. И Павел, и другие христианские исповедники первого века никогда не рассматривали Церковь как какой-то "зон", некую трансцендентную ипостась, предшествующую искупительной деятельности Христа на земле. Церковь также и не простая федерация отдельных собраний. Тем паче она не простое объединение людей, уже принявших, каждый сам по себе, Евангелие и затем или по какому-то личному побуждению, или по каким-то внешним соображениям, или же по предписанию Господина объединившихся для совместной религиозной жизни. Но Церковь и не какая-то внешняя институция, созданная или принятая уже после возникновения общины верующих. Невозможно придерживаться исключительно какого-то одного из двух крайних представлений, пытаясь, подобно многим протестантским теологам (43), разделить видимую Церковь и невидимое Тело

Христово, ибо в результате теряется внутренняя сущность и того, и другого. Все же протестантские исследования дополнили и в некоторых случаях уточнили в историческом и филологическом плане католические исследования в области еkkлезиологии. И не парадокс ли, что именно современные протестантские изыскания в области еkkлезиологии укрепили традиционное представление о Церкви. Ныне стало очевидным, что идея Церкви изначально находится в непрерывной связи с древнееврейской идеей Кагала. *Кагал* — перевели в Септуагинте греческим словом *екклезия*. Этим словом обозначали не какую-то малочисленную группу или собрание людей, объединившихся по чисто эмпирическим соображениям, но универсальную общность всего народа Божьего, реальность очень конкретную, более богатую, чем любые видимые ее проявления (44).

Кроме того, греческое слово *екклезия*, использованное в Септуагинте, хорошо передает другой существеннейший аспект Церкви. Человек, принявший Благую Весть и отдавший Христу, ответил тем самым на призыв (*клетос* — призванный). С другой стороны, быть "призванным", значит быть призванным к участию в Церкви (*екклезия*) (сочетание *клетос* и *екклезия* не может быть передано ни по-французски, ни по-русски). И Павел, и другие непосредственные ученики Христовы всегда воспринимали Еkkлезию как Тайну, бесконечно более богатую, чем любые ее воплощения. Они никогда не учили, что Еkkлезия есть реальность абсолютно невидимая. Еkkлезия логически предшествует "призванности" (*клетой*): она созывает и собирает ради Царствия (45). Исидор из Севильи точно выразил представление о Церкви, свойственное первым векам христианства, дерзновенно сказав о ней, что Она — "Еkkлезия именно потому, что призывает всех к Себе и объединяет всех в себе" (46).

К этому определению часто обращались на протяжении последующих веков. Церковь призывает к себе всех людей, чтобы дать им жизнь божественную, свет вечный (47). Именно видимая Церковь является нашей матерью. Она "наша мать", тот "небесный Иерусалим", который несет освобождение всем людям. Но апостол Павел созерцает ее не только в каком-то отдаленном будущем, на каких-то небесных высотах; нет, он видит ее уже здесь, на земле, начинающей дело освобождения в каждом городе, в каждом селе, принявших Евангелие. Это она глаголет устами апостола Павла и всех предстоятелей церковных общин (48). Все, — и древние христиане Лиона, когда писали о своих павших, но затем принявших мученичество за веру, братьях: "Была большая радость для нашей Девственной Матери, когда Она обрела живыми тех, что выпали из Белона мертвыми" (49); и Иринея, когда говорит о Церкви, что она одна может питать оживляющей верой своих детей (50); и Ориген, когда говорит своим слушателям:

”Хочу, чтобы вы, новые Исааки, стали радостью вашей Матери Церкви, но боюсь, что Ей придется и вас рождать в печали и страданиях” (51); и Киприан, когда определяет принцип, к которому обращались христиане всех последующих веков: ”Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец” (52); и Великий Василий, когда упрекает Юлиана Отступника: ”Ты отвернулся от Бога и оскорбил Мать Церковь, кормилицу всех” (53); и Опат, и Августин, и Фульгенций, и Сезер из Арля, когда прославляют Вселенскую Мать (54), — все они выражают свою сыновнюю нежность и непоколебимую верность тому обществу, о котором они свидетельствовали перед язычниками и которое защищали от расколов (55).

Поль Клодель, воскликнув: ”Благословенна та Мать, на коленях которой я постиг все”, — свободно прославил на языке древней традиции свою вновь обретенную веру. И даже Карл Барт, один из самых недоверчивых протестантов, постоянно предупреждавших о ”католической опасности”, однажды сказал: ”стараясь решить проблему Единства Церкви исключительно посредством понятия ”Невидимой Церкви”, мы на деле подменяем Глас Христов платонической спекуляцией” (56).

Мистическое Тело

Безусловно, — и это отмечалось уже неоднократно, — понятие Совершенного Христианского Общества, не совпадает с понятием Церкви; с другой стороны, и видимая Церковь не есть Царствие, она также и не Мистическое Тело — несмотря на то, что святость этого Тела излучается через Видимую Церковь. И не показывают ли уже сами эпитеты ”видимая” и ”мистическое” — различия между Мистическим Телом и Видимой Церковью. Некоторая неясность может возникнуть из-за того, что в богословской литературе слово ”Церковь” может принимать самые разнообразные значения (57). Разве не называли в продолжение долгого времени Совершенное Христианское Общество, взятое в его двойном аспекте — духовном и земном, с его двойной властью — Церковью? Неясность может происходить также и из-за того, что Мистическое Тело соотносится то с видимой действительностью, несовершенной и преходящей, то с реальностью вполне духовной и непреходящей. Вот источник суждений, которые на первый взгляд могут показаться противоречивыми. Однако существует не две реальности, находящиеся во взаимном противоречии, но одна, обладающая разными и к тому же нетождественными сторонами. Так например, с одной стороны, Церковь, в объективном смысле, является *congregatio generis humani* (собрание рода человеческого), собранием, образованным народами: *Ecclesia ex circumcisione*, *Ecclesia ex gentibus* (Церковь Иудеев и Церковь Еллинов). С другой же стороны,

она, наоборот, та, которая призывает, и она та, *ex qua credunt homines* (59) (та, которою верят). Она и крещаемая, она и крестит. По сути своей она Супруга, но суть ее открывается в двух взаимно противоположных образах, которые оба содержатся в Писании и оба неоднократно описывались : Она и падшее, погрязшее в проституции создание, помилованное и освобожденное воплотившимся Словом (61), но Она же и новый Иерусалим, "Жена Божественного Агнца, сошедшего с небес" (62); дочь пришлых чужеземцев, но она же и Дочь Царя. Церковь и беспородное стадо, пшеница непросеянная (63), поле, покрытое плевелами : *Corpus Christi mixtum* (Тело Христа смешанное) (64), ковчег с тварями чистыми и нечистыми; но она же и Девица непорочная, Мать святых, сотворенная на Голгофе из прободенного ребра Христова, и она же – собрание святых, которых сама же и освятила : *Ecclesia in Sanctis, Virgo Mater* (Церковь святых, Дева и Мать) (65).

Церковь можно рассматривать и как группу, обладающую законами, раз и навсегда установленными, и существующую в каких-то строго определенных границах, или, если так можно выразиться, как "секту" среди других сект, могущую быть объектом социологического исследования. Но она и система, в которой происходит обширный и многообразный духовный обмен, система, непостижимая даже для тех, кто ее образует, и знать которую во всей полноте может один только Бог (66). Можно взглянуть на Церковь и несколько по-иному : Она и историческая институция и Град Божий. С одной стороны, она – общество, основанное Христом для спасения людей; и Церковь трудится в этом направлении. Следовательно она – средство. И можно сказать вместе с Пием XI : "Не люди созданы для Церкви, но Церковь создана для людей : ради нас, людей, и ради нашего спасения" (67). Церковь необходимое средство, божественное средство, но преходящее, как любое другое (68). А с другой стороны, Она – Супруга, составляющая единое целое со своим Супругом, Она – организм, пребывающий в тайне, который достигнет полноты совершенства лишь в конце времен. И с этой точки зрения она не средство, соединяющее людей в Боге, но цель, или, другими словами, законченное единство. *Christus propter Ecclesiam venit* (Христос пришел ради Церкви) (69). Именно об этом говорит Климент Александрийский : "Воля Божия есть действие, называемое "мир". Его намерение – спасение людей, имя этому намерению – Церковь" (70).

Та же идея лежит в основе второго Видения Ермы. Чтобы объяснить Церковь, Ерма соединяет похвалу Мудрости, содержащуюся в Книге Притчей и проповедь Павла о Христе с иудаистическими видением собственно Израиля или Закона. Ерма созерцал старицу. Вначале он не мог понять, кто она.

— Старица, из рук которой ты получил эту книгу, — кто она по-твоему?

— Сибилла, — отвечал я.

— Ты ошибаешься, — сказал Пастырь, — это не Сибилла.

— Но кто же она?

— Церковь.

— Почему же она старая?, — спросил я.

— Потому, — ответил он, — что она сотворена первой, прежде всех вещей : вот почему она старая. Это для нее был создан мир (71).

Необходимо соблюдать осторожность и не смешивать эти рассмотренные выше столь близкие друг другу точки зрения. Опасности такого рода смешения отнюдь не призрачные и могут быть очень серьезными, как мы видим из истории донатизма (72) и янсенизма. Но если рассматривая единое, необходимо различать в нем отдельные стороны (73), что мы и делали выше и к чему следует при нужде всегда обращаться, то так же всегда необходимо после такого подробного рассмотрения возвращаться к первоначальному единству. Земная Церковь — не только преддверие небесной Церкви (74). Можно усмотреть через сопоставление отблеск глубокого мистического тождества между понятиями "Церковь" и "Родина" (75). Ибо Град, созидаемый на земле, имеет фундамент на Небе. И справедливо воскликнул показавший нам большинство возможных различий Блаженный Августин : "Та Церковь, которая сегодня, — это и Царство Христа, и Царство Неба" (76). Нельзя сказать, что понятие Церкви вполне совпадает с понятием Мистического Тела, но нельзя и сказать, что понятия Церкви и Мистического Тела совершенно различны. Так что естественно, что между Церковью и Мистическим Телом существует некая переходность именованных. Эта переходность именованных подобна той, какая существует внутри Мистического Тела между Его Главой и членами : Тело Христа, которое есть Церковь. "Я тот Иисус, которого ты гонишь" (77). "Если смотришь на Церковь, — говорит Григорий Нисский, — то смотришь поистине на Христа" (78). И подобно тому как называют "сверхъестественными" и средство, ведущее человека к цели, и саму эту цель, так же и Церковь, справедливо рассматриваемая как истинное Тело Христово, именуется Вселенской, как реальность актуальная и видимая (средство), и как реальность невидимая и последняя (цель). Соотношение между средством и целью не только внешнее : Благодать — это начало славы. И, воспользовавшись сравнением, пожалуй, более понятным, так как оно основано на двойном бытии одного и того же тела, скажем : как наше несовершенное плотское тело по воскресении получит свою долю славы, — "тело нашего смирения уподобится прославленному телу Христову", — так и Церковь, живущая и с трудом

развивающаяся в нашем несовершенном мире, в свое время встретит Бога лицом к лицу (79). Подобно Христу, своему основателю и главе, Церковь одновременно есть и путь, и цель : она одновременно и видимая и невидимая, временная и вечная; она и Супруга, и Вдова, одновременно грешная и святая... (80). Но не следует впадать в противоположную крайность, борясь с теми анархическими концепциями, согласно которым Божественная Церковь — это лишь "Церковь святых", общество совершенно невидимое, понятие вполне абстрактное. Ибо Церковь, рассматриваемая исключительно как "видимая", суть тоже понятие чисто абстрактное. В нашей вере мы никогда не должны разделять то, что от начала было соединено Богом : "Во Христе и в Церкви — великое священнолепое таинство". Все сказанное выше совсем не означает, что мы хотим оправдать это единство, объясняя его. Тайна Церкви может в каком-то смысле показаться тайной более глубокой, более трудной для восприятия верой, чем тайна Христа, подобно тому как и Тайна Христа, быть может, казалась более трудной, для восприятия верой, чем Тайна Бога Единого (81). Тайна Церкви — соблазн не только для язычников и иудеев, но и для самих христиан, как и говорит Блаженный Августин : "Не утверждение, но соблаздляума" (82). Вера в Церковь — дар Святого Духа. И вопреки тому, что о них часто говорят, католики не обожествляют видимый аспект Церкви и не смещивают "папство с Царствием Божиим" (83). Верить в Церковь — не то же самое, что верить в Бога, ибо Церковь сама верит в Бога, и она — Божия (84). И если необходимо защищать от монофизитства христологию, то тем более необходимо защищать от него еkkлезиологию. Мы также глубоко убеждены в том, что в еkkлезиологии, как и в христологии, любое расчленение "смерти подобно". Вся история протестантизма доказывает это. Для протестантов видимая Церковь, которую они лишили всех мистических атрибутов, это лишь какой-то почти социальный инструмент. И неизбежно внешняя церковная жизнь протестантов оказалась в ведении и под покровительством государства, а их религиозно-духовная жизнь сосредоточилась на Церкви невидимой, которая сама превратилась в какой-то абстрактный идеал (85).

Но Церковь, — единственно реальная Церковь, Тело Христа, — это не только общество со строгой иерархией и дисциплиной, которые имеют божественное происхождение, которые поэтому необходимо было сохранять, а также и укреплять ввиду всевозможных отрицаний и возмущений : такое представление было бы неполным и не могло бы полностью защитить Церковь от сепаратизма и индивидуализма противоположных концепций, ибо осуществляемая только таким образом защита шла бы извне и основывалась бы более на авторитете, чем на реальном единстве. Христос — Таинство Бога, а Церковь —

Таинство Христа, Которого, согласно прямому смыслу слова, Она нам являет; Церковь дает нам поистине ощутить присутствие Христа (86). Церковь не только продолжает дело Христа, подобно тому как сыновья продолжают дело отца, но она сама является продолжением Христа. И это истина, — а не метафора. А столь ценимая нами сильная внешняя церковная организация выражает, соответственно нуждам практической жизни, внутреннее единство цельного организма. Католик не только как бы подданный некоего государства, но также и член единого тела. Юридическая зависимость католика от церковной власти есть лишь средство, помогающее его живому внедрению в жизнь всей Церкви. Так что его послушание не есть обезличивание. Его долг — не только выполнять церковные предписания или со смирением прислушиваться к разным советам : он должен участвовать в жизни Церкви, быть причастником ее Духа. "Грешна всякая часть, которая не стремится к соединению с целым" (87).

Вновь обретенное единство

Из всего сказанного становится понятным весь тот ужас перед схизмой, который присущ всем истинно верующим. Церковь, с самого начала проклинала схизму с неменьшей силой, чем ересь. Разрывая единство, мы извращаем истину. Распря столь же ядовита, как лжеучение (88). И так думает не только такой великий пастырь и иерарх Церкви как Киприан Карфагенский; Климент Александрийский, с неменьшей силой проклинал тех, кто изменял единству Церкви и нападал тем самым на единство самого Бога (89). Известно, как настойчиво призывал Ориген к "единодушию в должном", без чего всякое приношение будет неуютно Богу, и без чего невозможно верное представление о Нем (90). Ибо поистине познавать Бога можно только прославляя Его; но прославлять Его можно только в Церкви (91). Господь соизволил явить себя Моисею посреди купины неопалимой; не означает ли это, что Бог открывает себя обычно в Церкви, или, другими словами, в лоне того Собрания, посреди которого блистает огонь Духа (92).

Тот, кто вызывает раскол или распрю, покушается на самое дорогое для Христа (93). Он пренебрегает наиболее существенным в любви, тем именно, посредством чего сохраняется единство (94). И напрасны все разговоры о единстве, если утеряна любовь. Горе "губителю любви"! (95). Но неистинна та любовь, которая пренебрегает единством; и призрачно то единство, которое не основывается на любви. Любовь — это и есть единство Церкви. Когда мы произносим "любовь" или "единство", то мы, в сущности, говорим об одном, ибо любовь — это единство, а единство — это любовь (96). Если

повреждают любовь или истину — а повреждая одно, мы всегда повреждаем другое, — то разрывают Церковь, этот нешвенный хитон, в который Христос изволил облечься, чтобы остаться среди нас (97). Повреждая любовь или единство, мы, тем самым, покушаемся на само Тело Христово. "Тело Христово есть Церковь, которая повязана узами любви" (98). Тот, кто творит подобное, есть враг всего рода человеческого (99). Всякий покушающийся на это единство и на эту любовь обрекает сам себя на гибель и отсекает себя от Древа Жизни: "Всякий отделившийся от Целого теряет жизнь".

И наоборот, внутренняя духовная жизнь всякого человека, в котором Благодать Христова победила грех, неизбежно исполнится католическим духом, Духом наибольшей полноты и универсальности и в то же время самого строгого единства. Человек по-настоящему д у х о в н ы й наиболее заслуживает славного имени "человека Церкви". Нет никого более чуждого сектантскому духу, чем он. Всякий "получивший Духа Божьего, всякий, в ком пребывает Дух Божий", несет на себе печать "мира, единства и любви к Церкви, распространенной по всему лицу Земли" (100). Через Любовь "Человек Церкви" становится прозорливым. Постепенно его духовному зрению возвращается утерянная праотцами способность созерцать в зеркале души Славу Божию (101). Он начинает сознавать истину собственного бытия; Образ Божий, восстановленный в нем, рассеивает призраки, порожденные грехом. В нем восстанавливается изначальная гармония человеческого естества. Отныне он приобщен к той жертвенной любви, дела которой отмечены печатью новой красоты (102). В нем возникает, еще, быть может, неясное, но безошибочное, предвосхищение Нового Рая. В лоне косной и часто враждебной природы он вновь обретает утерянную некогда целостность бытия: "посредством благодати, укорененной в нем, природа вновь обретает единство" (103). Он постиг, что во Христе все верные поистине живут друг в друге (104) и что для всех, живущих Христовой любовью, благо каждого есть благо всех: "возлюбив единство, ты приобрел все то благо, которое обрели в единстве другие" (105).

Такой взгляд прекрасно выражен одним средневековым автором, вдохновленным Клодианом Мамертом; некий монах пишет своему брату во Христе:

"Когда ты молишься, то ты во мне, а я в тебе. Не удивляйся этим словам моим. Ибо, если ты меня любишь, и любишь меня именно как образ Божий, то я столько же в тебе, как ты сам в себе. Я присутствую в тебе так, как если бы я был тобой. Все что есть ты, то же есть и я. Ведь твоя разумная душа это Образ Божий. Кто ищет в самом себе образ Божий, тот ищет в себе также и своего ближнего как самого себя; и кто обрел в себе образ Божий, —

а обрел он его потому, что искал, — тот познал его таким, каков он есть в каждом человеке. Следовательно, видя себя, ты видишь меня, ибо я ничто другое, нежели ты; и если ты возлюбил образ Божий, то ты возлюбил меня как образ Божий”.

Henri de LUBAC, s. j., *Catholicisme, Les aspects sociaux du dogme* chapitre II, *L'Église*, p.23 - 49. Éditions du Cerf, Paris, 1941.

1 — BOSSUET, *Allocution aux nouvelles catholiques* (Œuvres oratoires, Lebarcq, t. 6, p. 508).

2 — Déjà chez IGNACE D'ANTIOCHE, *Ep. ad Smyrn.* 8, est mentionnée ἡ καθολικὴ Ἐκκλησία. L'usage absolu du mot καθολικὴ, *catholica*, à la manière d'un substantif, est attesté dès le 3e siècle et semble avoir été courant jusque vers le 7e. On lit encore dans S. BERNARD, *In Cant.*, s. 64, n. 8 : « reconcilietur Catholicae » (P. L. 183, 1086).

3 — Zénon écrivit un traité des Universaux, καθολικά. L'adjectif ὅλος signifie « qui forme un tout »; l'adverbe καθ' ὅλου : « d'ensemble », « en un ». L'intendant universel des comptes impériaux veillait ἐπι τῶν καθόλου λόγων : DENYS D'ALEX., dans EUSÈBE, H. E., l. 7, c. 10, n. 5 (GRAPIN, t. 2, p. 314). Les dieux astraux de Syrie étaient dits καθολικοί : F. CUMONT, *Les religions orientales dans le paganisme romain*, 4e éd., p. 269.

4 — BILLOT, *De Ecclesia Christi*, n. 222 : « Numquid enim numerus, materialiter sumptus, divinum quid prae se fert? » A. DE POULPIQUET, *L'Église catholique* (1923), p. 180-1. LABRUNIE et SERTILLANGES, dans *Revue des sciences philos. et théologiques*, 1928, pp. 639-40 et 720.

5 — PASCAL, Br. 3.

6 — Relevons simplement, à titre d'exemple, cette ligne de la *Censure de la Sorbonne contre l'Émile* (1761) : « L'Église est catholique, c'est-à-dire plus étendue que toute autre communion, et répandue sur toute la terre ».

7 — Ainsi *In psalm.* 118, s. 12, n. 25 (P. L. 15, 1369). Sur l'Église atteignant l'homme dans toutes ses conditions : CYRILLE DE JÉRUSALEM, *Catéch.* 18, c. 23-6 (P. G. 33, 1044-8); AUGUSTIN, *In Jo.*, tr. 53, c. 12 (P. L. 35, 1773).

8 — Combien plus réaliste, malgré ses concessions à la « rhétorique traditionnelle sur l'universalité de l'apostolat » (J. RIVIÈRE, *La propagation du christianisme*, p. 19), un ORIGÈNE! Voir *In Mat. series*, 39 (KL., p. 75 et 76); ou Grég. de Nysse, *Discours catéch.*, c. 30.

9 — Adv. *Judaeos*, c. 7, et *De testimonio animae*, c. 6 (REIFF., p. 142).

10 — *In psalm.* 149, n. 7 (P. L. 37, 1953); cf. n. 2 (1949). Augustin semble croire qu'il ne reste plus que peu de peuples à évangéliser : *In epist. Iam Jo.*, tr. 2, n. 2 (35, 1990); *De natura et gratia*, c. 2 (44, 249). Il pense que déjà quelques îles de l'« Océanie » ont reçu la bonne Nouvelle : *epist.* 199, n. 47 (33, 922-3). Il sait pourtant que celle-ci n'est pas encore parvenue « jusqu'aux Éthiopiens eux-mêmes », qui habitent les extrémités de la terre, aux bords du grand Océan qui entoure l'univers : *In psalm.* 71, n. 11-12 (36, 908-9). Et pour calmer ceux qui voulaient voir dans les succès de l'Évangile un signe de la fin des temps imminente, il ne se contente pas de dire que ce signe ne serait pas suffisant, mais il ajoute : « Sunt apud nos, hoc est in Africa, barbarae innumerabiles gentes, in quibus nondum esse praedicatum evangelium, ex iis qui ducuntur inde captivi, et romanorum servitiis jam miscentur, quotidie nobis addiscere in promptu est » (*Epist.* 197, n. 4 et 199, n. 46; P. L. 33, 900 et 922).

11 — *De moribus Ecclesiae catholicae*, l. 2, n. 74 (P. L. 32, 1378).

12—C'était déjà l'argumentation d'OPTAT DE MILÈVE, *De schismate Donatistarum*, l. 2, c. 1 (P. L. 11, 941-6) : « Pro voluntate vestra in angustum coarctatis Ecclesiam ». Cf. *In Jo.*, tract. 10, n. 8 : « Extende caritatem per totum orbem, si vis Christum amare » (35, 2060). Cf. GRÉGOIRE DE NAZIANZE, *Discours sur le baptême du Christ* : L'Église a conscience de son essentielle catholicité ; c'est elle qui s'écrie par la bouche du Prophète (*Is.*, XLIX, 20) : « Angustus est mihi locus, fac mihi locum ut inhabitem » (P. G. 46, 577).

13—Voir, *sermon* 128, n. 1 et 10 (P. L. 38, 768) et *sermon* 12 *Denis*, c. 3 (46, 853), l'argumentation contre les Donatistes, qui trouvaient dans le Cantique des cantiques la prédiction d'une Église africaine. Pour se mettre en règle avec les nombreux textes de l'Écriture qu'on leur opposait, les Donatistes prétendaient que l'Église avait déjà pénétré partout, mais qu'elle se trouvait désormais réduite à la terre d'Afrique : idée analogue à celle que devaient soutenir certains apologistes parlant d'une catholicité successive ou précaire. AUGUSTIN, *De agone christiano*, n. 31 (P. L. 40, 307); *Contra epist. Parmeniani*, l. 2, n. 38 (43, 79); *Contra litteras Petilianii*, l. 2, c. 39, n. 94 (43, 294).

14—*Collatio cum Donatistis*, 3a dies, c. 3 (P. L. 43, 624).

15—*In I Jo.*, tract. 10 (P. L. 35, 2060). ISIDORE DE SÉVILLE, *Sententiae*, l. 1, c. 16 : « Ideo dicitur catholica, pro eo quod universaliter per omnem sit mundum diffusa... Haereses autem in aliquo angulo mundi aut in una gente inveniuntur versari. Ecclesia vero catholica, sicut per totum mundum extenditur, ita et omnium gentilium societate construitur » (85, 572; cf. 740).

16—*Epist.* 140, n. 43 (P. L. 33, 556). *Sermo* 3, n. 5 : « Donec fermentaretur totum. Hoc est illud totum, quod graece dicitur olon; ubi custodientes vinculum pacis, eritis secundum totum, quod catholon vocatur, et unde catholica nominatur » (46, 828). *Contra Donat. epist.*, n. 2 (43, 392). *In Jo.*, tract. 118, n. 4 : « Quadripartita vestis Domini Jesu Christi, quadripartitam figuravit ejus Ecclesiam, toto scilicet qui quatuor partibus constat, terrarum orbe diffusam, et omnibus eisdem partibus... concorditer distributam... Tunica vero illa sortita, omnium partium significat unitatem, quae caritatis vinculo continetur... « Desuper contexta per totum » : a quo toto, sicut graeca indicat lingua, catholica vocatur Ecclesia » (35, 1949). Cf. EB. BAR BAHRIZ (?), *Expositio officiorum Ecclesiae*, tr. 3 : « In voce « universa » totius communitatis congregatio fit » (trad. CONNOLLY, t. 1, p. 185.)

17—HILDEFONSE DE TOLÈDE, *De cognitione baptismi*, c. 73 : « Hinc et universitas ab una cognominata est, propter quod in unitatem colligitur » (P. L. 96, 138). ISIDORE DE PÉLUSE, *Lib.* 1, *epist.* 65 : Le Christ ramasse toute l'humanité comme une moisson dans l'aire de son Église (P. G. 78, 225).

18—Il ne nous paraît donc pas très exact de dire, avec un auteur récent, que « l'éclosion de l'idée de catholicité qualitative », par opposition à l'idée « de catholicité spatiale et numérique », fut favorisée en ces derniers temps par un certain oubli des sources patristiques de la doctrine (G. THILS, *Les Notes de l'Église dans l'apologétique catholique depuis la Réforme*, p. 252).

19—*Mystagogie*, c. 1 (P. G. 91, 665-8; traduction un peu abrégée). Comparer PHILON, *De confusione linguarum*, c. 11, n. 41-3. — Cf. le chœur parlé du Congrès jociste de Paris, Pentecôte 1937 : « Comme tous les

rayons d'une roue se rencontrent en son moyeu, ainsi toutes nos activités se rejoignent vers un seul but... », et la suite, attribuant au Christ le rôle de Lien universel.

20—*Hom.* 65, n. 1 (P. G. 59, 361-2). ISIDORE DE PÉLUSE, l. 1, epist. 471 : « Nous devons traiter les esclaves comme nous-mêmes. Car ils sont hommes tout comme nous. Et en vérité, tous nous sommes un, et par la nature, et par la foi, et par le jugement que nous attendons » (78, 440). MAXIME DE TURIN, *Hom.* 111 (P. L. 57, 514).

20¹—*Lib.* 1, c. 30, n. 63 (P. L. 32, 1336).

21—L. CERFAUX, *Le symbolisme attaché au miracle des langues*, dans *Ephemerides theologicae lovanienses*, 1936, p. 256-9.

22—Dans *Act.*, II, 3 « le choix du terme διαμεριζόμεναι pourrait n'être pas indifférent. C'est le mot qui, dans le Cantique de Moïse, exprime la dispersion des peuples, *Deuter.*, XXXII, 8 » (Cerfaux). Cf. AUGUSTIN, *In psalm.* 54, n. 11 (P. L. 36, 636). PSEUDO-CHRYSOSTOME, *In Pent.*, s. 2 (P. G. 52, 807-8).

23—AUGUSTIN, *In Joannem*, tr. 6, n. 10 : « Spiritus sanctus divisus in linguis, unitus in columba... Linguae dividuntur, columba copulat »; d'où « in columba unitas, in linguis gentium societas » (P. L. 35, 1429). Et *sermon* 19 *Deuis*, n. 11 (MORIN, p. 109) : « significando faciebat (Spiritus) ». MAXIME DE TURIN, *sermon* 55 : « ...ut in unam eandemque fidem omnium gentium coadunaretur universitas » (P. L. 57, 642).

24—HERMAS, *Similitudo* 9, c. 17, n. 1-5 (LELONG, p. 272-5). CHRYSOSTOME, *In Act.*, hom. 4, n. 2 (P. G. 60, 44). CHRYSOSTOME et SÉVÉRIEN DE GABALA dans CRAMER, *Catena in Act.* (1838), p. 24 et 27. AUGUSTIN, *In psalm.* 86, n. 4 (P. L. 37, 1103-4). Cf. ORIGÈNE, *In Num.*, hom. 26, n. 4 (B. p. 250). Liturgie dominicaine, oraison de la Pentecôte : « Deus, qui per diversitatem linguarum multarum gentes in unitate fidei congregasti ».

25—AUGUSTIN, *sermons* 266 à 269 (P. L. 38, 1225-37); *sermon* 175, n. 3 (38, 946); *In I Jo.*, tract. 6, n. 10 (35, 2025); etc. S. 266, n. 1 : « Omnes linguae in uno homine, omnes gentes in unitate ». S. 268, n. 1 : « Unusquisque homo, unus homo linguis omnium gentium loquebatur. Loquebatur unus homo linguis omnium gentium : unitas Ecclesiae in linguis omnium gentium ». S. 269, n. 1 : « Tunc enim et unus fidelis linguis omnibus loquebatur : et nunc unitas fidelium linguis omnibus loquitur. Itaque etiam nunc omnes linguae nostrae sunt, quoniam membra sumus corporis in quo sunt ». *In Jo.*, tract. 32, n. 7.

RABAN MAUR, *hom. 57 in evang. et epist.* (P. L. 110, 255).

26—RUPERT, *De divinis officiis*, l. 10, c. 3 : « In illa, quam celebramus, effusione sancti Spiritus, illud impletum est, quod... patri nostro Abrahæ Dominus ait (Gen., 12). Illud nunc impleri coeptum est, quando Spiritus sanctus, apostolorum pectora invisibiliter penetrans, novum dedit sanctificationis signum, ut in ore eorum omnium genera nascerentur linguarum » (P. L. 170, 264).

27—PSEUDO-FULGENCE, s. 51 (P. L. 65, 918). FULGENCE, s. 8, n. 2-3 (65, 743 et 744). PSEUDO-AMBROISE, s. 36 (17, 676). AUGUSTIN, *De Civitate Dei*, l. 18, c. 49 (41, 162). MAXIME DE TURIN, s. 50 (57, 635-6). GRÉGOIRE, *In evang. hom.* 30, n. 4 (76, 1222). IRÉNÉE, *Adv. Haereses*, 3, 12. 2 (P. G. 7, 929). GRÉG. NAZ., *Disc.* 41, c. 16 (36, 449). CHRYSOSTOME, *hom. 2 sur la Pentecôte*, n. 2 (50, 476). Sur l'Église comparée à une tour : HERMAS, *vision* 3, c. 3, n. 3, et *Similitudo* 9, c. 13, n. 1 (LELONG, p. 35 et 259).

Sacramentaire léonien, oraison pour la veille de la Pentecôte : « ut gentium facta dispersio divisioe linguarum, ad unam confessionem tui nominis caelesti munere congregetur » (P. L. 55, 39). Missel mozarabe, jour de la Pentecôte (85, 617).

28—*Ephes.*, V, 25-32. AUGUSTIN, *Epist.* 185, n. 38-40 (P. L. 33, 809-10); *In psalm.* 44, n. 3 (36, 494-5); *in psalm.* 120, n. 9 et 122, n. 5 (37, 1612 et 1633); *C. Donat. spisc.*, n. 17 (43, 403). JÉRÔME, *In Mat.*, 9, 15 : les apôtres sont les premiers fruits de son mariage mystique avec l'Église (26, 58). HILDEBERT, s. 144 (171, 959-63). (On sait que beaucoup de sermons attribués à Hildebert de Lavardin, archevêque de Tours, ne sont pas de lui; un certain nombre sont de Pierre Lombard). Antienne romaine du Benedictus au jour de l'Épiphanie : « Hodie caelesti sponso juncta est Ecclesia, quia in Jordane lavit Christus ejus crimina ». SOPHRONIUS DE JÉRUSALEM, *Miracles des Ss. Cyr et Jean* (P. G. 87, 3569).

29—IRÉNÉE, *Adv. Haereses*, 4, 33, 14 (P. G. 7, 1082) et 4, 21, 3 (1046). *Demonstr.*, c. 8 : « Le Testament de la filiation adoptive » (P. O. 12, 760). Voir 1 *Petr.*, II, 9 et BARNABÉ, 14. (Oger-Laurent, p. 83).

30—Vision 2, c. 4, n. 1 (LELONG, p. 23).

31—*Mat.*, XXI, 43. Comparer encore *Deuter.*, VII, 6; XIV, 2; et 1 *Petr.*, II, 9.

32—*Histoire ecclésiastique*, passim.

33—*Galat.*, III, 16. *Gen.*, XV, 18.

34—IRÉNÉE, *Adv. Haereses*, 4, 8, 1 : « (Deus) qui in regnum caelorum introducit Abraham, et semen ejus quod est Ecclesia, per Christum Jesum; cui (Ecclesiae) et adoptio redditur, et haereditas quae Abrahae promissa est » (P. G. 7, 993). AUGUSTIN, *De doctrina christiana*, l. 3, n. 48-9 (P. L. 34, 84-5); *Expositio in epist. ad Galatas*, n. 28 (35, 2125). LÉON, *In Nativ. Domini*, s. 10, c. 7 (54, 234). CLAUDE DE TURIN, *Enarr. in epist. ad Galat.* (104, 878).

Voir L. CERFAUX, *L'Église et le Règne de Dieu d'après saint Paul*, dans *Ephemerides theologicae Iovanienses* 1925; A. CHARUE, *L'incrédulité des Juifs dans le Nouveau Testament*, p. 309-11; Erik PETERSON, *Le mystère des Juifs et des Gentils dans l'Église* (tr. fr. 1935).

35—JUSTIN, *Dialogue avec Tryphon*, c. 11, n. 5 (ARCHAMBAULT, p. 54). AUGUSTIN, *De fide rerum quae non videntur*, n. 5 : « Quand Dieu bénit Abraham, c'est moi (l'Église) qu'il promettait; à travers toutes les nations, en effet, je me répands, bénédiction du Christ, etc. » (P. L. 40, 174); s. 144, n. 5 (38, 790); *De Civitate Dei*, l. 18, c. 28 (41, 584). PSEUDO-AMBROISE, s. 58, n. 2 : « Domus Israël, quae domus nos sumus... Nos sumus Israël, vinea Domini sumus » (17, 723). — Abraham est « le Père de l'Église » : DIODORE DE TARSE (DECONINK, *Essai sur la chaîne de l'Octateuque*, p. 112-6). Dès lors qu'il prétend conserver ses privilèges une fois son rôle providentiel accompli, Israël devient usurpateur : HILAIRE, *In psalm.* 67, n. 3 (ZINGERLE, p. 306).

36—Ainsi EUSÈBE, *Praep. evang.*, l. 1, c. 5 (P. G. 21, 44-8). HILAIRE, *In psalm.* 136, n. 2 (Z. p. 724). AMBROISE, *De officiis ministrorum*, l. 3, c. 17, n. 98 (P. L. 16, 172). *De sacramentis*, l. 1, c. 4, n. 11 (16, 420). AMBROSIAS, *Q.* 114, *adv. Paganos* (35, 1346). FULGENCE, *Epist.* 14, n. 47, et *epist.* 17, n. 48 (65, 435 et 482); *De fide*, n. 22 (65, 682); etc.

37—Oraison du Samedi-saint, après la 4e prophétie : « Deus cujus antiqua miracula etiam nostris saeculis coruscare sentimus, dum quod uni populo, a persecutione aegyptiaca liberando, dexteræ tuæ potentia contulisti, id in salutem gentium per aquam regenerationis operaris, praesta, ut in Abrahae filios et in israeliticam dignitatem totius mundi transeat multitudo ». Cf. *Gelasianum*, éd. WILSON, p. 82.

38—*Rom.*, IX, 5; *Gal.*, III, 25 et 29; *Éph.*, II, 12. AUGUSTIN, *C. Faustum*, l. 3, c. 3 (P. L. 42, 215). LÉON, *In Epiph.*, s. 3, c. 2 : « De quibus (gentibus) quondam beatissimo patriarchae Abrahae innumerabilis fuerat promissa successio, non carnis semine, sed fidei fecunditate generanda; et ideo stellarum multitudini comparata, ut ab omnium gentium patre, non terrena, sed caelestis progenies speraretur » (54, 241). — Cf. MÉLITON DE SARDES, *Homélie sur la Passion* (résumé par CAMPBELL BONNER, *Mélanges Cumont*, p. 111 : « The congregation of Israel is the pattern of the Church »). (CYRILLE D'ALEXANDRIE, *Glaphyra in Genesim*, l. 3, n. 2 (P. G. 69, 113).

39—Voir notamment *Is.*, XIX, 23-5 et *Jér.*, XXXIII, 38-42.

40—Israël tout entier, *gens prophetica*, « peuple-métaphore » (G. CATTAUI). Il arrive qu'on méconnaisse la valeur de l'A. T., parce qu'on n'en comprend pas bien le rôle. On y cherche trop une perfection qui vaudrait partout pour elle-même, alors qu'il y faut voir surtout une préparation. Cf. J. LEVIE, *La crise de l'Ancien Testament*, dans *N. R. Théol.*, 1929, p. 835. L'A. T. préparait le Nouveau, il l'annonçait, surtout en lui tissant un corps que le Nouveau Testament aurait à spiritualiser. Au premier traité de son ouvrage *De peregrinante Civitate Dei*, HENRI DE MARCY donnait ce titre significatif : *De praeparatione materiae Civitatis Dei* (P. L. 204, 253). La chrysalide est moins belle que bien des insectes, mais elle prépare le papillon. — Déçus par un Livre qu'ils n'ont pas su lire, des chrétiens sont tentés de le rejeter : on le constate depuis l'origine. L'Église, elle, le conserve. Elle ne permet pas qu'on déchire l'unique Écriture du Christ (AUGUSTIN, *De moribus Ecclesiae catholicae*, l. 1, n. 2; P. L. 32, 1311). Elle vénère l'Ancien Testament à l'égal du Nouveau : « utrumque Testamentum custodiens, et tam secundum Legis decalogum quam secundum quatuor Evangelii libros vivens, usque ad perfectionis culmen extenditur » (GRÉGOIRE, *Moralia in Job.*, l. 35, c. 20, n. 48; P. L. 76, 778. Cf. PASCHASE RADBERT, *In Mat.*, l. 7, c. 14; P. L. 120, 519). — Mais seule aussi, réalisation vivante de ce que l'Ancien Testament contenait en figure, elle permet de le comprendre et, en le lisant dans l'Esprit du Nouveau, de l'éterniser : « Sic Novum Testamentum Ecclesia recipit, ut Vetus non abiciat; sic Vetus veneratur, ut Novum semper in ipsis sacrificiis carnalibus per spiritum intelligat » (GRÉGOIRE, *In Cant.*, c. 7, n. 18; P. L. 79, 538. Cf. AUGUSTIN, *Contra adversarium legis et prophetarum*, l. 2, c. 7, n. 29; 42, 655).

41—SCHWEITZER fait cette remarque très juste sur saint Paul : « Auch das Individualistische der hellenistischen Mystik lehnt er ab. Als das Korrelat zu Christus erscheint ihm nicht der einzelne Gläubige, sondern die Gemeinde ». *Die Mystik des Apostels Paulus* (Tübingen, 1930), p. 31.

42—C'est ce que reconnaît REITZENSTEIN, *Die hellenistischen Mysterienreligionen*, 2e éd., 1920, p. 106.

43—Ainsi THÉODORE DE BÈZE, *Traité de l'autorité du Magistrat en la punition des hérétiques* : L'Église « est notre république chrétienne, et consiste de plusieurs compagnies de citoyens assemblés. L'Église est la réunion des cités chrétiennes » (tr. fr. par COLLADON, 1560). — Récemment encore, après avoir dit : « L'Église n'est pas seulement une somme d'individus qui,

chacun à part, ont été pris dans le monde et ont été désignés comme héritiers présomptifs du royaume céleste », et encore : « l'Église est la mère de tous les croyants, elle existe avant chaque croyant », ÉMIL BRUNNER ajoute un peu plus loin : « La communauté doit nécessairement se créer un organisme, un organe « extérieur » par lequel elle manifeste sa vie ». *Le renouveau de l'Église* (1935), pp. 12, 14 et 23.

44—Notamment KATTENBUSCH, *Der Quellort der Kirchenidee* (1921), et K.-L. SCHMIDT, *Die Kirche des Urchristentums* (1927) et article Ἐκκλησία dans KITTEL, *Theologisches Wörterbuch zum N. T.*, Band III, p. 502-509 (1936). Cf. H. KOEHNLEIN, *La notion de l'Église chez l'apôtre Paul*, dans *Revue d'histoire et de philosophie religieuses*, 1937, p. 357-377, et A. FRIDRICHSEN, *Église et sacrement dans le Nouveau Testament*, *ibid.*, surtout p. 338 à 347.

45—L. CERFAUX, *loc. laud.*, p. 188-191. « Ces trois termes, convocation, Église, Règne s'appellent mutuellement et se définissent l'un par l'autre; chacun des trois est nécessaire à l'ensemble et, placés en ligne, ils dessinent une des grandes directions de la pensée chrétienne primitive ». Voir *I Thess.*, II, 12.

46—*De ecclesiasticis officiis*, l. 1, c. 1 (P. L. 83, 739-40); *Etymol.*, l. 8, c. 1 n. 7-8 (82, 295). Cf. AUGUSTIN, *In Rom. inchoata expositio*, n. 2 (35, 2089). RABAN MAUR, *De sacris ordinibus*, c. 1 (112, 1166). REMI D'AUXERRE, *De dedicatione Ecclesiae* : « Magna differentia apparet inter ista duo nomina, Synagogae scilicet et Ecclesiae; Synagoga namque congregatio dicitur..., Ecclesia vero convocatio nuncupatur... » (131, 847). PLACIDUS monachus, *Liber de honore Ecclesiae*, c. 2 : « Ecclesiam esse congregationem fidelium, vel potius convocationem, notissimum est » (163, 623). BONAVENTURE, *In Hexaemeron*, coll. 1, n. 2 (éd. de Quaracchi, t. 5, p. 329). DURAND DE MENDE, *Rationale*, l. 1, c. 1, n. 2 : « Ecclesiae graece, dicitur convocatio latine, quia omnes ad se vocat » (éd. de 1672, p. 4). — Comparer Concile du Vatican, *Constitutio de fide catholica*, c. 3, et *Isaïe*, XI, 12 :

Il lèvera l'étendard pour les nations,
il réunira les restes épars d'Israël;
Il rassemblera les dispersés de Juda
des quatre coins de la terre.

47—AUGUSTIN, *Epist.* 343, n. 8 (P. L. 33, 1057).

48—*Galat.*, IV, 22-31. TERTULLIEN, *Adversus Marcionem*, l. 5, c. 4 (KROYMANN p. 579-81); *Ad martyres*, c. 1 : « Domina mater Ecclesia » (P. L. 1, 619).

49—Dans EUSÈBE, H. E., l. 5, c. 1, n. 45 (GRAPIN, t. 1, p. 35).

50—*Adversus Haereses*, 3, praef., et 3, 24, 1 (P. G. 7, 843 et 966). GRÉGOIRE DE NYSSE, *Sur la résurrection*, discours 1 (46, 604). CLÉMENT, *Pédagogue*, l. 3, c. 12 (St., t. 1, p. 290).

51—*In Gen.*, hom. 10, n. 1 (BAEHRENS, p. 93); cf. *In Prov.*, 17, 63 (P. G. 17, 201); *Periarchôn*, l. 4, n. 9 (K. p. 336).

52—*De catholicae Ecclesiae unitate*, c. 6; c. 5 : « una mater fecunditatis successibus copiosa, etc. » (HARTEL, p. 214); *Epist.* 47 et 74 (BAYARD, t. 2, p. 117 et 284). MÉTHODE D'OLYMPE, *Banquet*, discours 8, c. 11 (tr. FARGES, p. 133). AUGUSTIN, *Contra litteras Petilianas*, l. 3, n. 10 (P. L. 43, 353); *Sermo* 216, n. 8 (38, 1081).

53—*Epist.* 41, n. 1 (P. G. 32, 345).

54—OPTAT, *De schismate donatistarum*, l. 1, c. 11 et l. 7, c. 5 (éd. ZISWA, p. 14 et 178). FULGENCE, *Pro fide catholica*, n. 4 (P. L. 65, 710). AUGUSTIN *Epist.* 185, n. 46, et 243, n. 8 (P. L. 33, 813 et 1057); *In psalm.* 88, s. 2, n. 14 (37, 1140-41); *In psalm.* 126, n. 8 (1673); *In Jo.*, tract., 35, n. 3 (35, 1658); *Sermo* 22, n. 10 (38, 154); s. 121, n. 4 (679); s. 192, n. 2 (1012); s. 216, ad competentes, n. 7-8 : « ecce uterus Matris Ecclesiae, ecce ut te pariat atque in lucem producat, laborat in gemitu tuo... » (1080-81); s. 344, n. 2 (39, 1512); *De nuptiis*, l. 2, n. 12 (44, 443); *Sermo in Matt.*, 12, c. 8 : « Carissimi, quis vos peperit? — Audio vocem cordis vestri : Mater Ecclesia » (46, 938); *Sermo de Alleluia* : « Frequentate hanc matrem, quae genuit vos... Neque poterit quispiam habere Deum patrem, qui Ecclesiam contempserit matrem. Haec ergo sancta et spiritalis mater cotidie vobis spiritalis escas praeparat » (MORIN, p. 332-3); etc. MAXIME DE TURIN, *Tractatus adversus Paganos* (P. L. 57, 783). JEAN DIACRE, *Lettre à Senarius*, c. 4 (59, 402). CÉSAIRE D'ARLES, *Sermon* 123, n. 3 (MORIN, p. 491); etc.

55—Textes analogues : HERMAS, vision 3, 9, 1 (LELONG, p. 48). CLÉMENT D'ALEXANDRIE, *Pédagogue*, l. 1, c. 5, 21; c. 6, 42 (St., t. 1, p. 102 et 115). CYRILLE DE JÉRUSALEM, *Catéchèse* 18, c. 26 : « Quand tu te trouves de passage dans une ville, ne demande pas seulement où est l'Église, mais où est l'Église catholique, car tel est le nom propre de cette sainte Mère de nous tous, Épouse de notre Christ » (P. G. 33, 1048). CHRYSOSTOME, *Adversus Judaeos*, l. 1, n. 8 et l. 3, n. 6 (48, 856 et 869); *Catech.* 1, n. 1 (49, 224). PIERRE CHRYSOLOGUE, *sermon* 73 (P. L. 52, 408); etc.

Inscription du Baptistère du Latran (DUCHESNE, *Liber pontificalis*, t. 1, p. 236) :

Virgineo fetu Genitrix Ecclesia natos
Quos spirante Deo concipit amne parit.

Missel mozarabe, Illatio du samedi saint : « In aeternam modo vitam filii lucis oriuntur, quos matutino partui per gratiam spiritalem hac nocte progenerat Mater Ecclesia » (P. L. 85, 474).

56—*L'Église et les églises*, trad. MOOBS, *Oecumenica*, t. 3, p. 141.

57—On remarquera par exemple que saint AUGUSTIN distingue nettement l'Église qui est le Corps du Christ et la Cité de Dieu, de l'Église visible en tant que contenue dans certaines limites de temps et d'espace : *In psalm.* 90, sermo 2, n. 1 (P. L. 37, 1159).

58—AUGUSTIN, *In psalm.* 7, n. 7 : « In ecclesiis, hoc est in illa congregatione populorum atque gentium » (P. L. 36, 101).

59—VICTORIN DE PETTAU, *In Apocalypsin* (recension de JÉRÔME), 12, 4 : « Ecclesiam illam catholicam, ex qua in novissimo tempore creditura sunt centum quadraginta quatuor millia hominum » (HAUSSLEITER, p. 113).

60—Voir infra, ch. III.

61—JÉRÔME, Préface au *commentaire sur Osée* (P. L. 25, 817-8), et l. 1, c. 1 (823). AUGUSTIN, *Sermon* 364, n. 2 : « Meretrix quam Samson in conjugium sumit, Ecclesia est, quae ante agnitionem unius Dei cum idolis fornicata fuit, quam postea sibi Christus adjunxit » (39, 1640). HILDEFONSE DE TOLÈDE, *Liber de itinere baptismi*, c. 4 (96, 172-3). PASCHASE RADBERT, *In Mat.*, l. 6, c. 10 (120, 432). RABAN MAUR, *In Ruth*, c. 7 : « Gratias refert Ecclesia gentium Salvatori, quod eam respicere misericordiae suae intuitu dignatus est; cui ille indicavit placere sibi quod, post mortem prioris viri, hoc est erroris atque diaboli, reliquerit parentes suos idololatrias et terram nativitas suae, carnalia utique desideria, et associare se appetivit populo

sanctorum »; et c. 10 : « Ad istum lectum Redemptoris nostri properavit Ecclesia, et discooperto a pedibus ejus pallio, hoc est, revelato de incarnatione ejus sacramento, illuc se humiliter veniam deprecando et salutem quaerendo prostravit » (P. L. 108, 1207-8 et 1213); *Homilia 163 in evang.* : « Ecclesia ventura ad Dominum de gentilitatis errore » (110, 458); etc. — Toujours adultère en trop de ses membres : RUPERT, *In Apocal.*, l. 7 (P. L. 169, 1041). Voir infra, ch. VI.

62—*Apocal.*, XXI, 9. *Galat.*, IV, 26. — AGOBARD, *Epist. ad clericos lugdunenses* (P. L. 104, 189).

63—ORIGÈNE, *In Ezech.*, hom. 1, n. 11 (B. p. 335); *In Judic.*, hom. 8, n. 5 (B. p. 514); etc.

64—AUGUSTIN, *In Jo.*, tract. 27, n. 11 : « Modo enim corpus Christi mixtum est tanquam in area » (P. L. 35, 1621); tract. 122, n. 7 (1962); *De doctrina christiana*, l. 3, n. 45 : opposition du *corpus Domini verum* et du *corpus Domini permixtum*, ou *simulatum* (34, 82); *Sermons* 47, n. 6 et 223, n. 2 (38, 298 et 1092-3); *De Civitate Dei*, l. 18, c. 49 (41, 611); *Breviculus collationis cum donatistis*, 3a dies, c. 8, n. 10 (43, 629); *Ad donatistas post collationem*, n. 10-14 (43, 658-60).

65—CLÉMENT, *Pédagogue*, l. 1, c. 6 (St. t. 1, p. 115). AUGUSTIN, *Epist.* 34, n. 3 : « Ecclesia mater spiritualis » (33, 132); *Epist.* 98, n. 5 : « Tota hoc ergo mater Ecclesia, quae in sanctis est, facit, quia tota omnes, tota singulos parit » (33, 362); *In Jo.*, tract. 120, n. 2 (35, 1953). PASCHASE RADBERT, *In psalm.* 44, l. 1 : « Generaliter omnis Ecclesia jure virgo, quia de viro Christo Jesu sumpta est, appellatur et sponsa... nec seductione decipitur, nec violentia vincitur..., nec ullis persecutionum generibus superatur, quia in fide internae virginitatis virtute fulcitur... Haec est igitur Ecclesia una et perfecta columba Dei, veraque Catholica mater, et sponsa, et virgo... » (P. L. 120, 1001). PIERRE DAMIEN, *Sermons* 49 et 67 (144, col. 779 et 883). HONORIUS D'AUTUN, *Sacramentarium*, c. 88 (172, 794). — Nombreuses références dans S. TROMP, *De nativitate Ecclesiae ex Corde Jesu in cruce*, dans *Gregorianum*, 1932, p. 500-7.

66—PIERRE LE VÉNÉRABLE, *Tractatus contra Petrobrusianos* (P. L. 183, 793).

67—*Discours aux prédicateurs de carême à Rome*, 28 février 1927 (d'après la Croix du 15 mars).

68—En ce sens on dira d'elle ce que saint AUGUSTIN dit du Christ : « Nec ipse Dominus, in quantum via nostra esse dignatus est, tenere nos voluit, sed transire », *De doctrina christiana*, l. 1, n. 38 (P. L. 34, 33).

69—SCOT ERIGÈNE, *In Joannem* (P. L. 122, 326).

70—*Pédagogue*, l. 1, c. 6 (St., t. 1, p. 106).

71—Vision 2, c. 4, n. 1; et vision 1, c. 1, n. 6 : « Le Dieu qui a tiré les êtres du néant, qui les a fait multiplier et croître pour sa Sainte Église » (LELONG, p. 23 et 7). PSEUDO-CHRYSOSTOME, *Sermon 1 in Pentec.* (P. G. 52, 806). Cf. *Prov.*, 8, 22; *Assomption de Moïse*, 1, 12 : « Il a créé l'univers en vue de sa Loi ». — Tel est aussi, on le sait, le point de vue de nombreux théologiens russes, qui aiment à voir un symbole de cette Église dans la divine Sophia dont parlent la Sagesse et l'Éclésiastique (S. BULGAKOV, dans *Irénikon*, 1931, p. 693-4). Assimilation déjà faite par le Pseudo-Clément et par Augustin.

72—*Breviculus collationis cum donatistis*, dies 3a, c. 10, n. 19 : « Deinde calumniantes (Donatistae), quod duas Ecclesias Catholici dixerint... » (P. L. 43, 634).

73—Il arrive à d'excellents auteurs de ne pas le faire suffisamment. C'est un défaut de ce genre que nous croyons discerner par endroits dans le petit livre du R. P. CLÉRISSAC sur *Le Mystère de l'Église*. D'où cette affirmation que le contexte ne tempère pas assez : « Tous les instincts de la raison chrétienne et de l'âme catholique tendent... à ne point distinguer entre la Maternité de l'Église et sa suzeraineté »; ou cette autre, traduisant de façon peu exacte, à cause d'un défaut d'analyse, une pensée fort belle en son fond : « Le signe certain que nous gardons la plénitude de l'esprit, est de ne jamais admettre que nous puissions souffrir par l'Église autrement que nous pouvons souffrir par Dieu ». (4e éd., p. 165 et 144). — Voir dans CONGAR, *op. cit.*, le tableau sur deux colonnes avec les précisions théologiques qui suivent, p. 95-100 (ainsi que p. 268-72); et MERSCH, *op. cit.*, t. 2, p. 233, n. 4.

74—PIERRE DAMIEN, *De Quadragesima*, c. 9 (P. L. 145, 560).

75—BENOÎT XV, *Encyclique sur saint Ephrem* : « Patriae illius, quae nihil est aliud nisi intima in animis justorum Dei dominatio hic inchoata, in caelis perfectissima; cujus profecto speciem mystice exhibet Ecclesia catholica » (*A. A. S.* 1920 p. 466). PASCHASE RADBERT, *In Mat.*, l. 3, c. 5 (P. L. 120, 254).

76—AUGUSTIN, *Sermon* 105, n. 9 : « Civitas in terra peregrina, in caelo fundata » (P. L. 38, 622); *De Civitate Dei*, l. 20, c. 9 n. 1 : « Ecclesia et nunc est regnum Christi, regnumque caelorum » (41, 673). Et pourtant, *De sancta virginitate*, n. 24 : « Etsi regnum caelorum aliquando etiam quae hoc tempore est, appellatur... » (40, 409). Plus nettement, GRÉGOIRE LE GRAND, *Hom. 38 in evangelia*, n. 2 : « Regnum caelorum, Ecclesia justorum » (P. L. 76, 1283).

77—Sur ce mot, nombreux commentaires d'AUGUSTIN; p. ex. : *In Jo.*, tract. 28, n. 1 (P. L. 35, 1622); *In psalm. 123* (37, 1640); *Sermones post Maurinos reperti* (MORIN, p. 205 et 312); etc. GRÉGOIRE, *Moralia in Job*, l. 3, c. 13, n. 25 (P. L. 75, 612). Déjà ATHANASE, *Contra Arianos*, l. 2, c. 80 (P. G. 26, 316).

Voir la première Règle de TYCONIUS (BURKITT, p. 5) : on peut appeler l'Église « fils de l'homme », ou « Dieu ».

78—*In Cant.*, hom. 13 (P. G. 44, 1048).

79—V. infra, ch. IV et VIII. Un symbole traditionnel exprime bien la même idée, soulignant l'ambiguïté inhérente à la notion d'Église en son unité même. La lune signifie l'Église en sa lumière reçue du soleil, mais en même temps le caractère changeant et périssable de tout ce qui est en ce monde. Or, nous attendons la fin des temps, « donec extollatur luna »; ce qui veut dire à la fois : « auferatur, interficiatur » — c'est l'Église sous son aspect terrestre et transitoire — et « altius elevetur, perficiatur » — c'est l'Église en son éternelle perfection, « luna perfecta in aeternum ». AUGUSTIN, *In psalm. 71*, n. 10 (P. L. 36, 908); *epist. 55*, n. 10 (33, 209).

80—AUGUSTIN, *In psalm. 131*, n. 23 : « Tota Ecclesia una vidua est, deserta in hoc saeculo » (P. L. 37, 1726); *in ps. 87*, n. 15 : « et inops est Ecclesia, dum esuriēt et sitit peregrina » (1119); *sermo 181*, n. 7 : « Ecce tota Ecclesia dicit, Dimitte nobis debita nostra... Stat Ecclesia in oratione, ut mundetur confessione; et quamdiu hic vivitur, sic stat » (38, 982); *Retract.*, l. 1, c. 7, n. 5 (32, 593) et l. 2, c. 18 (637-8).

81—P. RADBERT, *In Mat.*, l. 11, c. 25 : « Difficile et a paucis cognoscitur, quomodo Christus sponsus, et Ecclesia uxor et sponsa vocetur » (P. L.

120, 845-6). Cf. JUSTIN, *Dialogue*, c. 48, n. 1 (ARCHAMBAULT, t. 1, p. 215); GRÉG. NYSS. *Discours catéchétique*, c. 9, n. 1 (MÉRIDIÉ, p. 65); MAXIME, *Epist.* 13 (P. G. 91, 517); *Ambiguorum liber* (1332); GUILLAUME DE S. THIERRY, *Speculum fidei* (P. L. 180, 386 et 390).

82—Cf. AUGUSTIN, *In I Jo.*, tr. 1, n. 4 (P. L. 35, 1980).

83—WILFRED MONOD, *La Bible, Livre de Visions*, dans *La Bible* (1937), p. 74.

84—I *Cor.*, XV, 9 (cf. *Gal.*, VI, 16 et *Rom.*, IX, 6). — PSEUDO-AUGUSTIN, *sermo de symbolo*, c. 12, et *s. de mysterio baptismatis* (P. L. 40, 1196 et 1210). MAXIME DE TURIN, *De baptismo*, tract. 2 (57, 776). PSEUDO-MAX., s. 7 (57, 856). P. RADBERT, *De fide, spe et caritate*, l. 1, c. 6 (120, 1403). HELINAND, s. 27 (212, 707). Pour les grands théologiens médiévaux, voir CONGAR, *Chrétiens désunis*, p. 69.

85—Cf. R. WILL, *La conception protestante de l'Église*, dans *Revue d'histoire et de philosophie religieuses*, 1932 (notamment pp. 473, 474, 484).

86—MÖHLER, *Lettre à la Comtesse Stolberg* (1834).

87—AUGUSTIN, *Confessions*, l. 3, c. 8, n. 15 (P. L. 32, 689). TERTULLIEN, *De paenitentia*, c. 10 (DE LABRIOLLE, p. 42-4); *Apologet.*, c. 39 (éd. WALZINGSEVERYS, p. 81-2). ORIGÈNE, *In Jesu Nave*, hom. 5, n. 6 : « Qui fornicatur, in corpus suum peccat; non in istud corpus solum, quod templum Dei effectum est, sed et in illud quod dicitur, quia omnis ecclesia corpus Christi est; et in omnem Ecclesiam videtur delinquere, qui corpus suum maculaverit, quia per unum membrum macula in omne corpus diffunditur » (BAEHRENS, p. 320). GRÉGOIRE DE NAZ., *Disc.* 32, c. 11 (P. G. 36, 185-8). AMBROISE, *In Luc.*, l. 5, n. 92 (P. L. 15, 1661). Sainte CATHERINE DE SIENNE, *Dialogue*, c. 24 : « Toute âme, en cultivant sa vigne, cultive aussi celle du prochain. L'une et l'autre sont tellement conjointes, que nul ne peut se faire du bien ou se nuire à soi-même, qu'en même temps il ne fasse du bien ou ne nuise au prochain. Tous ensemble vous ne formez qu'une seule vigne universelle ». Cf. I *Cor.*, XII, 25 : « ...Que les membres aient soin les uns des autres ».

88—CYPRIEN, *De catholicae Ecclesiae unitate*, c. 3 : « Scindere unitatem, corrumpere veritatem... haereticae perversitatis et schismatum venenata pernicies » (HARTEL, p. 211), et c. 16 (p. 224); *Epist.* 72, c. 2, n. 2 : « Quod autem majus potest esse delictum aut quae macula deformior, quam adversus Christum stetisse, quam Ecclesiam ejus quam ille sanguine suo paravit et condidit dissipasse, quam evangelicae pacis ac dilectionis oblitum contra unianimem et concordem Dei populum hostilis discordiae furore pugnassee ? » (BAYARD, t. 2, p. 261).

89—*Strom.*, l. 7, c. 17 (St., t. 3, p. 75-6). CYPRIEN, *op. cit.*, c. 8 : « Quis sic discordiae furore vesanus ut... audeat scindere unitatem Dei... Ecclesiam Christi ? » (H., p. 216); *De dom. oratione*, c. 30 : « ...quantum delinquat qui unitatem scindit et pacem » (H., p. 289).

90—*In Num.*, h. 26, n. 2 (B., p. 245); *in Mat.*, t. 14, n. 1 (Kl., p. 271-7); *in Ezech.*, h. 9, n. 1 (B., p. 407-8). Cf. CLÉMENT, *Paedagog.*, l. 1, c. 6, n. 25 (St., t. 1, p. 104-5). — TEXTES 8 et 9.

91—*Ephes.*, III, 21. Comparer la doxologie de la *Tradition apostolique* d'HIPPOLYTE : « Per quem tibi gloria et honor, Patri et Filio cum Spiritu sancto, in sancta Ecclesia tua, et nunc et in saecula saeculorum ». Texte éthiopien : « In quo tibi laus et potentia in sancta Ecclesia ».

- 92—BÈDE, *In Pentat., Exodus*, c. 3 (P. L. 91, 293 et 294).
- 93—GRÉGOIRE D'ELVIRE, *Tract. I in Cant.* : « Quid enim carius Christo quam Ecclesia, pro qua suum sanguinem fudit? Aut quid Ecclesia amabilius Christo, cujus sancta et immaculata conjunctione magnam filiorum multitudinem per baptismi regenerationem procreavit? » (WILMART, dans *Bulletin de littérature ecclésiastique*, 1906, p. 240).
- 94—FULGENCE, *De remissione peccatorum*, l. 1, c. 23 et 25 (P. L. 65, 546-7 et 548). IRÉNÉE, *Adv. Haereses*, 3, 33, 7 (P. G. 7, 1076).
- 95—CYPRIEN, *Epist.* 60, c. 3, n. 1 (BAYARD, t. 2, p. 193).
- 96—HUGUES DE S. VICTOR, *De sacramentis*, l. 2, p. 13, c. 11 (P. L. 176, 544). Cf. AUGUSTIN, *In Jo.*, tr. 27, n. 6 (35, 1618) et *in I Jo.*, tr. 1, n. 12 (35, 1986).
- 97—CYPRIEN, *De catholicae Ecclesiae unitate*, c. 7 et 15 (H. p. 215 et 224). AUGUSTIN, *In psalm.* 106, n. 14 (P. L. 37, 1428); *sermo* 265, n. 7 (38, 1222). CANDIDUS DE FULDA, *De passione Domini*, c. 17 : « Timeat igitur facere christianus, quod non ausus est facere paganus » (106, 93). HILDEBERT, s. 98 et 116 (171, 793-6 et 875).
- 98—AMBROISE, *In psalm.* 43, n. 17 (éd. PETSCHENIG, p. 275). AUGUSTIN, *In I Jo.*, tr. 6, n. 14 (P. L. 35, 2028-9). CYPRIEN, *Epist.* 46, c. 1, n. 2 (BAYARD, t. 2, p. 116), etc.
- 99—SYLVESTRE II (GERBERT), *Epist.* 80 : « Unitatem sanctae Domini Ecclesiae scidisti, sanctissimam societatem humani generis abruptisti » (P. L. 139, 221).
- 100—AUGUSTIN, *In I Jo.*, tr. 6, n. 10 (35, 2025).
- 101—BERNARD, *In psalm. Qui habitat*, sermo 8, n. 2 : « Nec enim novos tibi instaurandos putes (oculos), sed tuos utique restituendos » (P. L. 183, 211).
- 102—L'image divine est désormais l'image du Christ, et elle consiste dans le rayonnement de la charité : CYRILLE D'ALEXANDRIE, *In Jo.* (P. G. 74, 168).
- 103—BAUDOUIIN DE CANTORBÉRY, *Tract. de vita coenobitica* (P. L. 204, 562).
- 104—MAXIME, *De caritate*, cent. 1, c. 71, (P. G. 90, 976); *epist.* 8 (91, 440-1); *epist.* 25 (614), 28 (621), 43 (637).
- 105—AUGUSTIN, *In Jo.*, tr. 32, n. 8 : « Si amas unitatem, etiam tibi habet quisquis in illa habet aliquid » (P. L. 35, 1646). MARIUS VICTORINUS, *In epist. ad Philip.* : « Tunc enim vere de nobis agimus, si et alios curemus, et aliis prodesse properemus. Cum enim omnes unum corpus simus, aliis si prospiciamus, nobis prospicimus; si de aliis cogitemus, de nobis magis cogitamus » (8, 1206). SIMÉON, le nouveau théologien, *Capitula practica*, c. 61 : « Tous les croyants, nous, croyants, devons les regarder comme un seul, et en chacun d'eux nous devons penser qu'est le Christ » (P. G. 120, 636).
- 106—*Meditationes piissimae de cognitione humanae conditionis*, c. 15, n. 14 (P. L. 184, 495) (trad. GILSON). L'auteur de ces méditations, qu'on a attribuées à saint Bernard et à Hugues de S. Victor, a commencé par déduire la dignité de l'homme de sa création à l'image de Dieu. — GRÉG. NAZ., *Disc.* 34, c. 6 (P. G. 36, 245). AUGUSTIN, *In psalm.* 94, p. 2 : « Duo justi, alter sit in Oriente, alter in Occidente, secum sunt, quia in Deo sunt » (P. L. 37, 245).

ПОЛЬЗУЕТСЯ ЛИ ЕЩЕ ЦЕРКОВЬ ДОВЕРИЕМ НАШИХ СОВРЕМЕННОКОВ ?

Все Божественное домостроительство нашего спасения основано, в какой-то мере, на доверии. Евангелие и дела Христа – это весть и ответ на вопрошения людей, доверившихся Ему. Именно недостаток доверия вызвал одно из редких проявлений гнева Иисуса, о котором повествует Евангелие : ”О, род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?” (Мк 9, 19) .

В то же время, опыт современных пастырей очень часто сводится к следующему : они шли к людям от имени Церкви со всей щедростью своего сердца и с руками, полными благодати Христовой, но нашли они лишь редующие с каждым днем все больше ряды верных, а вне этих рядов – все возрастающее равнодушие и непонимание. Статистика свидетельствует о непрерывном уменьшении числа людей, еще связанных какими-то узами с Церковью. Объясняется ли такое положение лишь насилием и преследованиями, или же причины кроются внутри самой Церкви?

Доверие, о котором пойдет речь, отличается от доверия, оказываемого Богу или умершему и воскресшему Иисусу. Конечно, первое предполагает второе, но вопрос этот мы рассмотрим под иным углом зрения – речь пойдет о доверии к самой Церкви, к этой одновременно естественной и сверхъестественной реальности, которая и есть Церковь на земле.

Способность оказывать доверие – это одно из самых глубоких и сложных свойств человека – именно поэтому неудивительно, что всестороннее определение доверия вызывает затруднение. Остается лишь попытаться дать его описание, (этого качества), дабы лучше его внутренне осмыслить. В ”Сумме Теологии” (II^a II^{ae}, qu. 129, a. 6) Фома Аквинский приложил большие усилия, чтобы определить суть доверия, и все-таки надо признать, что вывод, к которому он пришел, оказался довольно неясным. По мнению св. Фомы, доверие представляет собой одну из основ христианской жизни. Это не столько

ясно усматриваемая добродетель, сколько необходимое условие добродетели. Доверие зиждется как бы на точке пересечения веры, надежды, силы духа и великодушия. Таким образом, совершенно ясно, что, трактуя о доверии, мы имеем в виду не поиск легковесных утешений или какое-то бегство от действительности, а одно из наиболее глубоких свойств, присущих живому человеку.

Иметь доверие – это иметь внутреннюю уверенность, черпаемую либо из сознания собственного достоинства, либо из сознания достоинств какой-либо реальности, важной для нашего существования и которой мы можем довериться.

Такое первое, приближенное, определение уже позволяет нам уточнить разделы, объем и пределы нашего исследования. В нем Церковь выступает как объективная реальность, с которой люди сталкиваются в своей повседневной жизни. Но, как мы уже указали, таким образом раскрывается лишь часть церковной действительности. Церковь представляет собой не только объективный комплекс институций, преданий, учений; она также живая реальность в сердцах людей, и кризис доверия, о котором идет здесь речь, затрагивает и этот аспект ее Тайны. Так что нам придется коснуться и этой, по сути самостоятельной, темы, которую можно сформулировать следующим образом: Оказывает ли еще христианин доверие Божьему Царству, которое он несет в себе? Теперь мы рассмотрим вопрос о доверии к Церкви с двух точек зрения: субъекта, оказывающего доверие (человека и христианина нашего времени), и реальности, которой он оказывает доверие (Церковь нашего времени).

I. Способны ли мы еще к доверию ?

Настоящий кризис объясняется отчасти неспособностью нашего современника оказывать доверие чему бы то ни было, а в особенности такой реальности, как Церковь. Нам надлежит попытаться раскрыть причины этого недостатка – ибо только его устранение позволит нам вернуть людям доверие к Церкви.

Опыт эпохи, порождающей отчаяние

Доверие всегда предполагает личное отношение к объективной реальности, в которой черпаются силы и поддержка. Доверие – это расцвет человека, постигающего духовные ценности. Попадая в упорядоченный, организованный общественный мир, человек сохраняет, тем не менее, свою личность. Но если он, по недостатку внутренней жизни, не в состоянии относиться с доверием к ценностям окружающего мира, тогда сами эти ценности могут действовать

на него угнетающе. Между тем, так оно часто и бывает у наших современников, страдающих ущербностью самой личности. Как никогда в прошлом, человеку представляется, что он по рукам и ногам связан законами всемогущей судьбы. Даже верные словно растерялись; история, в которую они погружены, кажется им непонятной и угнетающей, она отрицает и разрушает все, что им дорого. Уже просто повседневный опыт современной жизни, предшествующий всякому размышлению, подавляет людей и зачастую приводит их в отчаяние.

Появление типа человека, более не способного быть христианином

Мы опишем здесь духовную атмосферу, порождающую все большее и большее отчуждение современного человека от тех ценностей, на которых могло бы и должно было строиться его доверие к Церкви. Чтобы лучше понять эту эволюцию, ее нужно представить в определенных исторических рамках, и тогда станет ясно, что обстановка, в которой мы живем, не может способствовать возникновению и развитию доверия. С тех пор как во времена позднего средневековья номинализм закрыл пути к метафизической мысли, а затем гуманизм сместил акцент на природу, мир, законы которого даны человеку в качестве правил поведения, стал представляться все более определенным, однообразным. Эта эволюция прошла через следующие этапы : отказ от сверхъестественного – от универсального (универсальных структур и ценностей) – от духа и, наконец, от самобытности человека во всем присущем ему своеобразии. В настоящее время наша духовная ситуация характеризуется решительным выбором природы в качестве исходной, основной реальности, источника всякой жизненной силы. Такая позиция выражается тремя словами – символами трех ключевых ценностей современной жизни : Жизнь – Существование – Действие.

Жизнь. – Современные исповедания веры в жизнь провозглашают право и долг каждого быть тем, что он есть. Единственный смысл жизни – индивидуальной или коллективной – состоит в реализации и развитии всех потенций жизни. Любая попытка проконтролировать, удержать, обуздать этот жизненный порыв отвергается; не принимаются во внимание ни догматы, ни указания самой истории. Таким образом, жизненная сила и эффективность – единственные источники ценностей.

Существование. – Это ключевое слово современной мысли выражает сознательную волю к самоутверждению жизни, к жизни целиком и полностью "для себя". Существование – это полное приятие

своей судьбы и только ее. Это решение предполагает стремление к абсолютной независимости существования при игнорировании всего, что лежит за пределами его порыва, его величия и слабости, подъемов и падений. Отрицается всякая возможность подлинного существования вне этого крайнего утверждения себя ради себя.

Действие. — Таким образом, действие, то есть проведенное в жизнь решение, становится единственным достойным выражением жизни. Причем речь идет не о любом, а лишь о насильственном действии, осуществляемом без лишних угрызений совести, с готовностью добиться своего хотя бы ценой смерти. Следовательно, намерение "действовать" связано с риском, который принимает на себя решившийся действовать человек, а также с высвобождением в нем самых низменных жизненных сил. Таким образом, действие и жажда действия современного человека проистекают не из неукоснительного и требовательного чувства долга, не из стремления к служению и к подлинной эффективности этого служения, а из высвобождения иррациональных сил.

Эти главные идеи современного мышления проявляются также в выборе определенного жизненного начала, в общем отношении к духовным ценностям и в свойствах сложившегося ныне типа человека.

Жизненное начало

Это природа в указанном выше смысле. Это означает не только высвобождение скрытых жизненных сил, но также и подчиненность человека природе. В самом деле, природа — это сила и мощь, но также и бесформенная стихия, жаждущая от хозяина-человека своего оформления и завершения. Иначе говоря, возвести природу в ранг высшего норматива значило бы построить человеческое существование на основе иррациональных сил, допустить, чтобы законы низшей природы определяли меру человека.

Отношение к духовным ценностям

Возведение природы в ранг высшей ценности приводит к тому, что такие духовные ценности как культура, внутренняя жизнь и т.п. подчиняются утилитарным целям и на сцену выступает все более крайний натурализм. Любая попытка постигнуть внутренние реальности или подняться над миром чувственных представлений рассматривается как потеря времени или как угроза для тех, кто исполнен решимости отдаться "действию". В их глазах религия не может быть ничем иным, как опасной попыткой бегства от действительности.

Тип человека

В такой духовной атмосфере человек поставлен перед следующей альтернативой : либо сдаться без боя, смириться перед силами природы и коллективными движениями, порожденными натуралистическими концепциями жизни, считая себя лишь объектом, которым кто-то распоряжается, – одним из многих объектов, составляющих вместе бесформенную массу.

Либо попытаться сознательно участвовать в движении и принять один из образов, которые ему предлагают современные идеологии, – в духе героизма или трагического идеализма. Такой "героизм", основанный на экзистенциальном идеализме и фаустовой вере, притязает, благодаря своей решимости действовать, на то, чтобы выдержать, преодолеть и победить все темные стороны этих концепций жизни. (Имеется в виду национал-социализм. – Прим. ред.) На деле этот псевдогероизм – всего лишь обманчивая идеализация инстинкта, рано или поздно приводящая к разочарованию, так что прежние поклонники героизма присоединяются, в конце концов, к массе смирившихся людей. Трагический идеализм, который подчеркивает пределы и противоречия существования, сам по себе более благороден, но если довести его идеи до логического конца, обнаруживается, что он не может предложить людям ничего, кроме нигилизма, который несет в себе.

И без дальнейшего уточнения названных выше позиций ясно, что для разделяющих их людей христианские ценности не могут не казаться ложными ценностями, представляющими угрозу для их концепции жизни. Эти люди не могут оказать христианским ценностям никакого доверия, и напрасно было бы пытаться привести их к мирному противостоянию с христианством. Искренняя встреча между христианами и людьми, исповедующими ту или иную подобную идеологию, станет возможной только тогда, когда подобного рода идеологии обнаружат все плоды смерти, которые они заключают в себе, либо если доверие, оказываемое этим идеологиям, будет подорвано общением с христианами, способными проявлять большее величие духа и благородство даже в самых трудных условиях.

Появление типа человека, неспособного на доверие

Человек, которого Церковь в настоящее время встречает на своем пути, это не только человек, невосприимчивый к христианским ценностям. Довольно часто это и человек, потерявший всякую способность к сколько-нибудь устойчивой и достойной внутренней жизни. Мы уже говорили о том, что современная жизнь лишает

человека сил и надежды перед лицом исторических событий, но такой результат объясняется лишь предшествующим длительным процессом разложения человеческих сил.

Первый и самый тревожный, уже свершившийся этап этого процесса состоит в разрушении веры человека в самого себя, в свои качества, в свои естественные способности. Взять хотя бы все споры о достоверности человеческого познания (Кант и идеализм) и о действенности воли в нравственной жизни человека. Эти споры на первых порах тревожили лишь узкий круг образованных людей, но затрагиваемые ими вопросы выходили за пределы теоретических размышлений и вскоре стали сказываться и на повседневной жизни. Они вызвали в человеке сомнение относительно его способности познать истину и погрузили его в атмосферу тревожного недоверия по отношению к самому себе. Даже после отказа от христианского образа жизни и обосновывающей его христианской метафизики человек еще сохранил некоторое естественное доверие к реальности, которая именно тогда была окончательно поколеблена.

В этом абсолютно замкнутом мире нет больше у человека ни вечных путеводных звезд, ни божественного света, озаряющего его дорогу. Человек погружается в разрушающую душу тоску и теряет всякую надежду.

Такая эволюция закономерно порождает человека без надежды и личных убеждений, пытающегося восполнить внутреннюю опустошенность громкими словами и горделивыми поступками. Желая подавить тоску и замаскировать свою экзистенциальную скуку, он прибегает к коллективным восторгам и предается всем видам насилия. И такой человек потерян для благой вести.

II. Умеет ли еще Церковь внушать доверие ?

Люди, о которых шла речь, не могут непосредственно вступить в мир христианских ценностей. Величие духа и внутренняя сила – вот то единственное, что они, быть может, еще в состоянии воспринять. Таким образом, мы вернулись к положению, в котором находились первые миссионеры, вступавшие в контакт с германскими народами. Христиане живут не среди абстракций, а в самой гуще именно того мира, который мы попытаемся охарактеризовать. В какой-то мере они разделяют его воззрения. И только в свете этих воззрений можно понять основные тенденции, которые мы обнаруживаем в современной Церкви, ибо эти тенденции, в сущности, не что иное, как христианские аналогии идей и взглядов, господствующих в современном мире.

Отвечая на вопрос о том, как Церковь сумеет вновь обрести доверие людей нашего времени, необходимо учитывать двойственный характер церковной реальности, о чем мы уже упоминали выше : Церковь – это и внутреннее Царство, проявляющееся в образе жизни христиан, и Институтция, проводящая внешнюю деятельность и определенным образом организованная. Мы коснемся и того, и другого аспекта.

Слабость христианского сознания

Мы люди своего времени и разделяем его тяготы. Это тем более тревожно, что обычно наблюдается следующая закономерность : в любую эпоху Христос и Церковь обретают значение и ценность лишь в той мере, в какой христиане способны своей собственной духовной силой утвердиться в жизни этого мира и изменить его.

Если наши жизни не излучают с большей силой подлинность христианства, то это только потому, что мы недостаточно христиане. Вместо того, чтобы, осознав всесильную благодать, которая нас одухотворяет, стремиться к поиску и освоению всего истинного, мы слишком часто становимся жалкими, робкими существами, озабоченными прежде всего тем, чтобы быть чистыми перед Богом и людьми. Христианское сознание, ранее столь сильное своей определенностью и полнотой, ныне растворилось во мнительном морализме, озабоченном лишь личным спасением, в благоразумно-трусливом традиционализме, враждебном всякому новшеству, и в консерватизме, закрытом для исторического прогресса, легко замыкающемся в духовном "гетто", которое, в свою очередь, стихийно превращается затем в "гетто" социологическое.

В наши дни христиане слишком редко проявляют творческую оригинальность. Они слепо следуют за чужими высказываниями и то отвечают на них, пускаясь в бесплодные споры и легковесную апологетику, то тащатся в хвосте светских увлечений, внося в свою христианскую жизнь все зигзаги современной мысли. Стоит только напомнить о некоторых основных тенденциях современного мышления, как мы сразу обнаружим их христианские аналогии.

Иррационализм. — Как мы уже отмечали, современная мысль утверждает примат жизненного начала над рациональным. Между тем, все фидеистические и антиинтеллектуалистические тенденции, которые сегодня обнаруживаются в Церкви, редко представляют собой результат углубления в Христианскую Тайну, это скорее плоды узкого фидеизма, низводящего Тайну до мифа.

Коллективизм. — Современный человек — это, как правило, человек, уставший от жизни. Он избегает личной ответственности.

своей свободы, растворяясь в дисциплинированной толпе. А ведь некоторые наблюдатели вне Церкви отметили, что христиане склонны на свой лад искать убежища в коллективизме. Об этом свидетельствуют, по их мнению, некоторые тенденции в развитии литургического движения и дух "гетто", который они усматривают в христианских группах, замыкающихся в своем узком кругу. Сразу скажем, что, упоминая об этом, мы вовсе не желаем, каким то ни было образом, осудить достойные восхищения и необходимые усилия, направленные не то, чтобы наша литургия стала живее, чтобы она действительно выражала внутреннюю жизнь общины, центром которой является Христос. Но именно значительность цели требует от нас внимания и бдительности, чтобы это прекрасное движение не стало поводом для ухода от ответственности и, следовательно, не выродилось.

Пессимизм. — Отметив в современной мысли следы тоскливого пессимизма, мы должны признать, что и в Церкви наблюдается в настоящее время своеобразный пессимизм, или догматический нигилизм. Ныне так настаивают на ничтожности творения, что может показаться, будто и католики, подобно протестантам, чуть ли не верят в то, что первородный грех нас в корне растлил и что искупление нас спасает, но не преображает. Тут необходимо выявить до самых глубинных пластов христианского пиетета влияние некоего диалектического богословия, которое, несмотря на свою серьезность и свои заслуги, в самых существенных пунктах расходится с католической верой. В этой обстановке пессимизма человек теряет вкус к ответственности; и даже в Церкви ему кажется, что выполнять распоряжение сверху важнее, чем добровольно принять на себя решение действовать. Опасаются сильных людей, чрезмерно превозносят такие качества, как осторожность и осмотрительность, и, в конце концов, сводят сущность религии к соблюдению ее буквы и к дотошному исполнению получаемых указаний. Именно поэтому наши христиане постоянно требуют от Церкви указаний и подробных инструкций (гораздо больше, чем нужно), и теряются, если Церковь в силу каких-то обстоятельств не оправдывает их ожиданий. В наше время, когда христиане становятся все более изолированными, такая незрелость и отсутствие личного мнения могут иметь серьезные последствия.

И не предаемся ли мы порой некой "мистике поражения"? В каждой неудаче нам мнится неизбежность. Живя исключительно в обстановке Страстной Пятницы, мы забыли, что после нее последовали Господне Воскресение, Вознесение и Пятидесятница. Послушав некоторых христиан, можно подумать, что время Церкви прошло и она должна раствориться в некоем "катакомбном христианстве", которое было бы на деле смутной и неопределенной формой христианской жизни.

Мы попытались беспристрастно проанализировать некоторые недостатки сегодняшних христиан и установить, что мешает пробуждению у нехристиан или у теплохладных христиан подлинного доверия к Церкви. С той же беспристрастностью мы намерены говорить и о других препятствиях, мешающих Церкви завоевать доверие современного человека, — препятствиях, которые воздвигает она сама. Для этой цели рассмотрим Церковь как обладательницу истины, предводительницу и освяительницу верных. Мы воспользуемся этими классическими определениями трех видов церковной власти — учительской, пастырской и священнической, — чтобы ничего не упустить при определении основной миссии Церкви, но примем их в более широком смысле. Нам придется выявить недостатки, но, поверьте, не ради критики как таковой, а потому что наше стремление сохранить чистоту и юность лика Церкви требует от нас постоянной беспристрастности и трезвости. Речь идет о жизненности Церкви, об ее способности быть услышанной нашими современниками для их же спасения. На весах сила Церкви — не та, что придает ей могущество или почести, а та, что отражает Божью славу. Это слава Супруги Божьей, которая должна излучать такое сияние, чтобы люди безбожного времени могли почувствовать живущее в ней величие Бога.

Церковь — обладательница истины

Учительский долг Церкви состоит в том, чтобы сохранять и провозглашать Весть во всей чистоте, целостности и единстве. Это не означает, что надо быть прикованным к прошлому, ибо по-настоящему "традиция" существует лишь тогда, когда передаваемая Весть действительно и доподлинно воплощается в настоящем. Ведь живая традиция — это не однообразное повторение общих формул, имеющих непреходящую ценность, а исходящий из прошлого поток жизни и правды, который пронизывает и одушевляет настоящее. Люди вправе получать ясные указания касательно своих житейских проблем от тех, чей авторитет освящен Богом и кто имеет право звать к их совести. В затруднительных ситуациях они вправе ожидать большего, чем смутные напоминания об общих принципах, пересыпанные там и тут туманными намеками на настоящее. А ныне некоторые чисто-сердечные люди недоумевают, почему же Церковь, которая обращает такое пристальное внимание, например, на одяние верующих во время воскресного богослужения, как будто гораздо меньше заботится об их житейских тяготах и мучениях.

Надобно, наконец, признать, что мы отделены от наших современников языком наших проповедей, наших книг, наших посланий.

В своих исследованиях мы хотим показать, что христианская мысль всегда воспринимала язык данной эпохи. В доказательство мы приводим пример святого Павла, который меняет свой слог и лексикон в зависимости от аудитории. Но вот странный парадокс – в своей собственной проповеди мы часто пытаемся возноситься ”над временем”. А это значит, что мы не даем конкретного ответа людям, а они ведь живут во времени, и им наши речи непонятны. Разве не слишком часто в потоке догматических бюллетеней, которыми Секретариаты наших движений обильно снабжают их членов, единственная ссылка на злобу дня представлена лишь датой разрешения на выпуск? Так же и наша проблематика слишком часто связана с ситуациями внутри Церкви, а не со злободневными вопросами миссионерского диалога с людьми нашего времени.

Существование во времени – одна из основных черт жизни человеческой, а, следовательно, и жизни Церкви. Всякий раз, когда эволюция Церкви отрывалась от общего развития истории, Церковь от этого неизменно страдала. Прогресс в области догматики достигается только в рамках общего развития человечества.

На Тридентском Вселенском Соборе мы защищали от нападок протестантов человеческую природу и ее возможности. В философском плане мы вели тот же бой против Канта и кантианства. Этим теоретическим установкам должен был бы соответствовать в нашей повседневной жизни трезвый и отважный оптимизм. А ведь в действительности мы слишком часто разделяем это недоверие некоторых христианских богословов по отношению к творческим силам человека. Мы замыкаемся в себе, пребывая лишь у себя и среди своих. Например, до сих пор существует очень мало богословских работ, где исследовалась бы такая важная тема, как движение мысли в Германии девятнадцатого века. Именно недооценка больших течений мысли и культуры и есть в значительной мере причина нашей растерянности и смятения перед идеологической эволюцией современного мира. Идеи, которые торжествуют ныне, медленно и непрерывно созревали в германском мире уже в течение нескольких веков, но мы этого и не подозревали. Кроме того, наша критика новых идей слишком часто остается негативной – это относится прежде всего к подходу католиков-интеллектуалов. В силу своего учительского долга Церкви надлежит указывать пределы истины, а христианским мыслителям и ученым – давать ответы на вопросы, которые могут привести людей к поиску истины вне этих пределов.

В то же время кому сейчас под силу дать новую трактовку современного положения на основе живого знания христианской традиции в целом? Отсутствие или безмолвие тех, кто мог бы осуществить этот творческий труд, нас особенно тревожит. При отсутствии настоящих

теологов ремесленники христианской мысли дают лишь куцые ответы на важнейшие вопросы современности. Христианская мысль – непочатый край (1). Не следует забывать, в частности, о том, что Церковь побеждает ересь не осуждением, а спасением и осуществлением той доли правды, которая всегда или почти всегда содержится в ереси.

Мужество – вот чего нам чаще всего не хватает. Мужество, причем не мужество, черпаемое в силе или в неповрежденной жизнеспособности, а мужество, исходящее от Святого Духа и от осознания даруемой нам благодати. Мы боязливы и ищем спасения в бегстве. Мы обращаем взоры на христианскую древность или на другие периоды, как будто мы всегда должны находить в прошлом ответы на вопросы сегодняшнего дня, или как будто Церковь не облечена Миссией до скончания веков и не имеет для каждой эпохи обещаний Господних. Постоянное возрождение прошлых движений или эпох – признак скорее слабости, чем проявления жизни. Тот же страх перед жизнью и ответственностью выражается и в нашем замыкании в “чистой духовности”, как будто существенное для жизни человека не существенно также и для религии.

Церковь предводительница верных

Задача Церкви на всех ступенях ее иерархии – с трезвостью и прозорливостью вести христианский народ. Но каждая эпоха влияет на характер выполнения этой пастырской деятельности. От не столь отдаленного исторического прошлого, например, мы сохранили представление, согласно которому основные качества правления Церкви – гибкость и осторожность, как будто нет таких периодов, когда чрезмерная осторожность неуместна и, наоборот, настоятельно необходима твердость (2).

1. Углубление богословских изысканий, к которому призывал о. Дельп, отчасти было осуществлено со времени написания этих строк. При вновь обретенной свободе появились значительные богословские труды, которые пользуются в современной Германии глубоким вниманием мирян, воспитанных молодежными движениями и обновлением литургии.

2. Безусловно, эти и Последующие строки не следует истолковывать как общее и безоговорочное осуждение немецкого духовенства и епископата. О. Дельп знал по опыту, что на всех ступенях имеются стойкие люди. В самом Мюнхене ярким доказательством тому служила для него деятельность кардинала Фаульгабера, чьи трезвость и мужество были примером, на который он любил ссылаться. Равно как в своей борьбе в защиту свобод он опирался на пастырские послания архиепископа Мюнстерского фон Галена. Таким образом, настоящее предостережение скорее всего относится к искушению, которому может быть подвержена любая Церковь, пользующаяся определенной устойчивостью и материальной обеспеченностью. Кстати, в 1943 году религиозные преследования

В настоящее время правление Церкви постоянно подвергается критике. Разве Церковь не способна отныне промолвить : "Ты должен"? Разве она забыла десять заповедей, или, может быть, она не осмеливается их провозгласить со всей строгостью и ясностью, ибо она убеждена в тщетности таких усилий? Разве Церковь более не способна гневаться, как Иоанн Креститель? Разве она забыла о защите человека, которому надлежит стать христианином? Таковы вопросы, которые ставят сегодня многие христиане и нехристиане – напоминание о них еще не означает, что мы разделяем такую точку зрения, однако сам факт их существования должен заставить нас призадуматься над ними – не ради критики, но ради полноты Славы Божьей.

Все те недостатки в поведении и в образе жизни христиан, о которых мы говорили, в еще большей степени свойственны священнослужителям. Почему так редко встречаются в их рядах стойкие люди? Почему духовное лицо постоянно отождествляется с типом вялого слабовольного человека, знающего лишь правила и обычаи своей организации, – и это в то время как человечество без оглядки бросается в беспрецедентные политические и духовные авантюры.

В долг священникам вменяется серьезный поиск мотивов и причин этого кризиса доверия по отношению к Церкви – кризиса, который больше уже нельзя отрицать и который нас часто ранит и сковывает. Возможно, мы не в состоянии собственными силами преодолеть наши внутренние противоречия, но, во всяком случае, уж если мы не решаемся открыто выражать свою точку зрения перед старшими по званию, боясь оказаться у них на плохом счету, не следует, по крайней мере, терять благоразумия и чувства пастырской ответственности и выносить горечь критики за пределы Церкви. Свободная дискуссия и свободное выявление мнений должны быть возможными между различными инстанциями внутри самой Церкви. Не следует забывать, что мы, пастыри, своим несовершенным обликом и поведением можем оттолкнуть от видимой Церкви многих искренних людей. Так что стоит ли удивляться, если эти люди не хотят обращаться к тем, кто оставляет их без помощи в нищете или приносит им лишь легковесное утешение?

Мы стали миссионерским краем. Пора нам полностью осознать, что мир, в котором мы живем, и структуры, определяющие наше существование, более не христианские. Нам надлежит сделать из этого

и повторные нарушения Конкордата вышли уже за рамки такой ситуации. О. Дельп по-братски призывает к мужеству и смелости тех, кто по робости или по другим понятным причинам мог поддаться искушению и, увидев несправедливость, промолчать, чтобы не ставить под угрозу законно и с трудом приобретенные льготы.

соответствующие выводы относительно характера нашей апостольской деятельности. От нас ждут подлинно миссионерского духа, то есть стремления повсюду искать доступ к сердцам людей, с тем чтобы привлечь их к нашему Господу. Безропотно занимая оборонительную позицию, мы отказываемся от чего-то весьма существенного в христианстве. Исправить же положение можно не соглашательством и компромиссами, а подлинным миссионерством. Увы, сейчас нас целиком поглощает забота о том, чтобы сохранить нестойких верных, и мало кто еще думает о систематических усилиях по обращению нехристиан.

Попытаюсь теперь подытожить требования современной ситуации с помощью двух формул, — пускай спорных, но, по моему убеждению, выражающих очевидную истину.

Во-первых : ”Нужно крестить и внебрачных детей”. Наша задача состоит не в том, чтобы оглядываться назад и ждать, пока произойдет нечто, способное восстановить первоначальную чистоту, а в том, чтобы подойти к современному человеку, хотя в нем многие отчаялись, и извлечь для него наибольшую пользу из всех возможных ситуаций.

Во-вторых : ”Крестить можно только того, кто обладает подлинным человеческим достоинством”. Как правило, только истинно человеческое существование позволяет вести нормальную христианскую жизнь. К чему все наши протесты и хлопоты в защиту специфических христианских или церковных интересов, если на глазах у всех человек до сих пор еще пребывает под гнетом? Если он низведен до уровня, который больше не позволяет ему жить по-христиански и осуществлять на практике христианские идеалы?

Церковь – о святительница

В наши дни священство слишком часто бывает сковано верностью структурам прошлого : в его пастырской деятельности ему не хватает свободы и гибкости. Желательно, например, чтобы приняли всерьез речение, согласно которому таинства предназначены для человека. Да, таинства существуют ради человека, а не ради тех, кто их совершает, и еще менее ради внешних признаков почтения, которые лица, совершающие таинства, получали в определенные эпохи.

Кроме евангелизации и духовной поддержки людей, сегодняшние священники обязаны прилагать все усилия для создания подлинно христианских общин. Их долг также способствовать — пусть даже в ущерб количеству верных — формированию зрелых христиан внутри этих общин. Под словами ”зрелые христиане” мы подразумеваем людей, которые в состоянии осуществить истинный синтез христианства, культуры и социального служения.

Выводы и предложения

”Чтобы они имели жизнь”. Необходимо вернуть этим словам Господним всю их значимость. Христианин должен снова стать зрелым, действенным и твердым человеком, на которого можно опираться. Он должен быть ”вселенским” человеком, а не членом своей маленькой общины. Верно и то, о чем мы уже неоднократно говорили : в конце концов, лишь христианин – настоящий человек. Но так же верно и то, что там, где умирает человек, умирает и христианство. А это ныне значит для нас, что борьба за свободу человека, за его духовное развитие, бой за человеческую цивилизацию – не только возможные цели христианской деятельности, но и важнейшая часть обязанностей, причем не одних лишь христиан, но также и церковной иерархии. В наше время Церковь может напомнить о себе людям, лишь мужественно выступая в защиту находящегося под угрозой достоинства человека. Это дает Церкви редчайшую возможность, но молю Господа, чтобы она воспользовалась этой возможностью не ради каких-то тактических выгод, а ради своего священного долга защищать в человеке поставленный под угрозу Образ Божий.

Церковь в глазах современных людей имеет ценность не в силу своей двухтысячелетней истории и славных страниц своего прошлого, а прежде всего в силу искупительной Воли Божьей. Она идет к людям именно потому, что осознала Волю Господа все и вся собрать в себе. По этой причине долг христианина – искать ближних, чтобы привести их к Богу. Не только спасение и надежность человеческого существования должны привлекать наше внимание, но прежде всего Честь и Слава Господня. И тому, кто ищет Славу и Честь Господа, приложится все остальное. Но для того, чтобы мы могли стать глашатаями Бога в современном мире, необходимо, чтобы в нас ярко и мощно вспыхнуло пламя подлинного идеала христианских рыцарей. Насколько это можно предугадать и насколько это зависит от человека, я верю, что Бог вновь обретет свое место в нашем народе, когда некоторые христиане личной силой духа и добродетелью сумеют привлечь людей к Богу, пребывающему в них.

Итак, это исследование о кризисе доверия к Церкви показывает, что дело не в структурах Церкви, а ее людях. Для того, чтобы наши современники вновь обрели доверие к Церкви, прежде всего необходимо пробуждать повсюду подлинный христианский дух и формировать настоящих христиан, на которых наши современники смогут опереться и которым они смогут доверять. Дух всегда живет в Церкви, но нам иной раз бывает нелегко утвердиться в нем. Церковная иерархия находится под защитой Духа святого и направляется Им,

но администрация и ее члены ”очиновлены”. А если посмотреть на всех этих ”обрядоверцев”, как они уверены в себе! Конечно, никакая критика не должна больно ранить; следует уважать искренние высказывания, даже если они свидетельствуют о малой посвященности, но все-таки не следует забывать обо всем памятном, и до сих пор еще существующем ложном консерватизме. Не думайте, что он от Духа Божьего, нет, это — консерватизм от лени, косности, отращения к усилиям, от тяготения к теплохладности, короче говоря, от сытости и довольства, более всего препятствующих свидетельствованию о Святом Духе.

Святой Дух, веющий повсюду, восстановит все. Но разве мы не могли бы многого избежать : рокового исчезновения истинного христианского общества, удаления и раскола одних и недоверия других... Мы могли бы избежать всего этого, если бы в нас было больше жизни и меньше косности. Живое богословие, духовные люди, действенное, нерассуждающее милосердие — все это есть и будет! Да позволит нам Бог вновь обрести смысл истинной молитвы, встретить людей, вдохновленных Духом Святым. Да освободится, наконец, пребывающая в нас Божья Сила от нашего малодушия, которое ее подавляет и сковывает, чтобы мы могли вновь стать Божьими людьми и подлинными свидетелями Его спасения.

Эта последняя страница, где выражена та же требовательная верность и та же ревностная любовь к Церкви, была добавлена о. Дельпом год спустя, уже в заключении, когда Посреди страданий его Продолжала преследовать мысль о Церкви, не понятой и отвергаемой столькими людьми.

Alfred DELP, s. j., *L'Église a-t-elle encore la confiance des hommes d'aujourd'hui ?* in *"Honneur et liberté du chrétien"*, témoignage présenté par le Père Michel Rondet. Éditions de l'Orante, Paris, 1958.

REDEMPTOR HOMINIS

ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ

(ЭНЦИКЛИКА)

ИСКУПИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА

Его Святейшества Папы Иоанна-Павла II
Верховного Понтифика

К братьям епископам, к священникам, к монашеским собратствам,
ко всем дочерям и сынам Церкви, ко всем людям доброй воли
в начале Его первосвященнического служения

Досточтимые братья и возлюбленные о Господе сыны,
приветствую и благословляю вас апостольским
благословением!

НАСЛЕДИЕ

1. На исходе второго тысячелетия

Искупитель человека, Иисус Христос, есть центр космоса и истории. К нему обращаются моя мысль и мое сердце в этот торжественный час, который переживает ныне Церковь и вся великая человеческая семья наших дней. И, действительно, время, когда Господь по тайному Своему замыслу доверил мне после возлюбленного Предшественника моего Иоанна-Павла I, вселенское служение на кафедре Святого Петра в Риме, уже очень близко к 2000 году. Не легко сказать сейчас, что покажет эта веха на часах истории человечества и чем она станет для отдельных народов, стран и континентов, хотя уже теперь мы пытаемся кое-что предвидеть. Для Церкви, для народа Божия, который распространился, хотя и неравномерно, вплоть до самых дальних краев земли, этот год будет годом великого юбилея. Мы приближаемся уже к той дате, которая — хотя мы и не отрицаем возможности поправок, связанных с хронологическими уточнениями, — особым образом обновит в нашей памяти сознание ключевой истины веры, выраженной Апостолом Иоанном в начале его Евангелия : "Слово стало плотью и обитало с нами" (Ин 1, 14), и в другом месте : "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Ин 3, 16) .

Так же и мы, в каком-то смысле, переживаем время нового Пришествия, время ожидания. "Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил

нам в Сыне (...)” (Евр 1, 1-2), в Сыне-Слове, ставшем человеком и родившемся от Девы. В этом искупительном акте история человека, по замыслу Божией любви, достигла своей вершины. Бог вошел в историю человечества, и как Человек стал просто одним из миллиардов и в то же время Единственным ! Через Воплощение Бог даровал человеческой жизни ту глубину и полноту, которую и хотел дать ей, творя человека, и сделал это раз и навсегда – так, как мог сделать только Он, с Его вечной любовью и милосердием, с той божественной свободой и щедростью, которая при мысли о первородном грехе и вообще всей истории грехов человечества, заблуждений ума, воли и сердца человеческого побуждает нас с изумлением повторять слова : ”О счастливая вина, заслужившая нам столь весильного Искупителя!” (1).

2. Первые слова нового Понтификата

Ко Христу Искупителю вознеслись мои мысли и чувства 16 октября прошлого года, когда после канонического избрания ко мне был обращен вопрос : ”Принимаешь ли?”. Я ответил : ”Повинуясь в вере Христу, моему Господу, вверяя себя Матери Христа и Церкви, зная о великих трудностях, – принимаю”. Этот ответ я повторяю сегодня открыто, чтобы было ясно всем, что служение, ставшее моею особой обязанностью с принятием избрания на должность епископа города Рима и наместника Апостола Петра, связано с первой и основоположной истиной – истиной воплощения.

Продолжение дела Иоанна XXIII и Павла VI

Я принял также имена, которые были выбраны моим возлюбленным Предшественником Иоанном-Павлом I. Уже 26 августа 1978 года, когда он сообщил Священной Коллегии о желании назвать себя Иоанном-Павлом, – а принятие двойного имени не имело еще прецедента в истории – я увидел как бы обетование благодати на пути нового понтификата. Так как этот понтификат продолжался лишь 33 дня, мне надлежит не только продолжить его, но и известным образом вернуться к его началу. Вот почему я и выбрал двойное имя. Приняв это имя по примеру моего возлюбленного Предшественника, я хочу тем самым, как и он, выразить свою любовь к единственному в своем роде наследию, оставленному Церкви Папами Иоанном XXIII и Павлом VI, и вместе с тем мою личную готовность продолжать их дело с Божьей помощью.

Эти два имени и эти два понтификата связывают меня со всей традицией Апостольского Престола, со всеми моими Предшественниками двадцатого и предыдущих столетий; все теснее соединяют меня через все века с той миссией и тем служением, которые отводят Престолу Петра исключительное место в Церкви. Деятельность Иоанна XXIII и Павла VI является тем началом, от которого я хочу отправиться непосредственно, как бы от порога, стремясь вместе с Иоанном-Павлом I следовать в направлении будущего и отдавая себя с безграничным доверием и покорностью водительству Духа, Которого Христос обещал и послал Своей Церкви. Ведь Он говорил Апостолам накануне Своих страданий : ”Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам” (Ин 16,7). ”Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне. А также и вы будете свидетельствовать, потому что вы с начала со Мною” (Ин 15, 26-27). ”Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину, ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам” (Ин 16, 13).

3. Доверие Духу Истины и Любви

Полностью доверившись Духу истины, я вхожу во владение богатым наследством предыдущих понтификатов. Их наследие крепко вкоренено в сознание Церкви совершенно новым, прежде неведомым образом, благодаря Второму Ватиканскому собору, созванному и открытому Иоанном XXIII и затем счастливо завершено Павлом VI, последовательно проводившим решения собора в жизнь. Я мог близко наблюдать деятельность Павла VI, и меня всегда поражали его глубокая мудрость и смелость, равно как и стойкость и терпение в трудный период после окончания собора. Кормчий Церкви – ладья Петровой, он умел сохранять мудрое спокойствие и равновесие даже в самые критические моменты, когда казалось, что она поколебалась изнутри. Он неизменно сохранял несокрушимую веру в ее сплоченность. И то, что Дух говорил Церкви в наше время через Собор, и то, что через эту Церковь Он говорит ”всем Церквам”, не может – несмотря на временные затруднения – служить ничему иному, кроме как более зрелой сплоченности всего народа Божия, сознающего свою миссию спасения.

Павел VI – его понимание Церкви и его любовь к ней

И это нынешнее самосознание Церкви стало главной темой для первой, основной Энциклики Павла VI, начинающейся словами

”Экклезиам Суам” (Церковь Свою). Разрешите мне сослаться прежде всего именно на эту Энциклику и как бы продолжить ее в этом первом, вступительном документе нового понтификата. Все углубляющееся самосознание Церкви, просвещаемой и укрепляемой Духом Святым, осознание ею своей божественной тайны, своего посланничества к людям и всех своих человеческих слабостей есть и должно быть первым источником ее любви, как и сама любовь, в свою очередь, должна способствовать углублению и укреплению этого самосознания. Павел VI оставил свидетельство о своем исключительно остром церковном сознании. В течение всего своего, часто очень бурного, понтификата он учил нас неустранимой любви к Церкви, которая – как говорил Собор – есть таинство, то есть одновременно знак и средство глубочайшего единения с Богом и единства всего человеческого рода” (“Догматическое постановление о Церкви” (2)).

4. Связь с первой Энцикликой Павла VI

Именно поэтому самосознание Церкви должно быть в гармонии со всесторонней открытостью, чтобы все могли найти в ней ”неисследимое богатство Христово” (Еф 3, 8), о котором говорит Апостол язычников. Эта открытость, органически соединенная с сознанием собственной природы, с твердой убежденностью в своей истине, о которой Христос сказал : ”Слово, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца” (Ин 14, 24), определяет апостольскую, то есть миссионерскую, поистине живую силу Церкви. И именно благодаря этой живой силе Церковь может исповедовать и провозглашать нерушимую истину, переданную Христом. Церковь во всей полноте ведет диалог, который Павел VI, тщательно раличавший отдельные круги, в которых он должен проводиться (3), в Энциклике ”Экклезиам Суам” назвал ”диалогом о спасении”. Опираясь сегодня на эту программную энциклику понтификата Павла VI, я неустанно благодарю Господа за то, что мой великий Предшественник и вместе с тем истинный отец, несмотря на различные внутренние церковные нестроения в период после Собора, сумел показать ”ад экстра” (вовне) ее подлинный лик.

Критика в Церкви

Так что, как мне кажется, весь род людской в различных областях его многообразного существования все в большей степени осознает подлинную необходимость Церкви Христовой, ее миссии и ее служения. Это сознание оказывалось иной раз более сильным, чем

различные критические выступления людей "ад интра", нападавших изнутри Церкви на ее учреждения и структуру, на служителей Церкви и их деятельность. Эта все возрастающая критика имела, конечно, разнообразные причины и нередко, мы уверены, исходила из подлинной любви к Церкви. Несомненно, в ней выразилось, помимо всего прочего, желание преодолеть так называемый "триумфализм", о котором не раз шла речь на Соборе. Вполне справедливо, чтобы Церковь по примеру своего Учителя, Который был "смирен сердцем" (Мф 11, 29), руководилась смирением, чтобы она критически относилась ко всему тому, что касается ее человеческого аспекта и ее человеческой деятельности, и была требовательной к себе самой. Однако и критика Церкви должна иметь разумные пределы, иначе она перестает быть конструктивной и не может выявлять ни истины, ни любви, ни благодарности за ту благодать, которая даруется нам во всей полноте прежде всего в Церкви и посредством Церкви. Кроме того, дух критики выражает не столько стремление послужить Церкви, сколько желание управлять мнениями других, принимая в расчет только собственное мнение, порой утверждаемое слишком опрометчиво, неразумно.

Нужно быть благодарными Павлу VI, ибо, уважая каждую крупницу истины, содержащуюся в любом человеческом мнении, он сохранял в то же время мудрое равновесие кормчего Ладьи (4). Церковь, которая была доверена Иоанну-Павлу I и почти сразу же после него мне, конечно, не свободна от внутренних трудностей и напряженности. Но в то же время она стала внутренне более стойкой по отношению к крайностям критики; можно сказать, что она стала более осмотрительна по отношению к тем, кто ее опрометчиво и необдуманно критикует. Ныне Церковь более устойчива в отношении разных "новшеств"; она стала более зрелой; она более проникнута благодатью различия добра от зла, лучше сознает свою тайну и свою исключительную миссию в мире и, следовательно, более готова к свободной самоотдаче делу спасения всех людей, ибо, как говорит совершенное и непреходящее слово : "Бог хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (1 Тим 2, 4).

5. Соборность и апостольство

Церковь сегодня, вопреки видимости, объединена общностью служения и сознанием апостольства. Это единство проистекает из принципа коллегиальности, о котором напомнил Второй Ватиканский Собор и который Сам Христос утвердил среди Двенадцати Апостолов, возглавленных Петром. Этот принцип постоянно обновляется во все более умножающейся по всей земле коллегии епископов, собранной

вокруг наместника св. Петра и им руководимой. Собор не только напомнил об этом принципе коллегиальности епископата, но чрезвычайно его оживил, рекомендовав, помимо всего прочего, создание постоянного учреждения, что и было сделано Павлом VI, создавшим Синод Епископов. Деятельность этого Синода не только углубила смысл его понтификата, но ярко проявилась и в первые же дни понтификата Иоанна-Павла I, а также его смиренного наследника.

Синод Епископов

Принцип коллегиальности оказался особенно актуальным в трудный послесоборный период, когда общая и единодушная позиция епископской коллегии, именно через Синод Епископов выявлявшей свою сплоченность вокруг Наследника Апостола Петра, помогла рассеять сомнения, одновременно указав пути обновления Вселенской Церкви, во всей ее полноте. Синод же весьма содействовал и существенно возрождению евангелизации, что нашло свое выражение в Апостольском наставлении "Евангелии Нунцианди" (5), с такой радостью принятом в качестве программы обновления — как апостольского, так и пастырского. В этом же направлении развивалась работа очередной сессии Синода Епископов, состоявшейся примерно за год до кончины Папы Павла VI и посвященной, как известно, делу катехизации. Плоды этих работ еще требуют систематизации и более точного определения со стороны Святейшего Престола.

Поместные Синоды

и общая ответственность священников и мирян

Поскольку речь идет о несомненном развитии разных форм, выражающих коллегиальность епископата, надо упомянуть работу во всей Церкви национальных епископских конференций, а также других коллегиальных структур международного или континентального характера. Следует подчеркнуть активность различных местных синодов, обновляющих вековую традицию Церкви. Такова и была цель Синода, последовательно проводившаяся в жизнь Павлом VI, — дабы структуры этого типа, веками испытанные в Церкви, а также иные формы коллегиального сотрудничества епископов, как, например, митрополия, не говоря уже о каждой отдельной епархии, действовали в полном сознании своего тождества и, одновременно своей самобытности в универсальном единстве Церкви. Такое же сотрудничество и совместная ответственность распространились и среди рядового священства, о чем свидетельствует возникновение после Собора многочисленных священнических советов. Этот же дух сообщился и мирянам, не только утверждая старые формы апостолата мирян, но и порождая но-

вые, часто иного профиля и исключительного динамизма. Кроме того, миряне, сознавая свою ответственность за Церковь, охотно сотрудничали в епархиальных синодах и пастырских советах приходов и епархий с пастырями и представителями различных монашеских объединений.

В начале моего понтификата мне необходимо постоянно помнить обо всем этом, чтобы возблагодарить Бога, подбодрить моих братьев и сестер, а также, с чувством живой благодарности, напомнить о трудах Второго Ватиканского Собора и о моих великих предшественниках, зачинателях нового подъема церковной жизни, оказавшегося сильнее всех сомнений, кризисов и признаков упадка.

6. Путь к единству христиан

А что сказать обо всех начинаниях, возникших из новой экуменической ориентации ? Незабвенный Папа Иоанн XXIII с евангельской ясностью поставил вопрос об единстве христиан как естественном следствии воли Самого Учителя нашего Иисуса Христа, выраженной неоднократно, а особенно в молитве на Тайной Вечере, накануне Его смерти : "Молю,.. Отче, да будут все едино". Второй Ватиканский Собор выразил эту волю в "Постановлении об экуменизме". Папа Павел VI, при помощи Секретариата по единству христиан, сделал первые, самые трудные шаги на пути реализации этого единства. Достаточно ли мы продвинулись в этом направлении ? Не входя сейчас в подробности, смело можем сказать, что мы достигли настоящего и существенного прогресса, что мы работали настойчиво и последовательно, и вместе с нами по этому пути шли также представители других Церквей и других христианских общин, за что мы им искренне признательны. Несомненно также и то, что на данном этапе истории христианства и всего мира мы не видим другой возможности выполнения вселенской миссии Церкви в деле экуменизма, кроме честных, упорных, смиренных и в то же время отважных поисков путей к сближению и единству, по примеру, прежде всего, Папы Павла VI. Поэтому мы должны искать это единство, не отступая перед трудностями, подстерегающими нас на этом пути; иначе мы не будем верны словам Христа, не выполним Его завета. Можно ли нам отважиться на это ? Есть люди, которые, сталкиваясь с затруднениями, начинают отрицательно относиться к первым результатам экуменической деятельности и хотят вернуться к старому. Некоторые выражают даже мнение, будто бы экуменизм вредит делу Евангелия, ведет к новому расколу в Церкви, вызывает путаницу в понятиях, связанных с вопросами веры и морали, и ведет к определенному религиозному индифферентизму. Может быть, и хорошо, что выразители подобных мнений высказыва-

ют свои опасения, однако и здесь необходимо придерживаться известных пределов. Очевидно, что этот новый этап в жизни Церкви требует от всех сознательного, глубокого и ответственного отношения к вере. Подлинная экуменическая деятельность означает открытость, сближение, готовность к диалогу, общие поиски правды во всей полноте евангельско-христианского духа; но такая деятельность не означает и никоим образом не может означать нанесения ущерба сокровищам божественной истины, постоянно исповедуемой и проповедуемой Церковью, — или отказа от этих сокровищ. Всем тем, кто хотел бы по каким-либо мотивам отвлечь Церковь от поисков универсального единства христиан, необходимо повторить еще раз : имеем ли мы право не делать этого ? Можем ли мы, несмотря на все наши человеческие слабости и несовершенства, накопившиеся за прошедшие века, не надеяться на благодать нашего Господа, ту благодать, которая недавно проявилась через Слово Духа Святого, услышанное нами на Втором Ватиканском Соборе. Это значило бы — отвергать ту истину о самих себе, которую так хорошо высказал Апостол : ”Благодатию Божиею есмь то, что есмь, и благодать Его во Мне не была тщетна” (1 Кор 15.10).

Сближение с представителями нехристианских религий

То же самое, но в иной форме и степени надлежит применять к деятельности, имеющей целью сближение с представителями других религий, нехристианских, — к деятельности, которая выражается в диалогах, встречах, общей молитве, в поисках сокровищ человеческой духовности, которых — как мы знаем — не лишены также и принадлежащие к этим религиям. А разве непоколебимость веры у последователей этих религий — которые также являются плодом Духа Истины, действующего и за видимыми пределами мистического Тела Христова, — не может не устыдить христиан, столь часто расположенных сомневаться в истине, открытой Богом и провозглашаемой Церковью, столь склонных к ослаблению моральных принципов, столь часто готовых открыть путь этической ”вседозволенности” ? Несомненно, похвальна готовность понять каждого человека, проанализировать любую систему взглядов, отдать должное того заслуживающему, но это вовсе не означает ни потери собственной убежденности (6), ни подрыва основ морали, отсутствие коих быстро сказывается в жизни целых общественных образований и приводит к самым плачевным последствиям.

ТАЙНА ИСКУПЛЕНИЯ

7. В тайне Христовой

Пути, на которые Собор нашего столетия направил Церковь и на которые указал в своей первой Энциклике оплакиваемый нами Папа Павел VI, надолго останутся именно теми путями, по которым нам всем придется еще долго идти; но на этом новом этапе, естественно задать вопрос : Как? Каким образом нам действовать в дальнейшем? Как действовать, чтобы новое Ожидание пришествия Христова, связанное с приближающимся концом второго тысячелетия, приблизило всю Церковь к Тому, о Ком Священное Писание говорит : "Умножению Владычества Его нет предела" (Ис 9, 6) . Это и есть тот важнейший вопрос, который должен задать себе новый Папа, когда в духе послушания вере он отвечает на многократный призыв Христов, обращенный к Петру : "Паси агнцев Моих" (Ин 21, 15), что значит : будь пастырем Моего стада; и еще : "... и ты, некогда обратившись, утверди братьев твоих" (Лк 22, 32) . И на этот вопрос, возлюбленные братья, сыны и дочери, есть только один единственный ответ – Христос, искупитель человека, искупитель мира, единственное направление для нашего духа, единственное указание для ума, воли и сердца. К Нему обращаем мы наши взоры, повторяя исповедание Петра : "Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни" (Ин 6, 68) – ибо только в Нем, Сыне Божиим, наше спасение. Посредством самосознания Церкви, сознания, оживленного Собором и проявляющегося на всех уровнях и во всех тех областях деятельности Церкви, в которых она находит, выражает и утверждает себя, мы должны постоянно стремиться к Тому, "Кто есть Глава", к Тому, "из Которого все , и мы для Него", к Тому, Который есть "путь и

истина” и ”воскресение и жизнь”, ”видя Которого, мы видим также и Отца”, Сын Которого должен был пойти от нас — через смерть на Кресте и затем Вознесение на Небо — дабы к нам пришел и постоянно приходил Утешитель — как Дух Истины. В нем сокрыты ”все сокровища премудрости и ведения”, и Церковь есть Его Тело. Церковь есть ”во Христе некое таинство, или знамение и возможность глубочайшего единения с Богом и единства всего человеческого рода” (7) — и источником этого есть Он! Он Сам! Испупитель!

Приблизить ко всем тайну Христа

Церковь не перестает вслушиваться в Его слова, всякий раз прочитывает их заново, открывает с величайшим благоговением каждую подробность Его жизни. Словам этим внемлют не только христиане. Жизнь Христа питает также и тех многих людей, которые еще не в состоянии повторить вместе с Петром: ”Ты — Христос, Сын Бога Живаго!” Он — Сын Бога живого — говорит с людьми также и как Человек : говорит самой Своею жизнью, Своею человечностью, Своей верностью истине, Своею любовью, обнимающей всех. Он также говорит и Своей Крестной смертью, непостижимой глубиной Своего страдания и Своей оставленностью. Церковь не перестает проникаться Его Крестной смертью и Воскресением из мертвых — и это составляет суть каждодневной жизни Церкви. По установлению Самого Христа — своего Учителя — Церковь непрерывно совершает Евхаристию, находя в ней ”источник жизни и святости”, действенный знак благодати и примирения с Богом, залог вечной жизни. Церковь живет Его тайной, черпает из нее без усталы и ищет пути, чтобы приблизить тайну своего Учителя и Господа к человечеству : народам, нациям, чередующимся поколениям, каждому человеку — как бы повторяя вслед за Апостолом : ”Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого” (1 Кор 2, 2). Церковь остается погруженной в тайну Испупления, основное начало ее жизни и миссии.

8. Испупление : обновление творения

Тварь, покорившаяся суете

Испупитель мира! В Нем каким-то новым и превосходным образом раскрылась основная истина о сотворении мира, истина, о которой Книга Бытия свидетельствует, повторяя несколько раз : ”И увидел Бог, что это хорошо” (Быт 1, 10) и сл.). Источник добра —

мудрость и любовь. В Иисусе Христе видимый мир, сотворенный Богом для человека, мир, который из-за греха, внедрившегося в него, был "покорен суете" (Рим 8, 20) (8), вновь обрел первоначальную связь с божественным источником мудрости и любви. Ибо "так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного" (Ин 3, 16). И как в человеке-Адаме эта связь была прервана, так в Человеке-Христе она восстановлена. И нас, людей двадцатого столетия, могут ли не трогать слова Апостола язычников, произнесенные с такой захватывающей убедительностью, — о "твари, (которая) стенает и мучается донныне" (Рим 8, 22) и "с надеждою ожидает откровения сынов Божиих" (Рим 8, 19), — о "твари, покорившейся суете"? И уже сам по себе стремительный, неведомый донныне и выявившийся особенно в наше столетие прогресс во всем, касающемся подчинения человеком мира, не раскрывает ли в степени, никогда ранее не достигавшейся, этого порабощения всякого рода "суетой". Достаточно вспомнить хотя бы о таких явлениях : загрязнение окружающей среды в местах сплошной индустриализации, постоянно вспыхивающие и повторяющиеся вооруженные конфликты, перспектива самоуничтожения посредством атомного, водородного, нейтронного и иного оружия, пренебрежение к младенцам, еще находящимся в материнском чреве. И ныне, в новую эпоху космических полетов, в эпоху доселе неведомых научно-технических достижений, не есть ли наш мир в то же время мир, который "стенает в муках рождения" и "с надеждою ожидает откровения сынов Божиих"?

До самого "сердца" человеческого

Второй Ватиканский Собор, тщательно рассматривая "современный мир", достиг самого важного в земном мире — то есть человека; Собор, идя по стопам Христа, спустился в самую глубину человеческих помышлений, коснулся той внутренней тайны человека, которая на библейском, да и не только на библейском языке обозначается словом "сердце". Христос, Искупитель мира, и есть Тот, Кто проник — единственным и неповторимым образом — в тайну человека, вошел в его "сердце". И справедливо говорит Второй Ватиканский Собор : "Поистине именно тайна воплотившегося Слова проясняет тайну человека. Ибо Адам, первый человек, был образом грядущего, то есть Христа Господа. Христос, Новый Адам, в откровении тайны Отца и Его любви, в полноте являет человека самому человеку и показывает ему его наивысшее призвание". И еще : "Он есть "Образ Бога невидимого" (Кол 1, 15), есть совершенный Человек, Который восстановил сынам Адама подобие Божие, искаженное первым грехом. Человеческое естество, воспринятое Христом, не растворилось

в Нем; оно поэтому и в нас приобрело наивысшее достоинство. Ибо, воплотившись, Сам Сын Божий соединился неким образом с каждым человеком. Он трудился Своими человеческими руками, мыслил Своим человеческим разумом, действовал Своей человеческой волею, любил Своим человеческим сердцем. Рожденный Девой Марией, Он поистине стал одним из нас, уподобился нам во всем, кроме греха” (9). Он есть Искупитель мира!

9. Божественный смысл тайны Искупления

Снова размышляя над глубокими текстами Соборных постановлений, мы не забываем ни на минуту, что Иисус Христос, Сын Бога Живого, стал нашим примирением с Отцом. Именно Он, и только Он, ответил вечной любви Отца, тому Божьему отцовству, которое от века выразилось в сотворении мира, в даровании человеку всех богатств творения, в том, что ”человека лишь немного умалил перед Ангелами”, сотворил его ” по образу и подобию Божию”; и Христос ответил во всей полноте тому отцовству Бога и той любви, которую человек отверг, нарушив первый Завет и преступая последующие, которые Господь неоднократно заключал с людьми. Искупление мира — эта потрясающая тайна любви, в которой как бы заново повторяется тайна творения (10), — в глубочайших своих истоках есть полнота правды, заключенной в одном человеческом сердце — Сердце Сына Единородного, чтобы эта правда могла стать правдою для многих людей, которые именно в Перворожденном Сыне предназначены от века стать сынами Божьими, призванными к благодати и любви. Распятый на Голгофском Кресте Иисус Христос — Человек, сын Девы Марии, глаголемый сын Иосифа из Назарета — ”изшел” из мира; и этот крест есть новое проявление вечного Отцовства Бога, Который во Христе снова приблизился к человечеству, ко всякому человеку, каждого одаряя трисвятым ”Духом истины”.

Бог есть любовь

В этом откровении Отца, в этом излиянии Духа Святого, которые налагают неизгладимую печать на тайну Искупления, обнаруживается смысл страстей и смерти Иисуса Христа. Бог творения открывается как Бог искупления, как Бог, верный Самому Себе, верный Своей любви к человеку и миру, любви открывшейся уже в первый день творения. И любовь Его не отступает ни перед чем из того, что в Нем Самом требует правда Его. И потому Сына Своего не пощадил, ”сделал для нас жертвою за грех” (2 Кор 5, 21). Если ”сделал жертвою

за грех” совершенно безгрешного, то для того именно, чтобы проявить любовь, которая всегда больше всего сотворенного и которая есть Он Сам, ибо ”Бог есть Любовь” (1 Ин 4, 8). И прежде всего любовь преодолевает грех слабости, ”суету”; любовь сильнее смерти, и всегда готова поднимать, прощать, всегда готова выйти навстречу блудному сыну, всегда ищет ”откровения сынов Божиих”, которые призваны к будущей славе. Такое откровение любви именуется также милосердием (Св. Фома Аквинский), это откровение любви и милосердия имеет в истории человечества одно лицо и одно имя – Иисус Христос.

10. Человеческий смысл тайны Искупления

Человеческая жизнь невозможна без любви. Человек остается сам для себя существом непонятным, а жизнь его – лишенной смысла, если он не получит откровения любви, если он не приобщится к ней, не постигнет ее, не усвоит ее себе, так или иначе, если не начнет по-настоящему воплощать ее в жизнь. И потому именно Христос-Искупитель – как уже было сказано – полностью раскрывает человека самому человеку. Это и есть – если можно так выразиться – человеческая сторона тайны Искупления. Человек благодаря этой стороне тайны Искупления обретает величие, достоинство и ценность своего человечества. Человек в таинстве Искупления оказывается заново ”утвержденным” и как бы заново сотворенным. Сотворенным заново! ”Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе” (Гал 3, 28). Человек, который хочет понять себя до конца, – не только исходя из непосредственных, частичных, чисто поверхностных и кажущихся данных и критериев собственного существа, – должен, со всеми своими тревогами и сомнениями, своей слабостью и греховностью, своей жизнью и смертью, приблизиться ко Христу. Он должен, так сказать, войти в Него всем своим существом, должен как бы ”присвоить” себе, ассимилировать всю реальность Воплощения и Искупления – чтобы обрести самого себя. Когда в человеке завершается этот глубокий процесс, плод его – не только почитание Бога, но и глубочайшее удивление перед самим собою. Какую ценность должен иметь человек в глазах Творца, если он заслужил право иметь столь великого Искупителя, если ”Бог дал Сына Своего”, чтобы он, человек, ”не погиб, но имел жизнь вечную”.

Права гражданства Христа в истории человечества

И действительно, это глубокое изумление относительно ценности и достоинства человека обозначается самим словом Евангелие, что

значит Благая Весть. Это изумление и есть христианство. Такое изумление является основой посланничества Церкви в мире, вообще в мире, и, быть может, особенно в "современном мире". Оно, это изумление, есть вместе с тем убежденность и та непоколебимость, глубочайший корень которой и есть вера, оживляющая скрытым и таинственным образом всякое проявление подлинного человеколюбия (гуманизма). И непоколебимость эта исходит от Христа. Через это изумление мы постигаем значение Христа для истории человека и человечества, Его, так сказать, особые права гражданства в истории. Церковь, непрестанно созерцая всю полноту тайны Христа, знает, что Искупление, осуществившееся посредством креста, окончательно вернуло человеку его достоинство, вернуло человеческому существованию на земле смысл, который был в значительной степени утрачен из-за греха. И это знание непоколебимо, ибо оно укоренено в вере. Итак, Искупление совершилось в тайне Пасхи, ведущей через крест и смерть к Воскресению.

Основная задача Церкви во все времена, и особенно в наше время, — направлять взор человеческий, направлять сознание и опыт всего человечества к тайне Христа, помогать всем людям проникнуть в глубину Искупления, осуществляющегося во Христе Иисусе. Тем самым Церковь касается самых глубин человека, — человеческих сердец, помышлений, дел.

11. Тайна Христа в основе миссии Церкви и христианства

Второй Ватиканский Собор проделал огромную работу для формирования того полного и универсального сознания Церкви, о котором говорил Папа Павел VI в своей первой Энциклике. Это сознание, или, скорее, самосознание Церкви формируется также в "диалоге", в котором мы, прежде чем такой "диалог" превратится в разговор, должны обратить свое внимание на "другого", того, с кем мы хотим разговаривать. Вторым Ватиканским Собор весьма удачно и компетентно раскрыл перед нами карту мира, как бы составленного из разных религий. Тем самым Собор оказал существенное воздействие на формирование самосознания Церкви. Кроме того, он показал, как на мировые религии наслои́лся, неведомый прежде, но типичный для нашего времени феномен атеизма, во всех его разных формах, начиная с программированного, организованного и образующего политические системы.

Нехристианские религии

Что касается религии, речь идет прежде всего о религии как явлении универсальном, сопровождающем историю человека с самого

ее начала, затем о различных религиях нехристианских и, наконец, о самом христианстве. Документ, посвященный Собором нехристианским религиям, выражает, в частности, глубокое уважение к содержащимся в них духовным ценностям, а именно к примату духовного начала, к тому, что в жизни человечества проявляется через религию и затем, через нравственность, пронизывает всю культуру. Отцы Церкви справедливо видели в различных религиях как бы отражения единой истины, подобные "семенам Слова" (11); религии эти свидетельствуют о том, что в одном направлении, хотя и по разным путям, движутся чаяния человеческого духа, проявляющиеся в поисках Бога; вместе с тем, через стремление к Богу, эти чаяния проявляются и в попытках постичь всю глубинную суть человеческой природы, иначе говоря, весь смысл жизни человека на земле. Особенное внимание уделил Собор иудаизму, напомнив о важном духовном наследстве, общем достоянии христиан и иудеев. Он выразил также свое уважение всем исповедующим Ислам, вера которых восходит к Аврааму (12).

*Уже сегодня выявить христианское единство, борясь за
человеческое достоинство*

Благодаря трудам Второго Ватиканского Собора Церковь и все христиане могут еще полнее постичь тайну Христову. Это тайна, "сокрытая от веков" (Кол 1, 26) в Боге, для того чтобы обнаружиться во времени – в человеке Иисусе Христе – и чтобы постоянно обнаруживаться во все времена.

Во Христе и через Христа полнее всего явил Себя человечеству Бог, наиболее приблизил Себя к человеку, и, вместе с тем, во Христе и через Христа человек приобрел полное сознание своего достоинства, своего возвышения, трансцендентной ценности собственной природы, смысла своего существования.

Вот почему необходимо, чтобы все мы – последователи Христа – встретились и объединились вокруг Него Самого. Это единство в различных сферах жизни, традиции, структуры и дисциплины отдельных Церквей или церковных Общин недостижимо без основательной работы, направленной на взаимное познание и устранение препятствий на пути к совершенному единению. Однако мы в одном уже сейчас можем и должны достичь согласия и явить миру наше единство : в провозглашении тайны Христовой, в раскрытии божественного, но одновременно и человеческого смысла Искупления, в неустанной и постоянной борьбе за то достоинство, которого каждый человек достиг и достигает во Христе. Это достоинство есть достоинство благодати Божьего усыновления и вместе с тем глубинной человеческой природы,

столь высоко ценимой в общем сознании современного мира. Достоинство человеческой природы есть для нас нечто еще большее в свете той реальности, какой является Сам Иисус Христос.

Иисус Христос есть вечный принцип и постоянный центр той миссии, которую Сам Бог доверил человеку. В этой миссии должны участвовать все мы; необходимо сосредоточить на ней все наши силы, ибо она, более чем когда-либо, необходима человечеству нашего времени. И если эта миссия встречает в нашу эпоху препятствия, большие чем в какое-либо иное время, само это обстоятельство свидетельствует, что именно в нашу эпоху в ней больше всего нуждаются и, несмотря на сопротивление, ожидают ее с большим нетерпением, чем когда-либо. Здесь мы непосредственно касаемся той тайны божественного домостроительства, которое соединило спасение и благодать с Крестным страданием. Не напрасно Христос сказал, что "Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его" (Мф 11, 12). Он говорил также, что "сыны века сего догадливей сынов света" (Лк 16, 8). Охотно примем этот упрек, чтобы уподобиться "употребляющим усилие во имя Божие" – столько раз встречавшимся в истории Церкви, и которых мы видим сегодня – и сознательно объединиться для великой миссии, а именно : открывать миру Христа, помогать каждому человеку найти себя в Нем, помогать современному поколению наших братьев и сестер, народам, нациям, государствам, человечеству, развивающимся странам и странам изобилия, всем без исключения – познавать "неисследимое богатство Христово" (Еф 3, 8), ибо эта миссия предназначена для всех и является благом для каждого человека.

12. Миссия Церкви и свобода человека

В той общей миссионерской работе, на которую указывает, в сущности, Сам Христос, Церковь и все христиане должны найти то, что их объединяет – еще до того, как созреет их полное общение. Это – единство апостольское и миссионерское, миссионерское и апостольское. Благодаря этому единству мы сможем вместе приблизиться к богатому наследию человеческого духа, которое имеется во всех религиях, как о том говорится в Декларации Второго Ватиканского Собора "Ностра Этате" (13) ("Об отношении Церкви к нехристианским религиям"). Так же благодаря этому единству мы сближаемся со всеми культурами и мировоззрениями, со всеми людьми доброй воли. И приближаемся с почитанием, уважением и рассудительностью, которые со времен апостольских определяли и *миссионерский дух*, и *самих миссионеров*. Достаточно вспомнить святого Павла, вспомнить,

например, его выступление в афинском ареопаге. *Миссионерское* отношение исходит из чувства глубокого уважения к тому, "что в человеке" (Ин 2, 25), к тому, что он сам в глубине своего духа выработал в отношении самых глубоких и самых важных проблем; речь идет об уважении ко всему тому, что в нем создал Дух, Который "дышит, где хочет" (Ин 3, 8). Миссия никогда ничего не разрушает, она есть принятие существующих ценностей и строительство нового, даже если практика и не всегда соответствовала столь возвышенному идеалу; обращение же, коренящееся в посланничестве, есть, и мы это хорошо знаем, дело благодати, в которой человек полностью находит самого себя.

Религиозная свобода

Вот почему Церковь нашего времени придает огромное значение всему тому, что Второй Ватиканский Собор изложил в Декларации о религиозной свободе, как в первой, так и во второй частях этого документа. Мы глубоко чувствуем обязывающий характер Истины, открытой нам Богом. И мы испытываем какое-то особое чувство ответственности за эту Истину. Церковь, по установлению Христа, является хранительницей Истины; Церковь, будучи наставницей в Истине, наделена особой помощью Духа Святого, дающего ей силу верно охранять эту Божественную Истину, безошибочно ей научать. Осуществляя эту миссию, мы взираем на Самого Христа – первого Евангелизатора (14), а также на Его Апостолов, мучеников и исповедников. Декларация о религиозной свободе убедительно показывает, что Господь Иисус Христос, а затем и Его Апостолы, возвещая Истину, которая не есть человеческая, но Божия ("Мое учение не Мое, но Пославшего Меня" (Ин 7, 16)), то есть Отца, действовали со всей силой духа, и сохраняли вместе с тем глубокое уважение к человеку, к его разуму и воле, сознанию и свободе. Так что учение о великом достоинстве человеческой личности становится частью евангельской проповеди уже просто через уважение к человеческому достоинству, – уважение, не обязательно выражаемое на словах. Представляется, что подобное отношение соответствует многим нуждам нашего времени. Ибо учения о свободе, пропагандируемые разными идеологиями, как и отдельными людьми, не всегда соответствуют подлинной свободе человека. Поэтому Церковь, в силу своей божественной миссии, становится стражем той свободы, которая обеспечивает достоинство, присущее каждому человеку.

"Истина освободит вас"

Иисус Христос идет к людям каждой эпохи, в том числе и нашей, с одними и теми же словами : "Познаете истину, и истина сделает вас

свободными” (Ин 8, 32). В этих словах заключено следующее фундаментальное требование, и одновременно предостережение : требование честного отношения к истине как условия подлинной свободы; предостережение от видимости свободы, от всякой поверхностной и односторонней свободы, не проникающей в глубину истины о человеке и мире. Для нас Христос и сегодня, через две тысячи лет, Тот, Кто несет человеку свободу, основанную на истине, Тот, Кто освобождает человека от всего, что его свободу ограничивает, уменьшает, подрывает у самого корня, Кто освобождает от всего, что отрывает дух человека от свободы, делает несвободным его ум и сердце. Какое потрясающее подтверждение этому дали и не перестают давать те, кто благодаря Христу и во Христе обрели подлинную свободу и дали свидетельство о ней, даже в условиях неволи !

И когда Сам Христос узником предстал перед судилищем Пилата, и тот спросил Его, в чем обвиняют Его представители Синедриона, не ответил ли Он : ”Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине” (Ин 18, 37) ? Этими словами, произнесенными перед судьями в решающий момент, Он как бы подтвердил еще раз то, что уже было сказано раньше : ”Познаете истину, и истина сделает вас свободными” (Ин 8, 32). Разве на протяжении стольких столетий и при жизни стольких поколений, начиная со времен апостольских, не вставал Сам Иисус Христос рядом с людьми, судимыми за истину, разве не шел Он на смерть вместе с людьми, осужденными за истину ? Разве Он перестал быть постоянным ходатаем и заступником всякого человека, живущего ”в духе и истине” ? Никогда не переставая быть таковым перед Отцом, Он таковым остается и в истории человечества. И Церковь, в свою очередь, несмотря на все слабости, которые являются уделом ее человеческой истории, не перестает следовать за Тем, Который сказал : ”Настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине; ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух; и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине” (Ин 4, 23-24).

ИСКУПЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

И ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

13. Христос соединен с каждым человеком

Через опыт непрерывно возрастающей во все более убыстряющемся ритме человеческой семьи Церковь глубже проникает в тайну Христа; и Церковь все яснее понимает, что в центре всей той многообразной деятельности, которую Ей надлежит выполнять – в соответствии с мудрыми указаниями Павла VI (15) – находится единственный путь, по которому должна идти Церковь наших дней: путь, испытанный веками, и, вместе с тем, путь будущего. Этот путь указал Сам Господь Иисус Христос, когда, как говорит Собор, "Он, Сын Божий, через Свое воплощение, *соединился* неким образом *с каждым человеком*" (16). Церковь, следовательно, видит свою главную задачу в том, чтобы это соединение могло постоянно осуществляться и обновляться. Церковь жаждет служить одному – чтобы каждый человек мог найти Христа, чтобы Христос мог с каждым человеком пройти весь путь жизни силой той истины о человеке и о мире, которая заключена в тайне Воплощения и Искупления, силой той любви, которую она источает. В основании постоянно развивающихся процессов истории, которые особенно в наше время как будто приносят плоды в разных системах, мировоззрениях и режимах, Иисус Христос как бы снова оказывается с нами – несмотря на всю видимость Его отсутствия, несмотря на все ограничения институционального присутствия и деятельности Церкви. Иисус Христос присутствует среди нас силой той истины и любви, которые выразились в Нем с такой уникальной

и неповторимой полнотой, хотя земная Его жизнь была короткой, и еще короче была Его общественная деятельность.

Церковь и благо людей

Иисус Христос – основной путь Церкви. Он, и никто другой, есть наша дорога к "Дому Отца" (Ин 14, 2). И Церковь должна, невзирая ни на что, двигаться по этому пути, который ведет от Христа к человеку, пути, на котором Христос "соединяется с каждым человеком". Ибо это есть необходимое условие как земного, так и вечного блага человека. Церковь, чтущая Христа, Церковь, внутренняя жизнь которой основывается на той тайне, что Христос есть путь, истина и жизнь, не может оставаться безучастной ко всему, что служит истинному благу человека, не может оставаться равнодушной ко всему, что этому благу угрожает. Во многих документах Второго Ватиканского Собора отразилось глубочайшее стремление Церкви к тому, чтобы жизнь на земле во всех отношениях "более соответствовала бы высочайшему достоинству человека" (17), была бы "более человеческой" (18). И это – забота Самого Христа, Доброго Пастыря всех людей. Как известно, в Пастырской Конституции Второго Ватиканского Собора "О Церкви в современном мире" записано следующее: "Церковь, в силу присущего Ей долга и назначения", – и, прибавим, в силу Ее глубокой заботы о человеке, – "никоим образом не совпадает ни с каким-либо политическим обществом, ни с какой-либо политической системой. Ибо Она – знак и одновременно защитница человеческой личности, обладающей трансцендентным характером" (19).

Церковь и живой человек

Так что речь идет об истине, заключенной в человеке, обо всей полноте человеческого бытия. Не об "абстрактном человеке" говорим мы здесь, но о человеке живом, "конкретном", "историческом". Мы имеем в виду каждого человека, потому что каждый человек охвачен тайной Искупления, в которой Христос навеки соединен со всеми. Человек входит в мир через зачатие в материнском лоне и через рождение матерью. Именно поэтому каждый человек причастен к тайне Искупления, и на каждого человека распространяется забота Церкви. Эта забота полностью охватывает всего человека и совершенно особым образом сосредоточивается на его сущности. Основное внимание Церкви направлено на человека, ибо он обладает единственной и неповторимой природой, несмотря ни на что, сохраняющей "образ и подобие" Самого Бога. Именно на это указывает Второй Ватиканский Собор, когда, говоря об этом подобии, напоминает,

что "только человека, из всего сотворенного на земле, Бог восхотел ради его самого" (20). Человек, каким его "восхотел" и от вечности "избрал" Бог, человек, призванный и предназначенный к обожению и славе, это и есть "каждый" человек, самый "конкретный" и самый "реальный" человек. Через Иисуса Христа он стал причастным ко всей полноте тайны Искупления, той тайны, к которой с самого мгновения своего зачатия под материнским сердцем становится причастным каждый из четырех миллиардов человек, живущих на нашей планете.

14. Церковь на всех своих путях стремится к человеку

Церковь не должна предавать забвению человека, судьба которого — предназначение, призвание, рождение и смерть, спасение или гибель — столь тесными и неразрывными узами связана со Христом. Мы имеем в виду каждого живущего на этой планете, на той земле, которую Творец дал первому человеку, сказав мужу и жене: "наполняйте землю и обладайте ею" (Быт 1.28). Мы говорим о каждом человеке и обо всей единственности и неповторимости его бытия и деяний, его ума и воли, его сознания и сердца. Любой человек неповторим (ибо он есть "личность"). У каждого своя жизненная судьба и, прежде всего, собственный духовный путь. Соответственно духовной восприимчивости, а также и многообразным потребностям тела и земного существования каждый человек творит собственную судьбу, на которую влияют различные связи, контакты, ситуации, социальные структуры, объединяющие отдельного человека с другими людьми, — и это с первого мгновения своего существования на земле, с мгновения зачатия и рождения. Человек во всей истине своего существования, своего личного и вместе с тем общественного, социального бытия — среди родных, в обществе, на самых разных уровнях и в самом разном окружении, среди своей нации, своего народа (и, быть может, еще более среди своего клана или племени), в кругу всего человечества — такой человек и есть первый путь, по которому должна следовать Церковь во исполнение своей миссии; человек — вот первый и главный путь Церкви, путь, намеченный Самим Христом, путь, который неизменно проходит через тайну Воплощения и Искупления.

Человек посреди греха и добродетели

Этого именно человека, во всей истине его жизни, его сознания, в его постоянном тяготении к греху и вместе с тем в постоянном стремлении к истине, добру и красоте, к справедливости и любви, имел в виду Второй Ватиканский Собор, когда, характеризуя положение человека в современном мире, неоднократно переходил от внешних

деталей этого положения к внутренней истине человечества : ”Ибо в самом человеке противоборствуют различные силы. Будучи тварью, он, с одной стороны, ощущает себя неограниченным в своих стремлениях и призванным к высшей жизни. Прельщаемый многими вождельениями, он постоянно стремится к выбору между ними или же к отказу от них. Мало того, немощный и грешный, нередко он делает то, чего не хочет, а то, что хотел бы делать, не делает. Поэтому он страдает от разделения в себе самом, из чего возникают столь многие и столь большие нестроения обществе ” (21) .

Церковь должна вникать в конкретное положение человека

Такой человек и есть путь Церкви – путь, лежащий в основании всех путей, которыми должна следовать Церковь, ибо человек – каждый без исключения человек – искуплен Христом, потому что с каждым без исключения человеком так или иначе соединен Христос, хотя бы сам человек и не отдавал себе в этом отчета. ”Христос, умерший и воскресший за всех”, может дать человеку Духом Своим свет и силу, чтобы человек мог ответить своему наивысшему призванию” (22) .

Человек – вот путь Церкви, путь Ее жизни, Ее повседневной деятельности, Ее посланничества и Ее работы. Так что Церковь наших дней должна вновь и вновь вникать во все, что составляет ”обычную” жизнь человека. Церковь, следовательно, должна постоянно учитывать все те новые направления, которые раскрываются перед человеком. Но Церковь должна следить и за всем тем, что угрожает человеку. Она должна также вникать и во все то, что, как кажется, противоборствует естественным усилиям ”сделать жизнь человека более человеческой” (23) . Церковь должна внимательно наблюдать за всем этим и стремиться к тому, чтобы земная жизнь более соответствовала подлинному достоинству человека. Одним словом, Церковь должна вникать во все, что противостоит усилиям, направленным на улучшение жизни человека.

15. Чего боится современный человек

Будем же сохранять в памяти живым образ современного человека, начертанный столь точно и авторитетно Вторым Ватиканским Собором. Постараемся воплотить в жизнь все указания Собора относительно современного человека – воплотить с учетом как ”знамений нашего времени”, так и требований нынешней ситуации, не только постоянно меняющейся, но и развивающейся в разных направлениях.

Человек боится собственного дела

Создается впечатление, что современному человеку постоянно угрожает то, что он создает, то есть плоды его трудов и еще больше плоды его интеллекта, и его воли.

Плоды многообразной деятельности человека не только и не столько подвергаются "отчуждению", то есть оказываются отобранными у производителя, но часто очень быстро и непредвиденным образом, косвенно или прямо, обращаются против самого же человека. К этому приводят, по крайней мере частично, даже косвенные последствия человеческой деятельности. Кажется, что в этом и состоит взятая в ее самом обширном и универсальном измерении основная суть трагедии современного человеческого существования. В результате человека все больше охватывает страх. Он опасается, что плоды его труда могут коренным образом обернуться против него; конечно, не все, и даже не большая их часть, но некоторая, та именно, в которой отразились лучшие стороны его гения и его способности к творчеству. Он опасается, что дело его рук может превратиться в средство и орудие самоуничтожения, превосходящего всякое воображение, по сравнению с которым все известные в истории человечества катаклизмы и катастрофы покажутся ничтожными. Может возникнуть вопрос : как случилось, что мощные творческие способности, изначально данные человеку для обладания землею, обратились против него, вызывая понятное чувство тревоги, чувство осознанного или неосознанного страха, чувство по-разному проявляющейся угрозы, ныне ощущаемой всей человеческой семьей.

Угроза для естественной среды обитания человека

Угрозы человеку, исходящие от плодов его деятельности, многообразны и имеют разные степени интенсивности. Кажется, что мы все больше осознаем необходимость рационального и справедливого планирования эксплуатации земли, той планеты, на которой мы живем. В то же время эксплуатация земли в целях не только промышленных, но и военных, а также и не контролируемое и не организованное в мировом масштабе и противоречащее подлинному гуманизму развитие техники несут в себе угрозу для среды обитания. Все это отчуждает и отрывает человека от природы. Создается впечатление, что человек часто относится к природе, как потребитель, стремящийся немедленно использовать ее в своих чисто утилитарных целях. Наоборот, воля Творца состоит в том, чтобы человек стал умным и достойным "господином" и "хранителем" природы, а не ее безответственным "эксплуататором" и "разрушителем".

Совпадает ли материальный прогресс с моральным и духовным ?

Развитие техники и развитие современной цивилизации, отмеченное огромными техническими достижениями, требуют соответственного развития нравственной жизни и этики. К сожалению, развитие нравственной жизни и этики постоянно отстает. Безусловно, легко усмотреть в замечательном техническом прогрессе подлинные знаки человеческого величия. Уже книга "Бытия", начиная с описания сотворения мира, свидетельствует о начатках творческих способностей человека. И все же этот прогресс не может не причинять беспокойства. Это беспокойство возникает прежде всего по поводу самой существенной и фундаментальной проблемы : способствует ли прогресс, который ныне так сильно превозносят, тому, чтобы жизнь человека на земле стала во всех смыслах более "человечной", более достойной человека ? Нет никакого сомнения, что в некоторых аспектах это так. Вопрос, однако, настойчиво возвращает нас к самому существенному: становится ли человек как таковой – при таком прогрессе – действительно лучше, иными словами, становится ли он более зрелым духовно, более сознающим достоинство своей природы, более ответственным, более открытым по отношению к другим, особенно по отношению к обездоленным и слабым; становится ли он более способным к самоотдаче и помощи другим?

Этот вопрос должны задать христиане – именно потому, что Иисус Христос всех их наделил способностью проникаться заботами и нуждами других людей. Но этот же вопрос должны задать себе также и все люди, особенно те из них, кто по своему общественному положению принимает активное участие в деятельности, способствующей современному прогрессу. Рассматривая процесс нынешнего развития, участвуя в нем, не следует впадать в некую эйфорию и, тем более, в односторонний энтузиазм по поводу современных достижений; мы должны со всей искренностью, объективностью и глубоким чувством моральной ответственности поднимать существенные вопросы, касающиеся настоящего и будущего человечества. Соответствует ли моральный и духовный прогресс человечества современным, а также и планируемым в будущем техническим достижениям ? В этих условиях человек как таковой развивается и идет вперед или же регрессирует и деградирует ? Побеждает ли добро в людях "этого земного общества", которое само по себе есть мир добра и зла ? Возрастают ли по настоящему в людях и между людьми любовь ко всем без исключения членам общества, уважение прав других людей – любого человека, любого народа, любой нации ? Или же, напротив, умножается

разного рода эгоизм, крайний национализм, вместо подлинной любви к родине, стремление властвовать над другими, выходя за границы своих законных прав и заслуг, а также и стремление поставить весь материальный, технический и производственный прогресс исключительно на службу собственным целям — целям господства над другими во имя того или иного империализма ?

Озабоченность Церкви ходом прогресса

Вот те существенные вопросы, которые не могут не волновать Церковь, ибо эти вопросы так или иначе, в той или другой форме волнуют миллиарды людей, живущих в современном мире. Тема развития и прогресса — на устах у всех, на страницах всех существующих изданий и публикаций, о ней говорят на всех языках современного мира. Не забудем, однако, что эта тема слагается не только из положительных утверждений, дающих людям уверенность, но также из вызывающих тревогу и беспокойство вопросов, которые не менее важны, чем первые. Эти вопросы обуславливаются природой человеческой совести и еще более первостепенной необходимостью заботы человека о человеке, о собственной его природе, о будущем людей на земле. Церковь, воодушевленная верой в грядущее Царствие, рассматривает эту заботу о человеке, об его природе, о будущем всех людей на земле и, следовательно, заботу о ходе развития и прогресса как важнейший и необходимейший элемент своей миссии. Начаток этой заботы дан Церкви Самим Иисусом Христом, как и свидетельствует о том Евангелие. И поэтому Церковь как Тело Христово стремится постоянно развивать с помощью Самого Иисуса Христа эту свою заботу, вникая в свете важнейших знамений нашего времени в положение человека в современном мире.

16. Прогресс или угроза ?

Приоритет этики над техникой

Но если, следовательно, наше время, время нашего поколения, время приближающегося конца второго тысячелетия христианской эры раскрывается как время великого прогресса, то оно одновременно раскрывается и как время, несущее человечеству многочисленные угрозы. И Церковь должна говорить об этом всем людям доброй воли и постоянно развивать с ними диалог на эту тему. Создается впечатление, что жизнь человека в современном мире далека от объективных требований морали, равно как и от требований справедливости и в

еще большей степени любви ко всем членам общества. Именно такого рода требования и нашли свое выражение уже в первых словах Творца к человеку, когда Творец благословил его "обладать" землю (24) (Быт 1.28). Второй Ватиканский Собор в главах, посвященных учению о "царственности" человека, то есть о призвании человека к царскому служению Самого Христа (25), прекрасно выразил все непреходящее значение первых слов Творца к человеку, подтвержденное Тайной Христова Искупления. Человек получил от Творца "царственность" и "господство", чтобы обладать видимым миром. Основной смысл этого сводится к приоритету этики над техникой, к примату личности над вещью, к преобладанию духа над материей.

Не "иметь" но "быть"

Именно поэтому, рассматривая все фазы современного прогресса, необходимо сделать как бы рентгеновский снимок его отдельных этапов. Дело касается развития личности, а не накопления вещей, которые служат людям. Ибо, как сказал один современный философ и подтвердил Собор, лучше "больше быть", нежели "больше иметь" (26). Действительно, уже существует реальная и осязаемая опасность: стремительное возрастание власти человека над миром вещей сопряжено с риском, что это господство станет неуправляемым, а сам человек разнообразными способами будет поработан этим миром и станет объектом — пусть не всегда ясно ощущаемых — манипуляций со стороны всей организации общественной жизни, системы производства, средств массовой коммуникации, постоянно оказывающих на него давление. Человек не должен отречься от самого себя, от своего места в этом мире; он не должен быть рабом вещей, рабом экономических систем производства, рабом того, что он сам произвел. Всякая цивилизация, принявшая чисто материалистическое направление, обрекает человека на такое рабство, даже если первоначальные принципы и намерения ее зачинателей были иными. Безусловно, именно эта проблема лежит в основе заботы наших современников о человеке как таковом. Суть не в том, чтобы дать абстрактный ответ на вопрос : что есть человек ? но в том, чтобы жизнь и цивилизация соответствовали ответу на этот вопрос, то есть в раскрытии смысла того, что наполняет нашу обыденную жизнь, а также и того, что является предпосылкой для многих культурных, политических, экономических, социальных, государственных и других программ.

Наше время и притча о богаче и о бедном Лазаре

Если мы осмеливаемся определить положение человека в современном мире как далекое от объективных требований морали, справедливости и, в еще большей степени, любви ко всем членам общества, то лишь потому, что об этом свидетельствуют всем известные факты, которые уже неоднократно находили отклик на страницах папских, соборных и синодальных документов (27). Безусловно, положение человека нашего времени характеризуется большим разнообразием, которое проявляется по-разному. Конечно, эти различия связаны с определенными историческими причинами, но, как бы то ни было, они получают сильный резонанс этического характера. Ведь всем хорошо известно, что суть потребительской цивилизации состоит в избытке благ, получаемых как отдельным человеком, так и целым обществом, тогда как другие общества – по крайней мере их обширные слои – страдают от голода, и каждый день множество людей умирает от истощения и недоедания. Одновременно при этом некоторые явно злоупотребляют свободой (это связано именно с не контролируемым с нравственной точки зрения потребительским отношением к жизни) и в результате ограничивают свободу других, то есть тех, кто страдает от разных лишений, кто находится в условиях крайней нужды и нищеты.

Эти всем известные факты явного неравенства были отмечены в понтификальных документах Пап нашего столетия, а в самое последнее время – в понтификальных документах Иоанна XXIII и Павла VI. Эти факты представляют собой как бы гигантское развертывание притчи о богаче и о бедном Лазаре. И все это заставляет задуматься над смыслом структур и механизмов финансовой, денежно-валютной, производственной и торговой сфер, которые, благодаря политической поддержке, управляют мировой экономикой. Эти структуры и механизмы оказались не в состоянии устранить социальную несправедливость, унаследованную от прошлого. Они также не в состоянии удовлетворить нравственные требования современности и дать ответ на вызов тех, кто призывает к их устранению. Подчиняя человека напряжению, им же самим создаваемому, расточая в ускоренном темпе материальные и энергетические ресурсы, разрушая среду обитания, эти структуры способствуют непрерывному расширению зон нищеты и возникновению связанных с ней чувств горечи, обиды и ощущения своей беспомощности (29).

Перед нами драма, которая никого не может оставить равнодушным. Главным действующим лицом этой драмы всегда остается человек, независимо от того, получает ли он максимальную выгоду или терпит убыток и ущерб. Драма эта усугубляется тем, что бедные слои

населения соседствуют с привилегированными, а малоразвитые страны — с высокоразвитыми, которые чрезмерно умножают свои богатства, что часто становится — именно из-за чрезмерности этих богатств — причиной многих социальных волнений и беспорядков. К этому прибавляются лихорадка инфляции и бедствия безработицы, которые также являются симптомами морального беспорядка, характерного для современного мира. Этот моральный беспорядок требует принятия мужественных и творческих решений, отвечающих подлинному достоинству человека (30).

Необходимость изменений в структуре экономической жизни

Подобная задача вполне осуществима. Принцип солидарности, взятый в самом широком смысле, должен вдохновлять всех на эффективные поиски соответствующих институций и механизмов; речь идет не только об обмене, при котором следует руководствоваться законами здорового соревнования, но также и о плане более широкого и более непосредственного перераспределения богатств и контроля над ними, чтобы народы экономически слаборазвитых стран могли не только удовлетворять свои первостепенные нужды, но и развиваться постепенно и эффективно.

Только истинное обращение ума, воли и сердца даст возможность продвинуться по этому трудному пути, имеющему целью необходимые преобразования структур экономической жизни. Эта задача требует решительного участия свободных и солидарных людей и народов. Слишком часто смешивают свободу с инстинктом индивидуального или коллективного интереса или с инстинктом борьбы и господства, независимо от придаваемой такому инстинкту идеологической окраски. Очевидно, что подобные инстинкты существуют и действуют; но нельзя осуществить подлинно человеческую экономику, если эти инстинкты не будут подчинены и верно ориентированы более глубинными силами, скрытыми в человеке, теми силами, которые определяют настоящую культуру каждого народа. Именно благодаря этим источникам должно родиться усилие, в котором выразится истинная свобода человека и которое будет способно обеспечить эту свободу и в экономической области. Экономическое развитие, со всеми присущими ему особенностями функционирования, постоянно должно планироваться и осуществляться с учетом всеобщего и совместного развития отдельных людей и народов, как об этом с большой силой напомнил наш предшественник Павел VI в энциклике "Прогресс народов". Без этого сама категория "экономического прогресса" становится самодовлеющей категорией высшего порядка, подчиняющей целое человеческого существования своим частичным требованиям;

она душит человека, вносит в общество разделение и, в конечном счете, сама погрязает в собственных противоречиях и крайностях.

День Страшного Суда

О том, что подобная задача осуществима, объективно свидетельствуют многие факты и достижения, которые трудно здесь перечислить в подробностях. Но ясно одно : в самом начале этого гигантского предприятия следует осознать необходимость той моральной ответственности, которую каждый человек должен принять на себя, нести и углублять. Прежде всего — человек. Для нас, христиан, весь смысл такой ответственности становится совершенно очевидным, когда мы вспоминаем — что необходимо делать постоянно — картину Страшного Суда, нарисованную Христом в Евангелии от Матфея (25 31-46).

Продажа оружия молодым государствам

Стараясь постичь смысл человеческой истории, всегда необходимо помнить об этой эсхатологической картине, которая должна быть "мерой" всех человеческих действий, как бы основой испытания совести каждого и всех : "Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть...; был наг и не одели Меня...; болен и в темнице, и не посетили Меня" (Мф 25 42-43). Эти слова приобретут еще большую силу предостережения, если мы вспомним о том, что новым, пробуждающимся к самостоятельной жизни государствам и нациям вместо хлеба и культурной помощи дают, и часто в изобилии, современное оружие, средства уничтожения, позволяющие этим молодым государствам и нациям участвовать в вооруженных конфликтах и войнах, которые служат не защитой их законных прав и суверенитета, а представляют собой скорее форму проявления шовинизма, империализма, неокOLONиализма в самых разных видах. Все мы хорошо знаем, что зоны нищеты и голода, существующие на нашей планете, могли бы быть "удобрены" в короткий срок, если бы гигантские капиталовложения в производство оружия, служащего войне и разрушению, были обращены в инвестиции, служащие жизни. Возможно, это рассуждение покажется иным несколько "абстрактным"; быть может, оно даст повод той или другой "стороне" упрекать другую, забыв о собственной вине. Возможно, это вызовет новые обвинения в адрес Церкви; Церковь, однако, не располагая иным оружием, кроме оружия духа, слова и любви, не может отказаться от заповеданного Ей : "Проповедуй Слово... во время и не во время" (2 Тим 4-2). И поэтому Она не перестает умолять каждую из сторон, умолять всех во имя Бога и во имя человека : не убивайте друг друга ! Не готовьте людям уничтожение и истребление ! Поду-

майте о ваших братьях, которые страдают от голода и нищеты ! Уважайте достоинство и свободу каждого человека !

17. Права человека : ”буква” или ”дух” ?

Организация Объединенных Наций

Наше столетие было до сих пор столетием больших бедствий для человека, великих опустошений — не только материальных, но и моральных, — быть может, прежде всего — моральных. Конечно, нелегко с этой, моральной, точки зрения сравнивать эпохи и столетия, ибо многое зависит и от меняющихся исторических критериев. И тем не менее, даже не прибегая к каким-либо сравнениям, необходимо констатировать, что люди нашего столетия сами принесли себе множество страданий и несправедливостей. Можно ли сказать, что этот процесс ныне замедлился ? Во всяком случае тут необходимо напомнить о замечательных усилиях, предпринятых в связи с созданием Организации Объединенных Наций, об активном стремлении определить и утвердить подлинные и нерушимые права человека, а также и том, что каждое государство, вошедшее в состав ООН, обязалось строго соблюдать у себя права человека. И все это вызывает чувство признательности и дает большую надежду на будущее. Такое начинание должно было бы гарантировать, что права человека повсюду лягут в основу всех подлинных усилий, направленных на благо человека.

Мир на земле — это уважение прав человека

Церкви не нужно лишний раз подтверждать, что защита прав человека теснейшим образом связана с Ее миссией в современном мире. Ибо именно защита прав человека лежит в основе и общественного, и международного мира, как о том говорил Иоанн XXIII, Второй Ватиканский Собор, а также и Павел VI в специальных документах, посвященных этой теме. В конечном счете мир между людьми — это уважение неотъемлемых прав человека, мир есть результат справедливости — *opus justitiae pax* — тогда как война рождается в результате нарушений этих прав, принося с собой еще более тяжкие их нарушения. Но особенно прискорбно нарушение прав человека в мирное время. С точки зрения прогресса такое нарушение кажется совершенно непонятным. И такую борьбу за права человека совершенно невозможно согласовать с какой бы то ни было программой, называющей себя ”гуманистической”. А какая же социальная, экономическая, политическая или культурная программа может отказаться от такого опре-

деления ? Мы по-настоящему убеждены, что во всех современных программах, — даже если идеологии, на которых они основываются, противоречат друг другу, — на первом плане человек.

*Нарушение прав человека влечет за собой нарушение
прав нации*

И все же, вопреки этому, права человека нарушаются самыми различными способами, и мы являемся свидетелями существования концлагерей, насилия, пыток, терроризма и всякого рода дискриминаций. Не означает ли это, что все такие нарушения представляют собой следствие иных исходных моментов, которые подрывают, а часто, в каком-то смысле, и вообще уничтожают действенность гуманистических основ современных программ и систем. Следовательно, необходимо постоянно подвергать эти программы проверке, исходя из подлинных и неотъемлемых прав человека.

Безусловно, стремление покончить с причинами, которые привели к последней мировой войне с ее ужасным опытом, не являлось единственным побудительным мотивом для тех, кто провозглашал Декларацию Прав Человека и учреждал Организацию Объединенных Наций. Предполагалось, что как Декларация Прав Человека, так и Организация Объединенных Наций станут базой для постоянной проверки программ, систем и режимов, причем исходной точкой будет именно то, что является единственным и основным, то есть — благо людей, еще точнее, благо личности в обществе. И это благо, являясь главнейшей основой общего блага, должно послужить истинным критерием всех программ, систем и режимов. Поистине, нарушение прав человека влечет нарушение прав той нации, с которой человек связан органически ми узами, как с разросшейся семьей. Этот знаменательный факт неоднократно подтверждался историческим опытом человечества.

Благо одной партии, которая отождествляет себя с государством

Уже в первой половине нынешнего столетия, в период, когда стали развиваться разного рода тоталитарные режимы, которые, как всем хорошо известно, привели к ужасной военной катастрофе, — Церковь ясно определила свою позицию по отношению к этим режимам. В то время всем казалось, что они служат высшему благу, то есть благу Государства; однако дальнейшее течение истории воочию показало, что это было служение ради блага лишь какой-то одной партии, отождествлявшей себя с государством (31). В действительности эти режимы ограничивали свободу граждан, отказываясь признавать их неотъемлемые права, те права, которые к середине нашего столетия

были сформулированы и получили международное признание. Церковь разделяет радость этого завоевания со всеми людьми доброй воли, теми людьми, которые действительно любят справедливость и мир. Но Она сознает, что "буква" сама по себе может убивать и что только "дух животворит" (2 Кор 3.6). Поэтому Ей надлежит вместе со всеми людьми доброй воли постоянно вопрошать : означает ли принятие "буквы" Декларации Прав Человека повсеместное и соответствующее осуществление ее "духа" ? Ибо есть обоснованные опасения, что очень часто мы еще далеки от такого осуществления и что иногда развитие государственной и общественной жизни входит в прискорбное противоречие с "буквой", то есть с формальным определением прав человека, так как оно дано в Декларации. И особая вина перед своим обществом и перед историей лежит на тех, кто способствовал установлению подобного порядка вещей, сопряженного с тяжкими последствиями для того или иного общества.

Народ – хозяин своей судьбы

Основная идея, основной смысл существования государства, рассматриваемого как политическое объединение, заключается в том, чтобы общество, народ, который его образует, был хозяином своей судьбы. Но если власть осуществляется без морального участия общества, если какая-то определенная группа людей навязывает свое господство другим, тогда основная идея государства так и остается идеей, не реализуясь на практике. Все это имеет исключительное значение в нашу эпоху, ибо теперь чрезвычайно возросло общественное сознание людей, и, вместе с тем, возросла потребность правильного участия граждан в политической жизни общества (32) – разумеется, в соответствии с реальными условиями существования каждого народа и необходимостью известного общественного авторитета. Эти проблемы имеют первостепенное значение как для прогресса самого человека, так и для общего развития человечества.

Государство должно служить общему благу

Церковь во все времена стремилась внушить каждому человеку чувство долга по отношению к общему благу, воспитывая таким образом добрых граждан в каждом государстве. Вместе с тем Церковь всегда учила, что первый долг власти – заботиться об общем благе всего народа; отсюда вытекают основные права самой власти. И во имя этих предпосылок объективно этического характера права власти должны основываться именно на уважении подлинных и неотъемлемых прав человека. То общее благо, которому служит власть в госу-

дарстве, в полной мере реализуется лишь тогда, когда все граждане уверены в своих правах. В противоположном случае общество разрушается, возникает сопротивление властям, или же сами власти начинают всячески притеснять, запугивать, насиловать, терроризировать граждан — многочисленные примеры такого рода являют нам тоталитарные режимы нашего столетия. Так что принцип социальной справедливости становится в жизни любого политического организма мериллом справедливости режима.

Религиозная свобода — основной показатель настоящего прогресса

Одно из прав человека — это право на свободу совести, и не ошибаются те, кто считает, что это право включает в себя право свободного исповедания религии. Второй Ватиканский Собор счел крайне необходимым разработать более обширную Декларацию на эту тему. Эта Декларация получила название "О достоинстве человека". В этом документе, базирующемся на предпосылках, диктуемых опытом самого человека, его разумом и чувством собственного достоинства, нашла выражение не только богословская сторона проблемы прав человека, но также и та ее сторона, которая исходит из естественного права, или, другими словами, права, рассматриваемого с чисто человеческой точки зрения. Безусловно, ограничение религиозной свободы оборачивается прискорбным опытом как для отдельного человека, так и для общины; однако хуже всего то, что такое ограничение затрагивает самую суть достоинства человека, независимо от исповедуемой им религии или его мировоззрения. Ограничение религиозной свободы и ее нарушения противоречат достоинству человека и его подлинным правам. И в упомянутом соборном документе со всей ясностью говорится, в чем именно состоит нарушение и ограничение религиозной свободы. Без всякого сомнения, в случае ограничения и нарушения религиозной свободы мы непосредственно сталкиваемся с коренной несправедливостью, ибо в этом случае затрагивается наиболее глубокое в человеке, то, что и делает его человеком. В самом деле, даже неверие, безрелигиозность и атеизм как проявления человеческого духа могут быть поняты только в связи с религией и верой. Поэтому трудно, даже с "чисто человеческой" точки зрения, согласиться с тем, что только атеизм имеет права гражданства в общественной и социальной жизни, тогда как верующих терпят с трудом, считают их людьми низшей категории, а иногда — что уже случалось — и вовсе лишают гражданских прав. Говорить об этой проблеме, хотя бы и коротко, необходимо и потому, что она входит в комплекс проблем современного человека. Ибо она, как и другие, также свидетельствует, насколько положение человека в современном мире отягощено разного рода предрас-

судками и несправедливостями. Если я воздерживаюсь от более подробного рассмотрения этой проблемы — хотя это мое право и особый долг — то прежде всего потому именно, что, как и все страдающие и гонимые за имя Христово, больше верю в искупительную силу Креста Христова, чем в силу своих слов. Но тем не менее в силу моего служения я хочу от имени всех верующих, рассеянных по миру, обратиться к тем, от кого в той или иной степени зависит организация общественной и социальной жизни, с настойчивой просьбой уважать права религии и деятельность Церкви. Не привилегий мы просим, но уважения элементарного права. Соблюдение этого права является одним из главнейших показателей подлинного человеческого прогресса при любом режиме, в любом обществе, системе или среде.

МИССИЯ ЦЕРКВИ И СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

18. Церковь печется о призвании человека во Христе

Это, по необходимости краткое, обозрение положения человека в современном мире побуждает нас устремить мысль и сердце к Иисусу Христу, к тайне Искупления, в которой сущность человека выявляется посредством великой силы истины и любви. Христос таинственным образом "соединен с каждым человеком" (33). Церковь, проникаясь сокровенным этой тайны, ее богатым и универсальным содержанием, еще глубже переживает свою собственную сущность и миссию. Не случайно Апостол говорит о Церкви как о Телe Христовом. И если Мистическое Тело Христово есть Народ Божий, — как в согласии со всей библейской и патристической традицией учит Второй Ватиканский Собор, — то это значит, что каждый человек, пребывающий в Телe Христовом, пронизан дыханием жизни, исходящим от Христа. Так же и Церковь как тело, как организм, как социальная общность, обращаясь к человеку, к его насущным вопросам, его надеждам и страданиям, завоеваниям и падениям, получает ту же божественную энергию, силу и свет Духа Святого, исходящего от Христа, распятого и воскресшего. И в этом она обретает смысл своего существования. У Церкви нет иной жизни, помимо той, которую она получает от своего Супруга и Господа. Связь Церкви с каждым человеком должна быть такой же тесной, как и ее связь со Христом в Его Искупительном Служении.

Тело, оживленное Духом

Связь человека со Христом есть тайна. В этой тайне рождается "новый человек", заново сотворенный во Христе, получивший всю полноту благодати и истины и призванный участвовать в божественной жизни. Сила человека и источник этой силы заключаются в соединении его со Христом, как и говорит об этом св. Иоанн в своем Евангелии : "Слово дало власть быть чадами Божиими" (Ин 1, 12). Это та сила, которая внутренне преображает человека, это принцип новой жизни, той жизни, которая не уходит и не исчезает бесследно, но длится вечно. Эта жизнь – обещанная и дарованная каждому человеку Отцом во Иисусе Христе, вечном и едиnorodном Сыне, воплотившемся и рожденном, "когда пришла полнота времени" (Гал 4, 4), Пресвятой Девой Марией, – есть окончательное завершение призвания человека, а также, в известном смысле, и исполнение той "судьбы", которая от века была уготована человеку Богом. Эта "божественная судьба" преодолевает все загадки, неизвестность, все блуждания и повороты "человеческой судьбы" в этом преходящем мире. Все это неизбежно ведет каждого человека, несмотря на всю полноту земной жизни, к смерти и к разрушению тела. И все же за пределами земной жизни нам является Христос : "Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня (...) не умрет вовек" (Ин 2, 25-26). В Иисусе Христе, распятом, погребенном и затем воскресшем, "засияла для нас надежда блаженного воскресения (...), обещания будущего бессмертия", к которому человек идет через смерть тела, разделяя со всем видимым творением эту неизбежность, которой подчинена материя. Мы стремимся глубже понять правду слов Искупителя : "Дух дает жизнь, плоть же не пользует нимало" (Ин 6,63). И все же эти слова, несмотря ни на что, заключают в себе высшее утверждение человека : утверждение тела, оживленного Духом.

Церковь живет этой реальностью, живет этой истиной о человеке, которая позволяет ей переходить границы временного и, вместе с тем, с особенной любовью и заботой печься обо всем, что – в пределах этой временности – имеет значение для жизни человека, для человеческого духа, пребывающего, по словам Блаженного Августина, в вечном томлении : "Ты создал нас для Себя, Господи, и душа наша доколе томится, не находя себе покоя, доколе не успокоится в Тебе" (34). Это творческое томление выражает нечто глубоко человеческое: поиски истины, ненасытимую потребность блага, жажда свободы, стремление к прекрасному, голос совести. Церковь, стараясь смотреть на человека "глазами Самого Христа", все более осознает себя хранительницей великого сокровища, которое ей не дозволено расточать, но которое она должна постоянно приумножать. И действительно,

Господь Иисус сказал : "Кто не собирает со Мною, тот расточает" (Мф 12, 30). Обогащенное невыразимой тайной сыновства Божьего, благодатью "усыновления" (Гал 4, 5), в Едином Сыне Божьем, – благодаря чему мы можем обращаться к Богу "Авва, Отче" (Гал 4, 6), – это сокровище есть, вместе с тем, огромная сила, которая, что особенно важно для нас, объединяет Церковь изнутри, наполняет смыслом всю ее деятельность. Посредством этой силы Церковь соединяется с Духом Христовым, тем Святым Духом, Который был обещан Искупителем и посылается Им постоянно; пришествие Святого Духа, явленное в День Пятидесятый, продолжается постоянно. Так что в людях раскрывается сила Духа Святого (Рим 15, 13), (1 Кор 1, 24), дары Духа (Ис 11, 2; Деян 2, 38), плоды Духа Святого (Гал 5, 22-23). И Церковь нашего времени повторяет со все большей ревностью и святой настойчивостью : "Приди, Душе Святой! Приди! Приди! Омой нечистое! Ороси безводное! Исцели пораженное! Умягчи закосневшее! Согрей замерзшее! Исправ ложное!".

Ответ Церкви на духовные нужды

Это обращение к Святому Духу в надежде получить Духа и есть ответ на "материализм" нашей эпохи. Этот материализм порождает у людей самые разные формы неудовлетворенности. Это обращение к Духу можно услышать с разных сторон, и создается впечатление, что оно уже принесло некоторые плоды. Так что никто не может сказать, что в этом обращении Церковь одинока. Ибо "нужда" в духовном имеется также и у тех людей, которые находятся вне видимых пределов Церкви (35). И не является ли само существование таких людей подтверждением той истины о Церкви, которую с такой пронизательностью выявил Второй Ватиканский Собор в Догматической Конституции "Свет Народам", где дано учение о Церкви как о таинстве или, другими словами, как о знаке и одновременно осуществлении сокровенного единства с Богом и единства всего рода человеческого (36). Это призывание Духа именно посредством Духа есть не что иное, как постоянно осуществляющееся вхождение в полноту Тайны Искупления, состоящей в том, что Христос, соединенный с Отцом и с каждым человеком, постоянно соединяет нас с Духом, который вкладывает в нас чувства Сына Божия и обращает нас к Отцу (Рим 8, 15; Гал 4, 6). И поэтому в нашу эпоху – эпоху людей, особенно сильно жаждущих Духа, потому что они стремятся к справедливости, миру, доброте, мужеству, самостоятельности, восстановлению попорченного человеческого достоинства, – Церковь должна особым образом собраться, объединиться вокруг этой Тайны и обрести в ней столь необходимые для выполнения ее миссии свет и

силу. Если, как было сказано раньше, жизнь людей — это путь, по которому каждый день должна шествовать Церковь, то необходимо, чтобы сама Церковь постоянно помнила и о достоинстве божьего усыновления, которое получает во Христе каждый человек по благодати Духа Святого (ср. Рим 8, 15), и о том, что каждый человек предназначен для благодати и славы (Рим 8, 30). Постоянно размышляя обо всем этом, проникаясь всем этим с помощью веры, все более сознательной, и любви, все более крепкой, Церковь становится более способной к тому служению, к которому призвал ее Господь Христос, сказав: "Сын человеческий не для того пришел, чтобы ему служили, но чтобы послужить(...)" (Мф 20, 28). Церковь выполняет это служение, ибо она причастна к "тройному служению", принадлежащему ее Учителю и Искупителю. Это основанное на Библии учение, со всей ясностью данное Вторым Ватиканским Собором, принесло великую пользу для жизни Церкви. Ибо, когда мы наполняемся сознанием нашей причастности к тройной миссии Христа — к Его тройному служению, священническому, пророческому и царскому — мы начинаем лучше понимать то, в чем должно заключаться служение всей Церкви как общества и общины народа Божьего на земле, а также и смысл причастности каждого из нас к этой миссии и этому служению.

19. Церковь ответственна за Истину

Итак, согласно учению Второго Ватиканского Собора, Церковь несет перед обществом ответственность за Божественную Истину. С глубоким волнением мы внимаем словам Самого Христа: "Слово, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца" (Ин 14, 24). И не показывают ли эти слова нашего учителя всю меру ответственности, с какой мы должны подходить к откровенной истине, которая есть "собственность" Бога Единого, если Он Сам, "Единородный Сын, суший в недре Отчем" (Ин 1, 18), передающий истину как пророк и учитель, как бы чувствует необходимость подчеркнуть, что Он действует, сохраняя верность Божественному Источнику Истины. И эта же верность должна быть основным, образующим качеством веры самой Церкви — учит ли она других этой вере или сама исповедует эту веру. Вера — это та особая, сверхъестественная, внедренная в душу человека способность, которая позволяет ему ответить на призыв открывшегося Слова и стать причастником знания о Боге. Следовательно, необходимо, чтобы Церковь, исповедуя веру и уча о ней, оставалась самым тесным образом связанной с

Божественной Истиной (38) и при этом пребывала в подлинном, отнюдь не противоречащем разуму (39) повиновении этой Истине. Сам Христос, обеспечивая нашу верность Божественной Истине, обещал Церкви особую помощь от Духа Истины; Христос даровал Церкви свойство безошибочности (40), особым образом проявляющееся через тех, кому Он доверил передачу и изложение Истины, — ясное определение чему было дано на Первом Ватиканском Соборе (41) и подтверждено Вторым Ватиканским Собором (42); сверх того, Христос даровал всему Народу Божьему некую способность не ошибаться в отношении объекта веры (43).

Богословское служение в Церкви

Благодаря этому, мы стали соучастниками миссии Христа-Пророка и в силу этой миссии вместе с Ним служим в Церкви Божественной Истине. Быть ответственным за Истину — значит также любить ее и стремиться к более точному ее разумению, с тем чтобы вся ее спасительная сила, все ее великолепие, глубина и, вместе с тем, простота стали более понятны и нам самим, и другим. Эта любовь и это стремление к постижению Истины должны возрастать вместе, как свидетельствуют об этом жития святых. Святые подходили к Божественной Истине с уважением и любовью, и поэтому они были более других озарены подлинным светом, который отражает Божественную Истину и приближает к нам реальность Самого Бога. Их любовь направлялась прежде всего ко Христу — живому Слову Божественной Истины — и, вместе с тем, к Его человеческому Лику, запечатленному в Евангелии, в традиции, в богословии. Церковь — Народ Божий — должна творчески, плодотворно продолжать пророческую миссию Христа. И в этом, как и прежде, богословие продолжает играть очень важную роль. Поэтому богословы как служители Божественной Истины, посвящая свои исследования и труды все более глубокому ее постижению, никогда не должны терять из вида смысл своего служения в Церкви, который заключен в понятии "интеллектус фидеи" — "разум веры". Это понятие имеет как бы две стороны: "Разумей, чтобы веровать; веруй, чтобы разуметь" (44). И когда богословы служат тому Учению, хранителями которого являются в Церкви епископы, объединенные иерархическим общением с Наследником Петра, и когда богословы помогают епископам в их пастырской и вероучительной деятельности, и когда богословы служат апостольским задачам Народа Божьего — то понятие "разумей, чтобы веровать, и веруй, чтобы разуметь", поистине осуществляется в жизни.

Как в прошлом, так и сегодня, — и сегодня, быть может, еще больше — богословы и все ученые люди в Церкви призваны соединять

веру со знанием и мудростью, чтобы способствовать их взаимному проникновению, как это говорится в литургической молитве в день памяти св. Альберта Учителя Церкви. Это касается как точных наук, так и наук гуманитарных, в том числе философии, о тесных связях которой с богословием напомнил Второй Ватиканский Собор (45). Эта задача ныне безмерно расширилась, благодаря достижениям в познании мира и человека и прогрессу человеческого знания и его методов. Человек, непрестанно углубляющий и расширяющий свои знания, должен постоянно углублять и свою веру, которая освещает перед ним всю глубину богооткровенной тайны; человек должен стремиться к постижению истины, единственным и глубочайшим источником которой является Сам Бог. Вполне допустимо, если огромная работа, которую необходимо совершить в этом направлении, будет допускать определенный плюрализм методов, и это нужно даже приветствовать. Тем не менее, совершая такую работу, нельзя забывать, что ее конечной целью является достижение фундаментального единства между вероучением и нравоучением. Поэтому необходимо тесное сотрудничество между богословием и церковным учением. И особенно богословы должны проникнуться следующими словами Самого Христа : "Слово, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца" (Ин 14, 24). Следовательно, никто не имеет права сводить богословие к простому изложению собственных идей. Но каждый должен быть в тесном, сознательном единстве с миссией преподавания истины, за которую отвечает Церковь.

Катехизация

Жизнь всей Церкви определяется в самом фундаментальном смысле необходимостью продолжать пророческое служение Христа. К этому служению особенно причастны пастыри Церкви, которые учат и постоянно и многообразно возглашают и передают христианское веро- и нравоучение. Это учение, как в миссионерском аспекте, так и в обычном способствует собиранию Народа Божьего вокруг Христа, подготавливает к участию в Евхаристии, указывает пути жизни в таинствах. Вскоре, по желанию участников епископского Синода 1977 года, выйдет понтификальный документ, в котором будут даны итоги работы епископов на этом Синоде, — работы, связанной с рассмотрением катехизической деятельности. В этом документе будут также даны решения и указания по катехизическому вопросу. Несомненно, катехизация является существенной частью никогда не прекращающейся деятельности Церкви; в этой деятельности проявляется пророческая харизма Церкви — свидетельство и научение связаны здесь воедино. Нельзя также не упомянуть и столь многих

мирян, которые воплотили свою веру и чувство апостольской ответственности в деятельность такого рода.

Ответственность каждого за истину

Итак, необходимо, чтобы весь Народ Божий участвовал в пророческом служении Самого Христа. Это должно осуществиться при помощи различных форм катехизации в разных сферах жизни и прежде всего при помощи самой основной – ”семейной”, то есть катехизации родителями своих детей. Необходимо, чтобы наша забота об этом постоянно возрастала. Так что нужно, чтобы ответственность Церкви за Божественную Истину все больше и по-разному разделялась всеми верующими. А что сказать о специалистах в различных областях человеческого знания, представителях естественных и гуманитарных наук, медиках, юристах, людях искусства и техники, об учителях различных уровней и специализации? Все они, занимая хотя бы просто честную позицию в отношении истины, каждый в своей области воспитывая других в истине и помогая им возрастать в любви и истине, – имеют как члены Народа Божьего свою роль в пророческой миссии Христа, в Его служении Божественной Истине. Таким образом, чувство ответственности перед истиной – это одна из основных точек пересечения, где Церковь встречается с каждым человеком, и это в то же время один из основных показателей призвания человека к жизни в церковной общине. Церковь нашего времени, руководствуясь чувством ответственности перед истиной, должна сохранять верность своей природе и, следовательно, верность своей происходящей от Самого Христа пророческой миссии : ”Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас (...). Примите Духа Святого” (Ин 20, 21-22) .

20. Евхаристия и покаяние

Причастность Церкви к тайне Икупления, или, другими словами, к спасительному делу, совершенному Христом, – это не только ее причастность к благой вести Учителя, осуществляемая верностью Его слову и служением истине . Причастность Церкви к тайне Искупления это также и ее причастность к силе искупительного дела Христа, которую Он воплотил и заключил в таинствах, прежде всего в Евхаристии (46); и такая причастность осуществляется подчинением этой силе во всей полноте надежды и любви. Евхаристия есть центр и вершина всей той тайнодейственной жизни, посредством которой каждый христианин воспринимает спасительную силу Искупления, –

начиная с крещения, в котором мы таинственно погружаемся в смерть Христову, чтобы стать причастниками Его Воскресения (ср. Рим 6, 3). В свете этого учения становится более очевидной причина, по которой вся тайнодейственная жизнь Церкви и каждого христианина достигает вершины и полноты в Евхаристии. Ибо в этом таинстве постоянно обновляется – по воле Самого Христа, – Его жертва, таинственно принесенная Им на алтаре креста Отцу : эту жертву Отец принял, дав взамен бесконечно великого дара Сына, ”послушного вплоть до смерти” (Фил 2, 8), собственный дар новой бессмертной жизни, воскресив Его, ибо Отец есть первый источник жизни и Тот, Кто дает ее от начала. Это новая жизнь, которая содержит в себе прославление тела распятого Христа, стала действенным знаменем нового дара человечеству : этот дар есть Святой Дух, благодаря Которому божественная жизнь, которую Отец имеет в Себе и которую Он дает Сыну (ср. Ин 5, 26), сообщается всем людям, соединенным со Христом. Евхаристия есть таинство наиболее полного соединения со Христом. Совершая Евхаристию, участвуя в ней, мы соединяемся со Христом – земным и небесным, Который ходатайствует за нас перед Отцом (ср. Евр 9, 24; 1 Ин 2, 1); но соединяемся именно благодаря искупительной силе Его жертвы, которой Он нас искупил, и мы, таким образом, ”куплены дорогой ценой” (Кор 6, 20). ”Дорогая цена” нашего искупления одновременно свидетельствует и о той ценности, которую Сам Бог признает за человеком, и о нашем достоинстве во Христе. Став ”сынами Божьими” (Ин 1, 12), детьми усыновления (ср. Рим 8, 23), мы подобно Христу, становимся в то же время ”царством священников”, сподобляемся ”царственного священства”(1 Петр 2, 9), другими словами, мы становимся причастными к единственному и уже необратимому возвращению людей и мира к Отцу; это возвращение раз и навсегда совершил Христос – вечный Сын и истинный человек (ср. Ин 1, 1-4; Мф 3, 17; 11, 27; Мк 1, 11; Лк 1, 32-35; 3, 22; Рим 1, 4; 2 Кор 1, 19; 1 Ин 5, 5-20; 2 Петр 1, 17; Евр 1, 2). Евхаристия есть таинство, с наибольшей полнотой выражающее наше новое бытие. Также в Евхаристии Сам Христос непрерывно и всегда по-новому ”дает свидетельство” в Духе Святом нашим сердцам (ср. 1 Ин 5, 5-11), свидетельство о том, что каждый из нас, как причастник тайны Искупления, имеет доступ к плодам сыновнего примирения с Богом (ср. Рим 5, 10-11; 2 Кор 5, 18 сл.; Кол 1, 20-22), которое Он Сам осуществил и постоянно осуществляет среди нас посредством служения Церкви.

Евхаристия созидает Церковь

Евхаристия созидает Церковь (47), созидает ее как подлинную общину народа Божьего, как собрание верных, отмеченное таким же

единством, какое было у Апостолов и у первых учеников Господа; и эта существеннейшая истина касается не только учения, но самого человеческого существования. Евхаристия постоянно вновь и вновь созидает эту общину и это единство. Будучи воспоминанием о крестной смерти Христовой (48), которая стала ценою нашего выкупа, Евхаристия созидает и возрождает общину, всегда основываясь на жертве Самого Христа. Поэтому в Евхаристии мы как бы касаемся самой тайны Тела и Крови Господа; свидетельством тому являются слова, сказанные Самим Христом при установлении Евхаристии. Поэтому эти слова стали совершительными словами Евхаристии, они приносятся теми, кто призван к этому, никогда не прекращающемуся в Церкви служению.

*Евхаристию не должно рассматривать как некую
"оказию" для выявления братства*

Церковь живет Евхаристией; она живет полнотой этого таинства, поразительное содержание и смысл которого неоднократно находили свое выражение в Учении Церкви от самых давних времен и вплоть до наших дней (49). Однако мы со всей уверенностью можем сказать, что это учение, со всей пронизательностью выявленное богословами и сохраняющими верность евхаристической тайне подвижниками и святыми, сподобившимися боговидения, а также и людьми глубокой веры и молитвы, — это учение, в сущности, остается на пороге Евхаристической тайны, не будучи в состоянии уловить и передать на словах то, что есть Евхаристия во всей ее полноте, то, что в ней выражается и осуществляется. В сущности это Таинство невыразимо! Существенной обязанностью Церкви является духовное развитие в атмосфере Евхаристии, а также продолжение и постоянное приумножение евхаристической жизни и евхаристического благочестия; ибо, что самое важное, это и есть видимая, бьющая ключом благодать сверхъестественной силы Церкви как Народа Божьего. Тем более, следовательно, непозволительно ни в мыслях, ни в жизни, ни в действиях лишать это поистине Пресвятое Таинство его полноты и его истинного значения. Ибо Евхаристия есть одновременно таинство Жертвы Христа, таинство приобщения ко Христу, таинство присутствия Христа. И хотя верно, что Евхаристия всегда была и постоянно должна быть глубочайшим проявлением и наилучшим совершением человеческого братства учеников и исповедников Христовых, ее не должно рассматривать только как некую "оказию" для выявления этого братства. При совершении таинства Тела и Крови Господа надлежит помнить о всей полноте и глубине этой божественной тайны, сохранять всецело смысл этого таинственного знака, посредством

которого мы приемлем реально присутствующего Христа, а наши души наполняются благодатью и нам дается залог будущей славы (50). Из этого проистекает обязанность строгого соблюдения литургических норм и всего того, что свидетельствует об общинном почитании, воздаваемом Богу, тем более, что в этом таинственном знаке Господь доверяется нам безгранично, как бы забывая о нашей слабости, о нашем недостойнстве, о нашей косности и даже о возможном святотатстве. Служители Церкви, и прежде всего епископы и священники, должны следить за тем, чтобы это таинство Любви находилось в центре жизни Народа Божьего, чтобы через все формы необходимого почитания Бога воздавалась Христу "любовь за любовь", чтобы Он стал поистине "жизнью наших душ" (ср. Ин 6, 52-58; 14, 6; Гал 2, 20). С другой стороны, всегда нужно помнить слова св. Павла : "Да испытывает же себя человек и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей" (1 Кор 21, 28).

Евхаристия и Покаяние

Эти апостольские слова указывают, пусть и не прямо, на тесную связь, существующую между Евхаристией и Покаянием. Действительно, первым словом учения Христа, первой фразой "Благой Вести" Евангелия было : "Покайтесь и веруйте во Евангелие" (Мк 1, 15). Таинство Страстей, Креста и Воскресения, как кажется, усиливает и укрепляет этот призыв, обращенный к нашим сердцам. Евхаристия и Покаяние становятся, таким образом, как бы двумя внутренне тесно связанными выражениями подлинной христианской жизни по духу Евангелия, жизни по христианской правде. Христос, Который приглашает всех на евхаристическую трапезу, — Тот Самый Христос, Который призывает нас к покаянию, Который повторяет : "Покайтесь". Без постоянного и всякий раз заново предпринимаемого усилия обратиться участие в Евхаристии было бы лишено полной искупительной действенности; в нем исчезла бы или, по крайней мере, ослабилась бы та особая готовность приносить Богу "духовные жертвы" (1 Петр 2, 5), посредством которой выражается наиболее существенным и универсальным образом наша причастность к священству Христа. Ибо священство Самого Христа связано с Его добровольной жертвой, с Его добровольной отдачей Отцу; и эта отдача — именно потому, что она безгранична, рождает в нас, людях по своей природе многообразно ограниченных, потребность все более сознательного отношения к Богу, все более полного и утвержденного обращения к Нему.

Покаянная служба и личная исповедь

В последние годы было особенно много сделано для того, чтобы выявить — при этом в согласии с наиболее древней традицией Церкви — общинную сторону покаяния и особенно таинства Исповеди в церковной практике. Это — полезное начинание, и оно, несомненно, послужит обогащению исповедальной практики современной Церкви. Однако мы не должны забывать, что обращение — это внутренний акт исключительной глубины, в котором человек не может быть замещен другими, не может быть "заменен" общиной. Ибо, хотя участие вместе со всей братской общиной верных в исповедальной службе очень помогает личному обращению, однако, в конечном счете, необходимо, чтобы сам человек высказался в этом акте от всей глубины своей совести, с подлинным осознанием своей греховности и доверием к Богу, предстоя перед Ним, подобно исповедующемуся Псалмопевцу : "Пред Тобою Единым согреших". Поэтому Церковь, со всей верностью сохраняя многовековую практику таинства покаяния, практику индивидуальной исповеди, которая связана с личным раскаянием в своих грехах и решением исправиться, защищает особое право человеческой души на более личную встречу человека с Христом, распятым и прощающим, с Христом, который говорит устами совершающего таинство Примирения : "Прощаются тебе грехи твои" (Мк 2, 5); "Иди и впредь не греши" (Ин 8, 11). Но очевидно, что таким же правом обладает и Сам Христос в отношении каждого человека, искупленного Им, — правом на встречу с каждым из нас в тот ключевой момент жизни души, когда для нас наступает момент обращения и одновременно отпущения. Церковь, сохраняя таинство Покаяния, особым образом исповедует свою веру в таинство Искупления, как в живую и животворящую реальность, отвечающую внутренней правде человека, человеческой греховности, а также и желанию человеческой совести. "Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо насытятся" (Мф 5, 6). Таинство Покаяния и есть средство насыщения человека той справедливостью, которая исходит от Самого Искупителя.

Церковь Евхаристии и Покаяния, Церковь божественной миссии

В наши дни в Церкви, которая особым образом собирается вокруг Евхаристии и хочет, чтобы истинно евхаристическая община могла бы стать знаком постепенного созревания единства, должна прежде всего ощущаться истинная потребность в покаянии как таинстве и добродетели. Это и было выражено Павлом VI в Апостольской Конституции "Пенитемини" ("Покайтесь"). Одной

из задач Церкви и является воплощение в жизнь учения, содержащегося в этом документе. Несомненно, оно должно стать для нас предметом совместного размышления, объектом многих дальнейших решений в духе пастырской коллегиальности, при уважении к различиям в традициях и обстоятельствах жизни современного человека. Тем не менее несомненно, что Церковь нового Пришествия, Церковь, которая постоянно готовится к новому Пришествию Господа, должна быть Церковью Евхаристии и Покаяния. Только в таком духовном образе жизненности и активности является она Церковью Божьей Миссии, Церковью "ин статус миссионис" – как открыл нам ее лик Второй Ватиканский Собор.

21. Христианское призвание : служить и царствовать

Второй Ватиканский Собор, созида с самого фундамента основы образа Церкви как Народа Божьего, указал на тройственную миссию Самого Христа, ту миссию, участвуя в которой мы и становимся именно Народом Божиим. Одновременно Собор подчеркнул и ту особенность христианского призвания, которую можно определить как "царскую". Чтобы представить все богатство соборного учения, здесь надлежало бы сделать извлечения из многих глав и параграфов Конституции "Свет Народам", а также и из многих других соборных документов. Среди всего этого богатства самым существенным представляется одно : участвовать в царской миссии Христа. Это значит выявлять в себе и в других то особое достоинство Божьего призвания, которое можно определить как "царственность". Это достоинство выражается в готовности служить по примеру Христа, Который "не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить" (Мф 20, 28). Если, следовательно, в свете такого отношения Христа "царствовать" по-настоящему можно лишь "служа", то это значит, что "служение" требует такой духовной зрелости, которую надлежит определить именно как "царствование". Чтобы достойно и действительно служить другим, необходимо уметь царствовать над самим собой, необходимо обладать добродетелями, которые делают возможным это царствование. Наше участие в царской миссии Христа – именно в Его "царском служении" – тесно связано с каждым отдельным проявлением нравственности – одновременно христианской и человеческой.

Принцип "царского служения"

Второй Ватиканский Собор, обрисовывая полный образ Народа Божьего, напоминая, какое место в нем занимают не только

представители иерархии, но и институции, освященные жизнью (имеется в виду монашеская жизнь во всем ее многообразии. — прим. ред.), не строил этот образ на каких-то социологических предпосылках. Естественно, что Церковь, как человеческое общество, может исследоваться и определяться также и в тех категориях, какими пользуются науки для изучения любого человеческого общества. Однако этих категорий недостаточно. Существенным для всей общины Народа Божьего, для каждого ее члена является не только специфическая "социальная принадлежность"; существенным для каждого и для всех является также и особенное "призвание". Ибо Церковь как Народ Божий, согласно учению цитировавшегося выше святого Павла (о чем блистательно напомнил Пий XII), есть одновременно и "Мистическое Тело Христово" (51). Принадлежность к Нему определяется особым призывом, сопряженным со спасительным действием благодати. Следовательно, если мы хотим представить себе всю обширность и великое многообразие общины Народа Божьего, то мы должны прежде всего видеть Христа, Который каждому члену этой общины говорит: "Иди за Мною" (Ин 1, 43). Это и есть общество учеников и последователей Христа, каждый из которых по-разному — порой вполне сознательно и последовательно, а порой без ясного осознания и весьма непоследовательно — идет за Христом. В этом одновременно проявляется глубоко "личный" характер и суть того общества, которое, несмотря на все недостатки нашей совместной жизни (в человеческом смысле этого слова), является общиной именно потому, что все образуют ее вместе с Самим Христом; образуют ее хотя бы в силу того, что носят в своей душе неизгладимую печать христианина.

Второй Ватиканский Собор предпринял особые усилия, чтобы показать, каким образом, эта "онтологическая" общность учеников и исповедников должна становиться также и в плане "человеческом" общиной, все более сознающей и свою деятельность, и свою жизнь. Начинания Собора в этой области были продолжены многочисленными последующими начинаниями синодального, апостолического и организационного характера. Однако мы должны постоянно помнить о той истине, что каждое из таких начинаний служит подлинному обновлению Церкви и способствует распространению истинного света — который и есть Христос (52) — лишь постольку, поскольку такое начинание основывается на точном осознании призвания и ответственности каждого за ту особую, неповторимую, лишь ему присущую благодать, посредством которой каждый христианин созидает в общине Народа Божьего Тело Христово. Этот принцип, являющийся ключевым правилом всей христианской деятельности — апостольской и пастырской, — правилом внутренней жизни и жизни

общества, должен применяться всеми и каждым в соответствующей мере. Даже Папа, как, впрочем, и все епископы, должен применять этот принцип по отношению к самому себе. Этому принципу должны быть верными священники, монахи и монахини. Именно на этой основе должны строиться отношения между супругами, родителями и детьми, жизнь женщин и мужчин всех профессий независимо от условий их существования. Этот принцип должен осуществляться всеми, начиная с тех, кто занимает в обществе самые высокие посты и кончая теми, кто выполняет самую простую работу. Это и есть принцип того "царского служения", которое обязывает каждого из нас, по примеру Христа, требовать от самого себя именно того, к чему он призван; каждый, отвечая своему призванию, должен с помощью Божьей Благодати принять личные обязательства соответственно этому призванию. Эта верность призванию, полученному от Бога через Христа, связана с той коллегиальной ответственностью за Церковь, которую Второй Ватиканский Собор и хочет видеть во всех христианах. Ведь в Церкви, иными словами, в общине Народа Божьего, руководимой воздействующим на нее Духом Святым, каждый имеет "собственное дарование", как и учит святой Павел (1 Кор 7,7; ср. 12, 27; Рим 12, 6; Еф 4, 7). Это "дарование", будучи личным призванием, личным участием в спасительном деле Христа, и есть служение другим, созидание Церкви, созидание братской общины в разных областях человеческого бытия на земле.

*Верность супругов и верность священников
собственному призванию
Монашеская жизнь*

Когда затрагиваются наиболее обязывающие задачи, имеющие наибольшее значение в жизни наших ближних и всего общества, верность призванию, или постоянная готовность к "царскому служению" имеет особое значение для этого многообразного созидания. Такую верность своему призванию обязаны иметь супруги, как того требует нерасторжимый характер тайнодейственного установления брака. Подобную верность своему призванию должны иметь и священники, как того требует неизгладимый характер печати, которую накладывает на их души таинство священства. Принимая это таинство, мы в Латинской Церкви сознательно и добровольно соглашаемся жить в безбрачии, и каждый из нас должен делать все возможное, чтобы с помощью Благодати Божьей сохранить чувство благодарности за этот дар и остаться навсегда верным принятым обязательствам. Подобно этому и супруги должны изо всех сил стараться сохранять супружеское единство, созидая этим своим

свидетельством любви семейную общину и воспитывая новое поколение людей, также способных всю свою жизнь посвятить собственному призванию, или, другими словами, тому "царскому служению", пример и самый совершенный образ которого дал нам Иисус Христос. Его Церковь, которую образуют все, есть Церковь "для людей". Она есть Церковь "для людей" в том именно смысле, что мы, основываясь на примере Христа (53) и споспешествуя благодати, которую Он нам приобрел, можем достичь упомянутого "господства" в каждом из нас, или, другими словами, зрелого человечества. Зрелое человечество означает полное использование того дара свободы, который мы получили от Творца, призвавшего человека существовать по "Своему образу и подобию". Особой формой этого дара является беспредельная отдача своей человеческой личности теми полностью посвятившими себя Христу людьми – мужчинами и женщинами, – которых Он направляет служить другим. И эта самоотдача осуществляется в духе брачной любви ко Христу, и вместе со Христом к другим людям. Вот идеал монашеской жизни, принятый старыми и новыми орденами и конгрегациями, а также и монашескими объединениями в миру.

Подлинные и ошибочные представления о свободе

В наше время иногда ошибочно предполагается, что свобода является самодовлеющей целью, что человек свободен, когда он пользуется свободой, как хочет, и что к такой свободе должны стремиться как индивидуум, так и общество. Наоборот, свобода является великим благом, когда мы умеем сознательно пользоваться ею для достижения всего того, что представляет собой истинное добро. Христос учит нас, что наилучшим воплощением свободы является любовь, которая осуществляется посредством самоотдачи и служения. И такой именно свободой "освободил нас Христос", и постоянно освобождает. Церковь не перестает черпать из этого вдохновение, видеть в этом свое призвание и смысл своего посланничества и своего служения среди людей. Полная правда о человеческой свободе заключена в глубине Тайны Искупления. Церковь тогда во всей полноте служит человечеству, когда с неослабевающим вниманием, с ревностной любовью и зрелым чувством долга вникает в эту истину и когда она всей своей общиной, то есть, посредством верности каждого христианина своему призванию вносит эту истину в жизнь людей, придавая этой истине реальные формы. Таким образом, подтверждается то, что говорилось выше : человек есть и постоянно становится дорогой повседневной жизни Церкви.

22. Мать нашей уверенности

Итак, когда в начале нового понтификата я обращаю мысли и сердце к Искупителю человека, тем самым я стремлюсь войти и вникнуть в самый глубокий ритм жизни Церкви. Ибо, если Церковь живет собственной жизнью, то только потому, что черпает у Христа, Который всегда желает только одного – чтобы мы имели жизнь и имели ее в избытке (ср. Ин 10, 10). Так что полнота жизни, которая пребывает в Нем, предназначена и для человека. Итак, Церковь, соединяясь со всем богатством Тайны Искупления, поистине становится Церковью живых людей, живых, потому что они оживляются изнутри действием Духа Истины (Ин 16, 13) и потому, что их посетила любовь, которую Дух Святой излил в их сердца. (Рим 5, 5). Целью любого служения в Церкви – апостолического, пастырского, священнического, епископского – является сохранение живой связи Тайны Искупления с каждым человеком.

Мария – мать Церкви

Когда мы уясним себе эту задачу, то еще лучше сможем понять, что значит : Церковь – мать наша (54), а также что значит : Церковь всегда, а особенно сегодня, нуждается в Матери. Отцы Второго Ватиканского Собора заслуживают особой благодарности за то, что они изложили в Конституции "Свет народам" богатое по своему содержанию "учение о Матери". Поскольку Павел VI, проникшись духом этого Учения, начал именовать Мать Христа "Матерью Церкви" (55), что нашло широкий отклик, да будет позволено и его недостойному наследнику в этих размышлениях при начале его папского служения обратиться к ней как к Матери Церкви. Пресвятая Дева Мария является Матерью Церкви потому, что в силу неизреченного избрания Самим Вечным Отцом (56) и благодаря особому воздействию Духа Любви, дала человеческую жизнь Сыну Божьему, "для Которого все, и от Которого все" (Евр 2, 10) и от Которого весь Народ Божий принимает благодать и достоинство избрания. Ее собственный Сын указал Ей с высоты креста на Своего любимого ученика, как на Ее сына; этим Он пожелал показать, что материнство Его родной Матери стало обширнее, – обширнее в особом, легко доступном для человеческих душ и сердец смысле (ср. Ин 19, 26). Также и Дух Святой восхотел, чтобы Она Сама после Вознесения Господня осталась в Горнице в молитве и ожидании, вместе с Апостолами, вплоть до дня Пятидесятницы, в который должна была, выйдя из укрытия, видимым образом родиться Церковь (Деян 1, 14; 2). И с тех пор

поколения учеников, исповедников и людей, возлюбивших Христа, подобно Апостолу Иоанну, неким образом забирали к себе (ср. Ин 19, 27) Матерь Божию, которая от начала вошла в историю спасения и посланничества Церкви. Следовательно, мы, нынешнее поколение учеников, исповедников и людей, возлюбивших Христа, особым образом желаем соединиться с Ней. Мы стремимся к этому соединению с Божией Матерью, сохраняя всю верность древней традиции, уважая и любя при этом членов всех христианских общин.

И мы стремимся к этому, движимые глубочайшей потребностью веры, надежды и любви. Ибо на нынешнем трудном и ответственном этапе истории Церкви и человечества мы испытываем особую потребность обращения ко Христу, Господу Своей Церкви и Господу истории человечества в силу Тайны Искупления. И мы уверены, что никто другой не сможет ввести нас в Божественную и вместе с тем человеческую суть этой Тайны так, как это делает пресвятая Дева Мария. Никто другой, подобно Ей, не был введен Самим Богом в эту суть. В этом и заключается исключительный характер Благодати Божественного Материнства. Это Материнство является не только единственным и неповторимым в истории рода человеческого достоинством, но также и единственным по своей глубине и мере воздействия участием в Божественном Домостроительстве спасения человека посредством Тайны Искупления.

Материнское сердце Марии

Тайна сия как бы зародилась под сердцем Девы из Назарета, когда она произнесла "да будет". С этого момента Она своим девственным и вместе материнским сердцем, благодаря особому воздействию Духа Святого, постоянно следует по стопам Своего Сына; Ее сердце раскрыто всем, кого Христос обнял и постоянно обнимает своей неисчерпаемой любовью. Вот почему Ее сердце по-матерински неисчерпаемо. Отличительной чертой материнской любви, которую Богородица вносит в Тайну Искупления и жизнь Церкви, является Ее особая близость к человеку, к его жизни. В этом и есть тайна Матери. Церковь, которая с особой любовью и надеждой созерцает Богородицу, стремится к более глубокому усвоению Ее тайны. Ибо и в этом Церковь видит свое каждодневное поприще, которым является человек.

Предвечная любовь Отца, выразившаяся в истории человечества через Сына, Которого Отец отдал, "дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную" (Ин 3, 13), становится близкой каждому из нас благодаря Матери и принимает, таким образом, образ более близкий и доступный каждому человеку. И поэтому Мария должна

присутствовать на всех путях каждого дня жизни Церкви. Благодаря ее материнскому присутствию, Церковь приобретает особую уверенность, что живет жизнью своего Учителя и Господа, что живет Тайной Искупления во всей ее животворящей глубине и полноте. Церковь, укорененная в стольких различных областях живого человеческого взаимодействия, также приобретает основанную как бы на опыте уверенность, что она по-настоящему близка людям, каждому человеку, что она — Его Церковь : Церковь Народа Божьего.

Необходимость молитвы

Перед лицом тех задач, которые возникают на путях Церкви, на тех путях, которые столь ясно указал папа Павел VI в первой энциклике своего понтификата, мы, сознавая необходимость следования по этим путям и неизбежность ожидающих нас трудностей, тем более ощущаем потребность глубокой связи со Христом. Мощным эхом отзываются в нас слова, которые Он поведал нам : "Без Меня не можете делать ничего" (Ин 15, 5). Мы чувствуем не только нужду, но и непосредственный, мощный призыв к великой, усиленной, растущей молитве всей Церкви. Только молитва может содействовать нам в том, чтобы все эти великие задачи и сопровождающие их трудности не становились бы источником кризисов, но послужили на нынешнем этапе истории, в конце второго тысячелетия как бы основой все более обширных завоеваний Народа Божьего, движущегося к Земле Обетованной. И поэтому, заканчивая это размышление горячим и смиренным призывом возжаждать молитвы, я хочу, чтобы, молясь, мы, как некогда в Иерусалимской Горнице Апостолы и ученики Господа после Его Вознесения, оставались едиными с Марией, Матерью Иисуса (ср. Деян 1, 13-14). И прежде всего прошу Саму Небесную Матерь Церкви, чтобы в этом молении о новом Возрождении человечества она изволила пребывать с нами, образующими Церковь, или Мистическое Тело ее родного Сына. Надеюсь, что через молитву мы сподобимся соития Духа Святого на нас (ср. Деян 1, 8) и станем свидетелями Христа "даже до края земли" (там же), подобно Апостолам, собравшимся в Иерусалимской Горнице в день Пятидесятницы.

Да пребудет на вас всех Апостольское Благословение!

Дано 4 марта 1979 года, в Риме, у Св. Петра, в первое воскресенье Великого Поста, в первом году моего Понтификата.

Иоанн-Павел II, папа

Примечания

Документы Второго Ватиканского Собора, на которые чаще всего ссылается Иоанн-Павел II в энциклике Искушение человека :

В наше время : Декларация об отношении Церкви к нехристианскими религиями.

Достоинство человеческой личности : Декларация о религиозной свободе.

Желаемое обновление всей Церкви : Декрет о подготовке к священству.

Радость и Надежда : Пастырская конституция о Церкви в современном мире.

Свет народам : Догматическая конституция о Церкви.

Священный Собор : Конституция о Богослужении.

Слово Божие : Догматическая конституция о Божественном откровении.

В списке ссылок эти документы указываются по их начальным словам.

1. Из латинской пасхальной службы.
2. Ват. II, "Свет народам", 1.
3. Павел VI, Энциклика "Церковь Свою".
4. Указываем на главнейшие документы Понтификата Павла VI, им же цитированные в Слове в день Св. Первоверховных Апостолов Петра и Павла, 30 июня 1978 года. Энциклика "Церковь Свою"; Послание "Бездна богатства Христа" (1965); Энциклика "Таинство веры" (1965); Энциклика "Священническое безбрачие" (1967); Торжественная исповедь веры (1968); Энциклика "Человеческой жизни" (1968); Апостолическое наставление "Уже пять лет" (1971); Апостолическое наставление "Евангельское свидетельство" (1971); Апостолическое наставление "По-отцовски благосклонен" (1975); Апостолическое наставление "Евангельская проповедь" (1976).
5. Павел VI, Апостолическое наставление "Евангельская проповедь" (1976).
6. Ват. I, Догматическая конституция о католической вере "Сын Божий", канон III, О вере, №6.
7. Ват. II, "Свет народам", 1.
7. Ват. II, "Радость и Надежда", 2.
9. Там же, 22.

10. Там же, 37; "Свет народам", 48.
11. Ват. II, Декрет о миссионерской деятельности Церкви, 11; "Свет народам" 17.
12. Ват. II, "В наше время", 3-4.
13. Там же, 1-2.
14. Павел VI, Апостолическое наставление "Евангельская проповедь" (1976).
15. Павел VI, Энциклика "Церковь Свою".
16. Ват. II, "Радость и Надежда", 22.
17. Там же, 91.
18. Там же, 38.
19. Там же, 76.
20. Там же, 24.
21. Там же, 10.
22. Там же, 10.
23. Там же 38.
24. См. Ват. II, Декрет о средствах социального сообщения, 6; Ват. II, "Радость и Надежда", 74, 78.
25. Ват. II, "Свет народам", 10, 36.
26. Ват. II, "Радость и Надежда", 35; Павел VI, Энциклика "Прогресс народов", 14.
27. См. Пий XII, Речь по радио к пятидесятилетию обнародования энциклики Льва XIII " *Regum poenitentium* " (1 июня 1941 г.); Иоанн XXIII, Энциклика "Мать и наставница" (1961); Энциклика "Мир на земле" (1963); Павел VI, Энциклика "Церковь Свою" (1964); Речь на генеральной Ассамблее ООН (4 октября 1965); Энциклика "Прогресс народов" (1967); Иоанн-Павел II, Речь на третьей генеральной конференции латиноамериканского епископата (28 января 1979); Ват. II, "Достоинство человеческой личности"; "Радость и Надежда"; Синод епископов "О справедливости в мире" (1971). 28. См. Иоанн XXIII, Энциклика "Мать и наставница", 53 (1961); Энциклика "Мир на земле" (1963); Павел VI, Энциклика "Прогресс народов" (1967). 29. См. Иоанн-Павел II "Слово в Санто-Доминго" (25 января 1979); обращение к индейцам "кампесиносам" в Оаксаке (30 января 1979 г.); обращение к рабочим в Монтеррее (31 января 1979 г.).
30. См. Павел VI, Послание "По истечении восьмидесяти лет", 42, (1971).
31. Пий XI, Энциклика "Сороковой год" (1931); Энциклика " *Non abbiamo bisogno* " (1971); Энциклика "Божественного Искупителя" (1937); Энциклика " *Mit brennender Sorge* " , (1937); Пий XII, Энциклика "Верховного Первосвященства" (1939).
32. См. Ват. II, "Радость и Надежда", 31.
33. Там же, "Радость и Надежда", 22.
34. Исповеди, I, 1.
35. См. Ват. II, "Свет народам", 16.
36. Там же, 1.
37. Там же, 31-36.
38. Ват. II, "Слово Божие", 5, 10, 21.
39. См. Ват. I, Догматическая конституция о католической вере "Сын Божий", гл. 3.
40. См. Ват. I, Первая Догматическая конституция о Церкви Христовой "Вечный Пастырь"; Ват. II, "Свет народам", 25.
41. См. Ват. I, "Вечный Пастырь".
42. См. Ват. II, "Свет народам", 18-27.
43. Там же, 12, 35.

44. Бл. Августин, Слово 43, 7-9.
45. См. Ват. II, "Радость и Надежда", 47; Декрет о подготовке к священству, 15.
46. См. Ват. II, "Священный Собор", 10.
47. Ват. II, "Свет народам", 11.
48. См. Ват. II, "Священный Собор", 47.
49. См. Павел VI, Энциклика "Тайна веры".
50. См. Ват. II, "Священный Собор", 47.
51. Пий XII, Энциклика "Мистическое Тело" (1943).
52. См. Ват. II, "Свет народам", 1.
53. Там же, 36.
54. Там же, 63-64.
55. Павел VI, Заключительная речь третьего заседания II Ватиканского Собора (21 ноября 1964).
56. См. Ват. II, "Свет народам", 56.

ЕСТЬ ЛИШЬ ОДНА ЦЕРКОВЬ

Одно Царство – Один Пастырь
Иез 37, 15 - 28

Есть лишь одна Церковь; Она рождает нас и питает;
Дух Ее животворит нас.
Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец,
ибо вот Господне предостережение :
"Кто не со Мной, тот против меня,
и кто не собирает со Мной, тот расточает".
Следовательно, кто нарушает мир, Христово согласие,
тот идет против Христа;
кто стяжает вне Церкви,
тот раздробляет Христову Церковь.
И еще глаголет Господь :
"Отец и Я – Одно".
Можно ли поверить, что единство,
исходящее из такого божественного единодушия,
скрепленное небесными Таинствами,
может быть разорвано в Церкви
и рассеяно противоречащими человеческими произволениями ?
Кто не хранит это единство, тот не может исполнить закон Божий,
не может сохранить веру в Отца и Сына;
не может приобрести ни жизни, ни спасения.
Найдется ли преступник и невер,
настолько одержимый неистовством разделения,
что, возмечтав разорвать единство Бога,
дерзнет сам посягнуть на это единство,
Хитон Христов,
Церковь Христову ?
Не предостерегает ли, не учит ли нас Бог в Своем Евангелии :
"И будет одно стадо,
и один Пастух".
И неужели вы надеетесь устоять и остаться живыми,
покинув Церковь, чтобы утвердиться в ином месте
и строить свои дома в отдалении от Церкви ?
Для верующего нет иного обиталища, кроме единой Церкви;
на это обиталище, на это пристанище единомыслия
указует нам Святой Дух;
Святой Дух направляет нас к Церкви.
В Церкви Христовой обитает единство сердец,
в Ней же сердца сохраняются в согласии.

Святой Киприан Карфагенский

ВСТРЕЧА

ПАПЫ ИОАННА - ПАВЛА II

СО ВСЕЛЕНСКИМ ПАТРИАРХОМ

ДИМИТРИЕМ I

В период с 28 по 30 ноября 1979 года Папа Иоанн-Павел II совершил поездку в Турцию.

Ее главной целью была встреча с Вселенским патриархом Дмитрием I. Встреча состоялась 30 ноября, в день празднования памяти Андрея Первозванного, в Фанарском кафедральном соборе. На этой встрече было провозглашено открытие официального богословского диалога между Католической и Православной Церквями. В своем выступлении Иоанн-Павел II сказал, в частности, следующее :

”Моя поездка продолжает дело сближения, начатое Иоанном XXIII. Она также возобновляет столь памятное всем деяние моего предшественника Павла VI, который, как известно, в свое время направился в Иерусалим, где впервые произошло столь трогательное братское объятие между ним и Вселенским Патриархом Афинагором. Тогда же, на том же самом месте, где совершилась тайна Искупления ради объединения разбросанных повсюду детей Божьих, произошел и первый устный диалог между Папой и Вселенским Патриархом. Затем, около двенадцати лет тому назад, в Константинополе состоялась повторная встреча между ними. Позднее Патриарх Афинагор, в свою очередь, посетил Папу, приехав для этого в Рим. Ныне эти великие люди покинули нас и соединились с Богом. Они исполнили свое служение. И тот, и другой как бы с нетерпением стремились к полноте общения, желая его осуществить уже при своей жизни. Что же касается меня, — то я не хотел более медлить и прибыл к вам, чтобы молиться вместе с вами и у вас. Среди других моих апостольских поездок, уже совершенных или же намеченных, нынешняя является особенно важной и неотложной. Имею дерзновение надеяться, что смогу опять молиться с Его Святейшеством Патриархом Дмитрием I, на этот раз у могилы Апостола Петра. Стоя перед Богом и перед всем

Божьим народом, мы с Патриархом Дмитрием I хотим высказать все наше нетерпеливое желание объединиться.

На протяжении почти целого тысячелетия обе Церкви-Сестры возрастали вместе, воплощая собой две великие живоносные и взаимодополняемые традиции Единой Церкви Христовой. Наши Церкви не только поддерживали мирные и плодотворные отношения, но и заботились о том общении в вере, молитве и любви, необходимость которого, несмотря на различные мироощущения, для них всегда была очевидной. Второе же тысячелетие, наоборот, омрачилось, несмотря на некоторые краткие проблески, тем взаимным отчуждением, которое возникло между двумя Церквями, со всеми вытекающими из этого пагубными последствиями. Рана до сих пор еще кровоточит. Однако Господь может исцелить ее. Он призывает нас помочь Ему в деле исцеления этой раны. Ныне мы находимся в конце второго тысячелетия. Не пора ли нам ускорить шаг в направлении к совершенному и братскому примирению, для того чтобы Заря третьего тысячелетия встретила нас рядом друг с другом в полном общении и свидетельствовании о спасении Христовом перед лицом всего мира, для евангелизации которого столь необходим этот знак единства”.

Вселенский Патриарх Дмитрий I, отвечая Папе Иоанну-Павлу II, сказал, в частности, следующее :

”Святейший Брат Наш!

Второй день мы принимаем Тебя здесь, в нашем смиренном доме. Исполненный добра, Ты несешь нам благовест мира – Христова мира – и благие плоды Христова мира.

Так же как и ты, мы желаем и ищем блага и мира для Церкви и людей. И ныне мы встретились в общем стремлении к этой святой цели. В Иерусалиме, здесь и в Риме, стремясь к общей цели, встречались наши великие предшественники – блаженной памяти Папа Павел VI и Вселенский Патриарх Афинагор. Ради этой цели Церкви вышли из обособления, преодолели взаимное отчуждение – чтобы не сказать : вражду – и встали на путь, ведущий к сближению и примирению. И ради той же цели мы сняли взаимные анафемы; с тех пор, общаясь в любви и доверяясь воле Господа, Учителя и Отца мира, который желает нашего единства (Ин 17:21), укрепляет нашу храбрость, терпение, мудрость, надежду, мы прошли за сравнительно короткий срок длинный путь и пришли к нынешнему положению вещей. Воскресший Иисус присутствовал среди нас во время нашего шествия по этому пути. В этом шествии Он сопровождал нас даже до преломления Хлеба. Ради этого полного общения и преломления Хлеба мы вместе продолжили наш путь до нынешнего дня; и Твоим поистине символическим, исполненным глубокого смысла присутствием

на литургии Константинопольской Церкви, открывается для всех нас новый, исключительно важный этап в развитии отношений между двумя Церквями.

Святейший Брат Наш!

Обе наши Церкви – Римско-Католическая и Православная – которые мы сегодня здесь представляем, другие Церкви и христианские конфессии, другие религии и вообще люди всего мира находятся в ожидании, желая понять значение сегодняшней встречи для нашего общего движения на пути к христианскому единству, встречи, которая осуществилась благодаря Твоим столь многочисленным усилиям.

С помощью Божьей мы оба вместе можем ответить на это ожидание и сказать ныне, что началась новая эра в развитии братского общения между двумя Церквями. Эта эра, серьезная и важная, повлияет на все наше движение к цели, стоящей перед нами, то есть к единству. Мы вступаем в новую эпоху, эпоху официального богословского диалога, между Римско-Католической и Православной Церквями.

В обстановке любви общими усилиями была начата общая подготовка. Эта подготовка осуществлялась посредством многообразных церковных обменов и постановлений и была продолжена работами в специальных Комиссиях. И теперь наши Церкви счастливы объявить, что они обе официально назначили две богословские Комиссии, представляющие собой смешанную богословскую Комиссию, которая будет работать на основе повестки дня, подготовленной и одобренной обеими Церквями для первого этапа диалога. Работа этой Комиссии начнется в ближайшее время.

Это решение и является конкретным результатом нашей сегодняшней встречи.

Христиане других Церквей и конфессий могут задать нам следующий вопрос : является ли этот диалог между Римско-Католической и Православной Церквями, начало которого мы сегодня благословили, нашей конечной целью?

Отвечая на этот вопрос, мы оба можем сказать – нет. Более того, мы можем сказать, что нашей главной и конечной целью является не только единство наших двух Церквей, но и единство всех христиан в одном Господе и в одной Чаше.

Если же некоторые нехристиане зададут вопрос о смысле этого христианского единства применительно к ним, т.е. образует ли такое единство некую коалицию и христианский фронт против нехристиан, – мы ответим, что христианское единство, к которому мы стремимся, не будет обращено против кого бы то ни было, но скорее станет положительным служением на благо всех людей, независимо от их пола, национальности или расы, религии, а также их социального положения, в соответствии с основополагающим христианским

принципом : "Нет уже ни Иудея, ни Эллина, ни раба, ни свободного, ни мужчины, ни женщины" (Гал 3, 28)".

В конце этой встречи была обнародована общая Декларация, в которой Папа и Патриарх объявили об открытии богословского диалога между Римско-Католической и Православной Церквями. К Декларации был приложен список лиц, вошедших от обеих Церквей в Объединенную Смешанную Богословскую Комиссию.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ В ИСПАНИИ

Путевые впечатления

Др. Роберт ХОЦ, Цюрих

Иберийский полуостров представляет собой как бы некую сложную мозаику, настолько разнообразную, что трудно составить общую картину. Провинции Испании, большей частью отделенные одна от другой горными хребтами, различаются не только климатическими и географическими условиями, но и историей и культурой. Каталонцы и галисийцы, баски и андалузийцы разделены не только расстояниями в 800 километров, но и языком и бытом. Несмотря на это, Испания представляет собой некое целое благодаря Пиринеям, обособляющим ее от остальной Европы и предоставляющим ей простор для самобытного исторического развития, а также благодаря католической Церкви, которая в продолжение целого тысячелетия была главной объединяющей силой ее истории.

Уже Апостол Павел намеревался отправиться с проповедью в Испанию, а христианские общины процветали там с самого начала первохристианских времен. На их развитии отражались также некоторые влияния, идущие из христианской Африки. К началу V века до Испании докатилась волна великого переселения народов. Вслед за аланами, свевами и вандалами явились вестготы, которые подчинили себе всю страну. Господство вестготов, которые, как известно, были арианами, привело у завоеванных к слиянию национального и религиозного самосознания в такой степени, что к концу VI столетия и завоеватели-вестготы присоединились к католической Церкви. Расцвет этой воссоединенной Церкви был, однако, кратковременным.

Тот факт, что Испания у Гибралтарского пролива отделена от Северной Африки всего 13 километрами, сделал ее в VIII столетии идеальным местом для вторжения сил Ислама. Началось владычество мавров. Только в горных районах Астурии и Галисии христиане смогли отстоять свою независимость. Отсюда начали они Реконкисту

(т.е. отвоевывание), которая в 1492 году, когда пала Гренада, закончилась полной победой. Во многих испанских церквах до сих пор можно увидеть в орнаментах на стенах и утвари плоды граната, напоминающие об этом славном событии.

Однако и в областях, поработанных маврами, удержалось христианское меньшинство, так называемые мозарабы, чей старинный богослужебный обряд, по которому еще сегодня служат в некоторых церквах, в том числе в одном из приделов Толедского кафедрального собора, представляет собой памятник вестготских времен и ценнейший источник для изучения истории литургии.

В период Реконкисты Испания была настоящим форпостом христианского мира в борьбе против натиска Ислама. Так возник этот своеобразный и типично испанский союз Церкви и государства, союз, в котором оба участника преследовали одну и ту же цель, – изгнание мавров. В результате установилась некая церковная государственность, при которой епископы выполняли обязанности местных князей, а короли вели почти монашескую и аскетическую жизнь. Мистицизм и фанатизм то соперничали между собой в борьбе за первенство, то выступали вместе. С XIII века как церковным, так и государственным орудием власти стала инквизиция. Ее главными жертвами оказались прежде всего евреи, которые, как, впрочем, и мавры, внесли весьма существенный вклад в испанскую культуру. Вслед за изгнанием мавров последовало изгнание тех евреев, которые отказались креститься.

Окончательная победа над маврами создала предпосылки к образованию объединенной Испании, которая до тех пор состояла из нескольких отдельных королевств. Наступил "золотой век", эпоха расцвета искусства и науки. В только что открытых странах Нового света испанское миссионерское рвение в его двойной государственно-церковной форме нашло себе широкое поле деятельности. При Карле V Испания стала мировой державой и ведущей политической силой в католическом мире; Папа даровал ее государю широкие права покровителя церкви. Достаточно взглянуть на огромные гербы знатнейших испанских родов на церквах, чтобы понять, что в те времена оплотом Церкви была именно государственная власть. И вполне понятно также, что высшее духовенство выходило из рядов знати. Возможно, что по этой причине члены богатых и влиятельных капитулов устанавливали свои сиденья посреди собора напротив главного престола, к которому вел проход, окруженный деревянными баллюстрадами или коваными решетками, которые, как бы художественно они ни были исполнены, образовывали для каноников своего рода "львиную клетку", обеспечивавшую им полную свободу передвижения во время чтения правила и одновременно

обособлявшую их от простого народа. В результате этого еще и теперь во многих испанских кафедральных соборах центральная часть храма предназначена исключительно для каноников, а богослужение для народа совершается в боковом приделе, так называемой parroquia. Так архитектура отражает клерикализм церковной верхушки. Лишь в кафедральном соборе города Туи на португальской границе эта проблема решена была по-другому : сидения каноников перенесены за главный престол, и таким образом собор стал опять местом молитвы для всех верующих.

Паломничество – первый промысел Испании

Вся Испания несет на себе отпечаток не только Реконкисты, но и характерной формы средневекового благочестия – паломничества. Уже в эпоху раннего средневековья город Сантьяго-де-Компостела, где почитались мощи Апостола Иакова Старшего, привлекал толпы паломников со всей Западной Европы. Св. Иаков считался патроном Реконкисты и таким образом своего рода ”военачальником священной войны” в борьбе христианства против Ислама. При этом характерно, что в Сантьяго шли не для испрашивания чуда, как, например, в Лурд, а ради приумножения веры.

Эти потоки паломников способствовали развитию в Испании настоящего промысла по обслуживанию чужестранцев. На узловых пунктах путей, по которым шли паломники, наряду с великолепными церквями и соборами возникали также огромные дома. Особенно много их строилось в течение богатого XVI столетия. Огромное и роскошное сооружение – королевский странноприимный дом в Сантьяго – с четырьмя внутренними дворами, охваченными двух-ярусными галереями, в настоящее время используется в качестве первоклассного отеля, равно как и монастырь Сан Маркос в Леоне, построенный рыцарями ордена Св. Иакова. Этот орден был основан уже в XII веке, имел целью именно защиту паломников и стал влиятельнейшим монашеским орденом.

Хотя королевский странноприимный дом в Сантьяго и превратился в современную гостиницу ”Лос Рейес Католикос”, в нем сохранились некоторые прежние традиции. Так, входя в вестибюль, посетитель гостиницы прежде всего видит две огромные церковные кружки для сбора пожертвований на бедных. Вторая традиция – настоящий паломник имеет право на бесплатный стол. Еще и сегодня с благоговением прикасаются паломники к Столпу Св. Иакова и прикладываются, как это делали миллионы людей до них, к готической статуе святого, находящейся за главным алтарем, хотя надо сказать, что статуя в своем барочном серебряном одеянии более походит

теперь на какое-то индейское божество войны, чем на христианского святого. Паломничества сохраняют свою популярность и в настоящее время, особенно если речь идет о местах почитания Богоматери.

Почитание Богоматери

Перечисление мест, связанных с почитанием Богоматери, заняло бы целые страницы. В любом испанском городе имеется несколько церквей, посвященных Пресвятой Деве. Культ Богоматери имеет в Испании многовековую традицию, восходящую к Толедским соборам. В Испании, как нигде, народное благочестие выражается в этом благоговении перед Пресвятой Девой, или, как чаще говорят испанцы, Владычицей нашей. По преданию, Богородица явилась св. Иакову еще при жизни, 2-го января 40 года после Р.Х. в Сарагосе, где ей впервые был посвящен христианский храм.

Еще недавно большинство испанских девочек при крещении получало имя Мария, к которому присоединялось второе имя, обычно связанное с каким-либо богородичным праздником или местом паломничества : Мария Концепсион (Зачатие), Долорес (Скорбящая), Асунсион (Успение), Эсперанца (Упование) и др.

Ни одна религиозная процессия не обходится без статуи Богоматери. Ее несут, всю в цветах, или везут на особой колеснице. Покровительница Гранады, Нуэстра Сеньора де лас Ангустиас, удостоивается даже воинских почестей, статуя ее охвачена красным генеральским поясом, и ей присвоено звание верховного главнокомандующего сухопутных, морских и воздушных сил. Это может показаться смешным, но здесь чувствуются глубокие исторические корни. Еще живо воспоминание о тех временах, когда под стягом Господа, Его Матери и святых испанцы шли на войну для защиты своей веры. Гранада, как известно, дольше всего находилась в руках мавров; взятием Гранады закончилась Реконкиста.

Даже поверхностный наблюдатель не может не заметить, каким глубоким мистическим чувством проникнуты массовые уличные шествия на церковных праздниках. Покаянные одежды, в которых идут члены различных братств, могут показаться просто чем-то фольклорным, но все, кто их носит, прекрасно сознают их глубокое значение. Организация этих процессий и участие в них еще совсем недавно считались своего рода привилегией. До сих пор на объявлениях, оповещающих о процессиях, значится имя "высокочитимого дона такого-то", который понесет хоругвь храмового святого.

Почитание Девы Марии, достигшее к началу XVII века в Испании наивысшего расцвета, непрерывно живет в народе и по сей день.

Со стороны может показаться странным, когда, например, в Сарагосе матери высоко поднимают маленьких детей, стараясь как бы укрыть их под мантией стоящей на Столпе Богородицы, так называемой Нуэстра Сеньора дель Пилар. Считается, что это поможет им сохранить невинность и чистоту в продолжение всей жизни.

Не менее живописны ежегодные народные представления в церкви города Эльче. В честь Успения Богородицы там разыгрывается музыкальная драма, восходящая к XIII веку и окончательно оформленная в XVI. Песнопения все еще исполняются на старом лимузинском наречии. На сцене появляются все силы небесные и даже сама Пресвятая Троица на фоне аксессуаров в стиле позднего средневековья. Теология тут вовсе ни при чем. Вместо того чтобы вознестись на небо, Божья Мать получает обратно свою душу, с тем чтобы лишний год прожить на земле – царицей своих верных детей. И это венчание на царство, точнее, момент, когда сверху на Нее спускается тяжелейшая корона, является завершением торжества, переходящего затем в шумное народное гулянье.

Есть обычаи, в которых отражаются давние догматические споры. В Каталонии зачастую можно услышать приветствие : "Ave Maria purissima" (Радуйся, пречистая Мария), на которое следует ответ : "Непорочно зачатая!" Как известно, испанцы были первыми поборниками догмата о "Непорочном зачатии Девы и Богородицы Марии", впоследствии провозглашенного Папой Пием IX в 1854 году. Вот почему Испания имеет следующую привилегию : в день этого праздника, 8 декабря, мессу совершают в облачении голубого цвета, хотя вообще он в латинском обряде не принят.

Реализм и экстаз

Было бы неправильным сводить испанское народное благочестие только к культу Девы Марии. Почитание святых и, конечно, Самого Христа имеет не менее важное значение. В особенности поражают так называемые "кальварии". Это изображение страстей Иисуса, которые часто передаются с ужасающим реализмом. Созерцая такие сцены, поневоле поверишь легендарной истории об андалузском художнике, который решил присутствовать при агонии одного из своих сограждан, чтобы затем более реалистично изобразить страдающего Христа. Беззаботный языческий гедонизм Ренессанса имел в Испании гораздо меньший отклик, чем вдохновленное христианством представление о бренности земного существования, борьба духа с плотью и победа духа через преображение плоти. Таким образом, эта глубокая религиозная идея находит свое художественное выражение в образах, идущих от предельно реалистического изображе-

ния страданий и смерти к полному апофеозу в мистическом изображении, как, например, у Франсиско Сурбарана.

Испанское благочестие всегда выражается в сочетании крайностей : посясторонняя борьба и потусторонний покой, тут умерщвление плоти и отречение, там восторжение и экстаз; на земле страдание и смерть, на небе преображение. Мостом между этими противоположностями служит искупление через Вочеловечившегося и Его Церковь, место соприкосновения мира здешнего с нездешним. То же самое отражают и восходящие к началу XVII века мистерии о Страстях Господних, разыгрываемые в селе Эспаррегере. Поистине в испанской религиозности, как вообще в этой стране, сходятся самые крайние противоположности, что придает испанской духовности нечто величественное и в то же время иррациональное. Это сочетание отразилось, например, в облике огромного Барселонского собора, проект которого создан архитектором Гауди. Собор начали возводить еще в 1911 году, но пожертвования на строительство поступают до сих пор. Колоссальное здание до сих пор еще не закончено; оно, несомненно, выглядит впечатляюще, но, при всем своем современном облике, кажется каким-то вневременным и ирреальным. В нем еще чувствуется та динамика веры, которой совершенно нет в другом подобном сооружении, — храме, который был высечен в скале в Валле де лос Каидос по инициативе генералиссимуса Франко. Этот собор кажется как бы надгробным памятником испанской государственной церковности. Многолетний союз Церкви и государства, и с религиозной, и с политической точки зрения мотивированный наличием общих целей, одновременно усиливал и ослаблял обоих его участников. Сначала Церковь и государство шли рука об руку, но с течением времени эта связь настолько усилилась, что стала бременем для обеих сторон. Великий миссионерский подъем, вызванный открытием Америки, в результате столкновения разного рода политических и экономических интересов пошел на спад. А в самой Испании религиозно-политический подъем тормозился инквизицией. В освободительной борьбе против наполеоновской Франции Церковь и государство сблизились, хотя этому мешали идеи Просвещения. Таким образом, получилось, что Испания оказалась в XIX веке оплотом ультраконсервативности, из-за которой, например, ушел в изгнание такой прозорливый и правдивый обличитель, как художник Гойя.

Затем государство во имя промышленного либерализма стремилось ослабить позиции Церкви, закрывая благотворительные церковные организации, отчуждая их имущество и переводя духовенство на государственное жалование. Благочестие стало внешним, а Церковь как бы застыла в пышном облачении своего прошлого. Такая политика морально ослабляла Церковь в течение всего XIX века.

Разъединение крайностей

Церковь жестоко поплатилась за то, что позволила государству превратить ее в своего наместника. Когда государственность в своих старых формах рухнула, в этот распад была вовлечена и Церковь. В результате победы Народного фронта на выборах 16 февраля 1936 года в обездоленных рабочих слоях произошел уже ранее назревший взрыв антиклерикализма. В гражданской войне, которую обе стороны вели, хотя и под разными стягами, но с одинаковым, чисто испанским рвением, как будто это был своего рода крестовый поход, Церковь тоже тяжело пострадала : погибло 7300 священников, студентов семинарий и монашествующих.

Какой мрачной иронией судьбы кажется тот факт, что Франко удалось совершить свой переворот под лозунгом "за Церковь и Отечество" как раз при помощи мавританских войск! В некоторых местах приходилось спешно завешивать настенную живопись и иконы, на которых были изображены испанские святые, попирающие отрубленные головы мавров в знак торжества христианства.

Естественно, что при таких обстоятельствах победу Франко приветствовала большая часть церковных кругов. Католической Церкви возвращены были ее старые права и привилегии. Но вместе с этим она вновь оказалась под угрозой вернуться к унижительной роли наместника правительства. По мере того как уходила в прошлое память о гражданской войне, внутри испанского духовенства стали намечаться две противоположные тенденции, окончательно оформившиеся в начале шестидесятых годов. В то время как высшее духовенство и старшее поколение священников были за сотрудничество с государством, низшее духовенство и особенно молодые священники выступали за разграничение светской и духовной властей и за более активное участие Церкви в социальной борьбе, тем более, что низшее духовенство выходило преимущественно из народных низов.

Эта вторая группа значительно окрепла благодаря Второму Ватиканскому Собору. Дело доходило до открытых столкновений, в которых немалую роль играла и политика, поскольку второе направление не скрывало своих социалистических симпатий.

Отчет кардинала Энрике и Таранкона

К двенадцатилетию испанских епископских конференций мадридский кардинал-епископ Висенте Энрике и Таранкон, определенно принадлежащий к прогрессивному крылу, представил в феврале 1978 года отчет, заслуживающий внимания. Там говорится, что при

постепенном введении реформ необходимо учитывать характер народа и местной Церкви. "Особенности нашего положения требовали учета многочисленных факторов. Нам приходилось считаться с психологией масс и применять очень простые воспитательные методы — ведь реформу следовало проводить так, чтобы не травмировать простой народ и не возбуждать его недовольства. Мы также должны были учитывать сложившуюся у нас общественную ситуацию и не порывать с существующими традициями".

Некоторая медлительность в проведении реформ вызвала протест в священнических кругах и известных слоях мирян. Потребовалось ускорить дело. При этом Церкви приходилось действовать в обстановке, которая с политической точки зрения была в тот момент крайне тяжелой. "Церковь предприняла эти усилия, считаясь с существующими институтами и всячески избегая превратиться в какую-либо политическую оппозиционную силу, ибо это не соответствовало бы ее сущности как Церкви. Но в то же время она не отступала от своего долга быть критической совестью общества, ибо считала критику самой лучшей формой сотрудничества с испанским обществом, хотя это не всегда было по нраву некоторым правящим кругам".

В целом итог, если судить по отчету, оказался положительным, хотя кардинал и не преминул напомнить "о горьких и тяжелых днях". Теперь эти трудности более или менее остались в прошлом, но их последствия еще чувствуются. Ведь ситуация была столь напряженной, что вызвала раскол внутри целых монашеских орденов (даже у иезуитов) и повлекла за собой необходимость некоторых реорганизаций.

"Прогрессисты" (будем называть их так) были, конечно, правы, заявляя, что для ослабления антиклерикальных настроений среди рабочих масс и для возвращения их в лоно Церкви необходимо подлинное отделение Церкви от государства. Однако своей односторонней ориентацией на одну лишь социально-политическую деятельность они давали повод к вполне справедливой критике со стороны противоположного лагеря. Впрочем, иностранные туристы часто удивляются тому, что и так называемые "традиционалисты" далеко не всегда с должной заботой относятся к культурным ценностям, которыми они как будто так дорожат. Прямо-таки возмущает небрежность, с какой хранятся ценнейшие документы, старые картины и драгоценные скульптуры. Редчайшие гобелены покрыты пылью, целые храмы разрушаются, и даже внутри церквей некоторые мало освещенные места превратились в свалки всякого хлама. Все это свидетельствует о явном непонимании ценностей прошлого. К сожалению, это непонимание распространяется вообще на старые нравы и обычаи и, может быть, даже на все формы народной религиозности.

Недооценка народной религиозности

Многие испанцы решили перенести политическую демократизацию последних лет в область своего религиозного поведения. В первую очередь это относится к младшему поколению, быстро эмансипировавшемуся от тех религиозных принуждений, которые еще совсем недавно были характерны для Испании. По новейшим статистическим данным, посещаемость воскресных богослужений колеблется, в зависимости от района, между 15 и 70 % населения. Старая Кастилия, Леон и страна басков остались настоящими цитаделями религиозной жизни, тогда как в Барселоне и Мадриде процент людей, активно участвующих в церковной жизни, наиболее низок. Как стародавняя легенда воспринимается рассказ о том, что еще совсем недавно люди благоговейно приостанавливались, когда священник в облачении шел по улице, неся умирающему святое Причастие. Все становились на колени, услышав, как сопровождающие его прислужники звонят в колокольчики. И еще в начале века спектакли в барселонской опере прерывались на то время, пока с улицы доносился этот звон.

Неизменный спутник индустриализации, обмирщение, затронуло также испанское общество. Экономический подъем шестидесятых годов сопровождался ростом практического материализма и религиозного индифферентизма. Желавших стать священниками стало меньше. Бывает, зайдешь в большой монастырь и с трудом отыщешь двух-трех оставшихся монахов. Когда я раз спросил одного старого фраскисканца, куда подевалась молодежь, он развел руками: "Ищут своих собственных путей – в ад".

Очень сомнительно, чтобы средства, предлагаемые прогрессивным крылом духовенства, могли улучшить положение. В то время как в католической Церкви постепенно все больше внимания уделяется чувству народной религиозности, многие из "прогрессистов" относятся к этому чувству с пренебрежением. Они ратуют только за прямую общественную и политическую деятельность. В результате в последнее время стали исчезать старые традиции, которыми была проникнута вся жизнь страны (например, обычай справлять одновременно и церковные, и народные праздники). Совершенно ясно, что вследствие этого Церковь теряет популярность и притягательную силу.

Новые пути еще не найдены, и еще не удалось точно разграничить Церковь и государство. Как с церковной, так и с государственной стороны действуют некоторые силы, тяготеющие к прошлому. Испанская Церковь перестала быть тем связующим политическим началом, которым она была прежде. Возврат к старому невозможен. Применение к новым условиям жизни ставит перед испанской Церковью еще много проблем. Дух величия остался, но он всего лишь отражение былой мощи.

АРХИВ
СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

ПИСЬМО И. С. ГАГАРИНА

Ю . Ф . САМАРИНУ

Москва. 24 августа / 5 сентября 1842.

Мой друг, я на время оставляю начатый труд, откладывая в сторону книгу Г. М. и отвечаю на твое письмо. Почитаю необходимым войти в некоторые подробности, чтобы в последствии не было между нами недоразумений и чтобы яснее выразить то, что вероятно осталось темным в моих письмах, потому что ты меня не совершенно понял.

Я никак не предполагаю в тебе безусловного верования в разбираемую книгу ; я знаю что Восточная Церковь не отвечает за нее ; но я прошу тебя не терять из виду, по какому поводу я принялся писать на нее опровержение. В сей книге, автор рассматривает отношение Церкви к Римскому Епископу от времен апостольских и домогается доказать что осталась верному преданию Церковному, не та Церковь, которая признает Римского Епископа своею главою, но та, которая отвергает его власть. — Не нашедши в П р а в д е ни одного доказательства против власти Римского Епископа, так как католическая Церковь признает оную, я взялся разобрать все доказательства, на которые мнит опираться Г. М. и показать их ничтожность. Тебя я призываю быть судьей и решить удалось ли мне убедить тебя, или доказательства Г. М. остались ли невредимыми в твоих глазах. Следовательно, ты судить будешь единственно мои письма и книгу Г. М. и ты всегда остаешься вольным возобновить вопрос под другим видом.

Что же касается до властолюбия Пап, я очень знаю, что кто не признает что власть преемников св. Петра установлена Богом, тот должен почитать оную изобретением человеческим и что человеческое не носит на себе клеймо греха и страстей. Но в том-то и вопрос : изобретение ли оно человеческое или нет. Мое замечание не падает на то что упрек несправедлив с точки зрения автора, но на то что он ничего не

доказывает и что даже смотрел на сию власть как на изобретение человеческое, обвинение в властолюбии не изъясняет почему сия власть была и есть признана Церковью католическою и народами к ней принадлежащими. Впрочем, мне кажется, что в этом отношении, ты со мной согласен; но здесь, ты отделяешься от нашего автора и предлагаешь свое личное толкование, которое я никак не могу пропустить без примечаний.

Ты извиняешь властолюбие лиц, но указываешь на какое-то другое властолюбие, о котором ты говоришь, что оно "как одно из проявлений формализма, в другой сфере искажившего Христианство как учение в догматах, вошло в склад Западной жизни и вошло "на всегда".

Нет, как скоро в твоих глазах власть Римских Епископов основана единственно на человеческих началах, ты не можешь извинять людей, служивших ей орудием ! Нет, смело скажу, грех на народах Запада, грех на их учителях, грех на волках в одежде пастырей, если они сотворили себе кумир от своей мысли человеческой и дерзнули поставить ее выше слова Божия ! Когда настанет страшный день Суда, исчезнут суетные мудрования людские ; но останутся дела и горе тем, у которых спросит Христос куда они дели вверенное им стадо!

Как ! более семи веков, народы Запада блуждают вне путей истины, не довольные занимать населеннейшие страны Европы, они переплыли моря, на берегах Океана, на островах Тихого Моря, кругом целого земного шара, они распространили с своими мыслями, с своими нравами, свое и с к а ж е н н о е Христианство и нет греха на виновников погибших толикого множества душ !

Ты говоришь что виновники — не люди ; что в памяти народов Запада сохранилось какое-то темное воспоминание о Римской державе, что над ними несетя сия огромная тень, закрывающая от них врата Рая !

Но ты забываешь что Бог сошел с небес на землю, облекся в нашу плоть и на кресте, Своєю кровию, искупил род человеческий ; ты забываешь что Он всех грешников зовет на покаяние и всем предлагает прощение ; ты забываешь, что роковая необходимость не тяготеет ни над каким из слов Адама ; ты забываешь что Бог правосуден и человек свободен !

Но посмотрим, на чем же ты основываешь такое не христианское учение ? ты говоришь утвердительно что "в основание католицизма легла та мысль, что единство веры необходимо влечет за собою единство политическое, или лучше сказать, что Церковь должна явиться Государством".

Действительно, сия мысль являлась в мире и глубокий след ее видим донныне ! Но не на Западе она показалась ; на Востоке, в стра-

нах Аравийских, Магомет положил ее основанием своей державы и преемники его, Калифы наследовали равно власть мирскую и власть духовную. Никто, так совершенно как Магомет, не осуществил мысли тождества Церкви и Государства, но и на Западе Европы были явления такого же рода, хотя с значительными изменениями. Сладострастный и кровожадный Генрих VIII объявил себя главою английской церкви и духовный скипетр его, после распутной Елисаветы и сумасшедшего Георгия III, перешел в наше время, в руки молодой королевы Виктории. Достаточно сих примеров, не станем искать других.

Но есть ли что-нибудь подобное в мире Католическом? Папа есть ли мирской властелин католических народов? Он ли пишет законы, заключает договоры, объявляет войну? мысль Государства и Церкви слита ли в одно? В продолжении полувека, Государства, с законами, с постановлениями, с Царскими домами, рушились друг за другом; рушилась ли за ними Церковь? и если Церковь осталась неподвижна, можно ли сказать что Государства повинуются одному с ней закону? ты мне укажешь на Средние Века? что же я вижу? борьбу вековую между властью духовною и властью светскою; следовательно, они обе существовали, если они боролись одна с другою. И которая победила? которая уничтожила соперницу? не надобно ли переделать всю историю, чтобы в мире католическом Церковь была Государством?

Впрочем, здесь не дело о сношениях власти духовной с властью светскою, но единственно о догмате католической Церкви, обязывающем признавать в Епископе Римском, не всемирного Государя, а наместника Христова и видимую главу Церкви и я утверждаю что сей догмат не есть изобретение человеческое, следовательно не плод властолюбия. Вот что разбор Правды должен доказать и, надеюсь, докажет. Ныне же я полагаю что убедил тебя в том что обвинение во властолюбии не изъясняет почему Папы были признаны главою Церкви.

Перейдем к другому вопросу: справедливо ли обвинять католическую церковь в равнодушии к догматам ей самою проповедуемым, потому что она позволила Униатам читать Символ веры с упущением слова *filioque*? Ибо я должен тебе напомнить что единственно в сем отношении я говорил о догмате исхождения Св. Духа, никак не думал входить в сущность предмета. Мне кажется что ты меня не понял; постараюсь быть яснее.

Готов ли ты согласиться, что Восточная Церковь искони признавала в Епископе Римском главу Церкви и что она отвергла его власть тогда только когда произошли несогласия в других предметах веры? — нет, ты на это согласиться не можешь, потому что вся книга Г. М. написана в опровержение сего предложения. Но если ты на это не со-

гласен, ты должен согласиться на то, что если бы и во всех прочих предметах не было бы никакого разногласия между Восточною и Западною Церковью, кроме догмата о Папе, вся Восточная не признавала бы Епископа Римского главою Церкви и следовательно не было бы между ними единства. Признать Папу главою Церкви, значит признать истинною ту Церковь, которой он глава, следовательно признать все ее догматы. Из сего очевидно следует что тот кто признает Папу главою Церкви, тот тем самым находится в Церкви Католической ; а кто его отвергает, тот вне Церкви Католической. А вне Церкви нет спасения ; следовательно Христианская любовь к ближнему и желание его спасения достаточно изъясняют почему Церковь прежде всего требует признания Папы главою Церкви.

Поэтому я не могу понять как ты говоришь что сей вопрос не существенный. Признать догмат Католической Церкви, обязующий признавать Папу главою Церкви, следовательно признавать, что кто не в общении с Папою, тот вне Церкви, и отделиться от сей главы, то есть, по собственному признанию, выйти из Церкви, по случаю какого-нибудь другого догмата, есть явное противоречие !

Сверх того, принятие Униатов в Католическую Церковь было основано на Флорентийском Соборе ; следовательно, Униаты, признавали Флорентийский Собор, на котором все причины разделения были упомянуты и объяснены и в особенности исхождение Духа Святого от Сына ясно признано. Кажется, это достаточно доказывает что нет различия в догматах между Униатами и католиками Латинского обряда. Но ты скажешь мне, почему же не требовала Католическая Церковь чтобы Униаты произносили слова : *filioque*? ты утверждаешь что слова : "о т о т ц а и с х о д я щ а", по общему смыслу сего члена Символа, равносильны словам : "от Отца, но не от Сына исходяща". Я убежден в противном. Но положим на минуту что ты прав ; все должен ты согласиться что Церковь Католическая иначе понимает сей член Символа нежели ты, поелику она сама его долго читала без слов *filioque* , ныне читает с сими словами и убежден что не изменила его смысла. Следовательно, по крайней мере в глазах католиков, сие различие в словах не влечет за собою необходимо различие в вере.

Не забывай, что я здесь никак не имею намерения рассматривать исходит ли Дух Святой от Сына или нет ; положим что не исходит, положим что догмат утверждаемый словами *filioque* — ложен ; но и в таком случае, можно будет укорять Церковь Католическую в ложном учении, но не в равнодушии к догмату. — Вот вопрос, и он мне кажется решен в пользу Католической Церкви.

Но войдем еще в некоторые подробности. Признаешь ли ты Папе право прибавить к Символу, определенному Собором Вселенским, какое-нибудь слово, даже справедливое и согласное признанным догма-

том ? — нет, следовательно от того что ты отвергаешь слова *filioque* , нельзя доказать что ты отвергаешь догмат о исхождении Св. Духа и от Сына. Но ты мне скажешь, могут быть другие доказательства. Без сомнения, могут быть ; но их нет, нет в Восточной Церкви догмата, обязывающего каждого верить что Дух Святой не исходит от Сына ; Восточная Церковь никого не может уличить в ереси, потому что она не отрицает исхождения Св. Духа от Сына. Следовательно и в Католической Церкви, Униат, признавший Папу Главою единой, святой и апостольской Церкви, признавший Собор Флорентийский, не отрицает исхождения Св. Духа от Сына, потому что он читает символ веры без *filioque* . Какое же тут равнодушие к догматам, когда они в самом строгом смысле одни и те же.

После сих объяснений, перечти мое первое письмо и я думаю что ты убедишься что я никак не оспариваю у Восточной Церкви, с ее точки зрения, право отвергать прибавление слова *filioque* ; напротив, я твердо убежден в том что, с точки зрения Восточной Церкви, сие отвержение необходимо связано с отвержением власти Папы и что, в тесном смысле, сии два вопроса — один и тот же. Но я утверждаю то, что в Восточной Церкви, нет догмата обязывающего отрицать исхождение Св. Духа от Сына.

Ты говоришь что "Католики должны доказать из писания, предания и Св. Отцов что действительно Дух Святой исходит от Сына". — Я спрашиваю : к о м у Католики, или точнее сказать, Католическая Церковь, должна доказать что Дух Святой исходит от Сына ? Вероятно тем, которые не принимают сего догмата ; но мы видели что Униаты его принимают. Следовательно, здесь дело идет не о них, а тех, которые вне Церкви Католической. Я борюсь с сильным искушением войти вслед за тобою в сущность вопроса о исхождении Св. Духа, но боюсь выйти из пределов моего предмета ; сделаю одно примечание, которое строго в них заключается. Когда Церковь собралась в Nikeи, в Ефесе или Халкидонии, рассматривала новые учения и произносила на них решения, конечно ее приговоры были согласны с вдохновенными книгами Св. Писания, с преданием Церковным, и с свидетельствами Св. Отцов ; но сие согласие не подлежало суду частного рассудка. Сии приговоры, не тем обязывали умы и совести, что они, в глазах частных лиц были согласны с Писанием и Преданием, но тем что Церковь имела право утверждать сие согласие. Вне Церкви, сие право не существует. Так и ныне, ты, можешь сличать тексты и выводить из них заключения, но ты не можешь утверждать что ты не ошибаешься. Церковь одна может иметь в себе такую уверенность, основанную на обетованиях Христовых. Следовательно всегда, между Христианами, можно привести все вопросы к основному, единственному вопросу : где Церковь ? а между Восточною и Западною Церковью, сей вопрос

может выразиться следующими словами : Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь та ли, которая признает Папу своею главою, или та, которая его отвергает ?

Что же касается до Македония и до Константинопольского Собора, опровержение исторических и логических твоих выводов совершенно бы увлекло лишь вне границ нашего предмета ; следовательно, на сей раз, молчу. Но должен привести одно очень остроумное твое примечание. Ты спрашиваешь ”Каким образом могла быть первая половина ответа на вопрос об исхождении Св. Духа (иже от Отца исходяща) обязательным для всех членов Церкви догматом, а другая половина — и С ы н а, свободным мнением ? Уже ли первое важнее второго ? если так, и иначе быть не может, то как Св. Дух один, так как акт исхождения один, неравенство в степени важности не будет ли относиться к лицам, от которых Св. Дух исходит ? Обвинение в Арианизме падет на всю Церковь !..”.

Нельзя лучше, совершенно справедливо ! а именно потому Католическая Церковь равно обязует признавать догматом исхождение Св. Духа от Отца и от Сына ! На которую из Церквей падает обвинение в Арианизме? предоставляю ответ твоим размышлениям.

Спешу перейти к другому твоему рассуждению, в котором ты, по моему, почти удовлетворительным образом объясняешь как Церковь, совокупленная на Соборе Вселенском, рассматривая мнение, явившееся в ее недрах, осуждает оное как еретическое или (”не возводит на степень догмата”, как ты выразился, но) признает за догмат и таким образом всех ее членов обязывает признавать также за догмат, под опасением отлучения и анафемы. Я очень понимаю, вследствие сего толкования, что Восточная Церковь не имела нужды собираться, чтобы произносить приговор над Лютером или Кальвином, потому что сии ересиархи не вышли из ее недр. Но я никак не могу понять, каким образом в сем случае католики могут стать на одной степени с последователями Лютера и Кальвина. Они вне Восточной Церкви; согласен; но было время когда Восток и Запад совокуплялись в одну Церковь Вселенскую и единодушным голосом проклинали ереси Ария, Македония, Нестория и других ; ныне они разделены, двух Церквей быть не может, следовательно или Восток или Запад вышел из Церкви Вселенской, единой Святой, единой Кафолической, единой Апостольской. Если Восточная Церковь есть сия единая, святая, Вселенская и Апостольская Церковь — католики вышли из ее недр. Следовательно, по собственному твоему признанию, Церковь должна была произнести на них приговор. Но ты говоришь, что они сами себя осудили и сими словами, невольным образом высказываешь свое убеждение, что если они не правы, они кем-нибудь должны быть осуждены. Но что значит осуждать себя самого ? разве исповедывать учение, противное учению

Церкви ? Но таким образом Арий, Македоний, Несторий, все еретики сами себя осуждали, однако Церковь, не менее того, почитала нужным произносить над ними свой приговор. Нет, Церковь Католическая не осуждала Церкви Католической, но осуждала Фотия, Михаила Керулария и их приверженцев. Раскрой скрижали истории Восточной Церкви, ты не найдешь приговора, произнесенного над Церковью Католическою Собором Вселенским. Ты упоминаешь о частных соборах, о символических книгах, о формуле, по которой определено принимать католиков в Восточную Церковь (и по которой в наше время принимали Униатов ?), о единодушном предании ; но спрашиваю тебя, имеет ли все сие силу осуждения на Католическую Церковь ? Иными словами, есть ли в Восточной Церкви какая-нибудь власть, кроме Вселенского Собора, имеющая право произносить приговоры именем целой Церкви, и приговор такого рода был ли произнесен над католиками, вот вопрос, на который ты мне еще не дал ответа.

В другом месте, ты признаешь, что непогрешимость постоянно существует в Церкви, "как возможность ей проявиться", а католики, по твоим словам, признают "постоянно присущим в Церкви самый орган проявления этой способности". Иными словами : "Церковь не всегда является совокупленною в Соборе Вселенском ; Папа всегда восседает на кафедре св. Петра".

Что непогрешимость в предметах веры — неотъемлемая и вечная способность Церкви, что никогда, ни в каком случае, она не может произнести в предмете Веры ложного изречения, об этом нет спора и это совершенно согласно с догматом католическим. Но каким образом сия возможность проявляться переходит из возможности в действительность ? — По правилам Восточной Церкви — единственно совокуплением в Вселенский Собор. Иными словами, Вселенский Собор — единственный законный представитель Вселенской Церкви, не всегда действительно совокуплен в одном месте, но всегда совокуплен быть может.

По правилам Католической Церкви, сия самая возможность проявляться переходит из возможности в действительность двояким образом. Во-первых, посредством Вселенского Собора ; во-вторых, без вещественного совокупления Собора в одном месте, когда все Епископы, следовательно вся Церковь, положительным или безмолвным согласием, принимает решение в предметах веры, торжественно произнесенное Папою. Папа говорит от имени Церкви и его устами говорит вся Церковь. Конечно, сие предполагает в Епископе Римском особенные преимущества против прочих Епископов ; но Епископ Римский — преемник св. Петра, восседает на его кафедре и, как мы увидим в следующих письмах, Господь во время присутствия Своего на земле, сделал обетования и дал примущества Апостолу Петру, кото-

рым прочие Апостолы не были в равной степени соучастниками. Нет в Католической Церкви догмата, положительно обязывающего признавать Епископа Римского непогрешимым, но Епископ Римский есть единственный Епископ, который по преимуществу своей кафедры не может быть вне Церкви ; следовательно, все Епископы, которые в общении с ним суть в Церкви и составляют Церковь. Следовательно, нельзя сказать, что "непогрешимость с и м в о л и з и р о в а н а в лице Папы", нельзя также сказать, что "откровение Духа Святого в Церкви признается за факт совершившийся", Св. Дух сошел на Церковь в десятый день после Вознесения Господа нашего Иисуса Христа и в пятидесятый после Его воскресения, и с того дня он Церкви не оставлял и не оставит до скончания веков. В декретах и буллах нет "случайного проявления откровения, условленного внешними обстоятельствами". Когда декреты и буллы определяют что-нибудь в предметах веры — есть согласие Церкви, с которой Св. Дух пребывает во веки. Внешние обстоятельства могут иметь некоторое влияние на время и форму изречения, но на истину и сущность оного решительно никакого. Из предыдущего ты выводил, что Церковь неподвижна и прибавляешь, что "наоборот, Вселенский характер предполагает откровение постоянно совершающееся, развитие". Сии выражения требуют очень точного объяснения ; я коснулся сего предмета довольно обстоятельно в одном из моих писем. Буду ждать, чтобы ты мне сказал, в чем ты не согласен со мною.

Но не могу отложить до другого дня мысли, которые толются в моей голове, читая ответ твой на вопрос, сделанный мною : по каким признакам узнается Вселенский Собор ? — Ты отвечаешь, что "ни один Собор не прослышет в Церкви Вселенским, который не заслуживает этого имени ; что признавая единственно Вселенским Собор, признанный таковым Папою, католики только перенесли вопрос на Папу ; что ты вправе спросить также : по каким признакам узнается Папа, что, впрочем, до сих пор не было спора о Вселенском Соборе, а Пап самозванцев являлось по многу и не раз". — Я готов принять сие мнение, но я боюсь, что ты сам от него отступишься. Затруднение узнать Папу по несомненным признакам меня не ужасает ; что за нужда, что в продолжении осмнадцати столетий было несколько людей, которые домогались сесть на кафедру св. Петра, не имея на нее права. Были соборы, которые старались выдать себя за Вселенские Соборы, не имея на то права. Дело в том, что в бесчисленном множестве христианских обществ нет ни одного, кроме Церкви Католической, которое бы утверждало, что оно имеет в своей кафедре видимую главу Вселенской Церкви, и которое бы показывало на непрерывный ряд Первосвященителей, восходящих до Апостола Петра. Следовательно, ошибиться невозможно ; как скоро ты признаешь видимую главу Церкви и в

преемниках св. Петра видишь наместника Христова на земле, ты — католик и кроме Церкви Католической не можешь попасть ни в какую другую Церковь.

Но я готов оставить Пап в стороне и искать Церкви себе без них, единственно по Вселенским Соборам. Я готов согласиться, что не было споров о Вселенских Соборах и считать Вселенскими все Соборы, которые слывут таковыми. Что же выходит ? — нет ни одного Собора, признанного Вселенским, который был бы вне Католической Церкви. Церковь Католическая основывается на 16 Соборах, из которых каждый признавал Вселенскими все предыдущие и каждый был признан Вселенским всеми последующими. Я твердо знаю, что ни в какой Церкви, кроме Католической, ты не найдешь такого вселенского согласия всех стран и всех времен.

Но ты меня останавливаешь и говоришь, что в Церкви признали Вселенскими только семь первых Соборов. — В какой Церкви ? В Восточной ? — но тут новое затруднение : Церковь я узнаю единственно посредством Собора, а Собор посредством Церкви ! Как выйти из этого круга ?

Для Католика нет спора о Вселенских Соборах. Они все принадлежат Церкви Католической ; никакая Церковь не указывает на Вселенский Собор, который был бы вне Католической Церкви. Но для тебя — не то ; и ты не можешь сказать, что о Соборах нет спора, когда ты не принимаешь Соборов, признанных Церковью Католическою. Нет, ты утверждаешь без доказательства, что Вселенские те Соборы, которые Церковь Восточная признает Вселенскими. Оно бы хорошо, если бы не необходимо было знать ч т о Вселенский Собор, чтобы знать, где Восточная Церковь. Из этого выходит, что ты не ответил на мой вопрос, и я опять спрашиваю : по каким признакам узнается Вселенский Собор ?

В другом месте я сказал, что Восточная Церковь, со времени последнего признанного ею Вселенского Собора, не вмещает в себе живой власти. Ты спрашиваешь, что это значит ? то ли, что Церковь не может созвать Вселенского Собора ? — нет, не то ; но я тебе скажу ч т о это значит.

Это значит, что по собственному признанию Восточной Церкви Церковь истинная есть Церковь Апостолов, Церковь семи первых Вселенских Соборов и вне ее нет спасения. Согласен, но принадлежишь ли ты к сей единой, святой Церкви ? вот вопрос, на который я требую решения. Епископ Римский лишь говорит, что он принадлежит сей Церкви, что он ей принадлежал, что он от нее никогда отлучен не был никакою властью Церковною ; что он вне Церкви быть не может, и что кто с ним в общении, тот в Церкви Апостолов, тот в Церкви Вселенских Соборов. — Положим, что он этого не доказывает, но по край-

ней мере он это утверждает, и доньше, никакою законною властью он отречен не был.

Я обращаюсь к Митрополиту Московскому и спрашиваю у него : утверждает ли он, что он вне Церкви быть не может, и что кто с ним в общении, тот уверен быть в Церкви. Он мне отвечает, что такое преимущество не дано ни Митрополиту Московскому, ни патриарху Константинопольскому, ни даже Синоду Всероссийскому, хотя он основан не Святым Петром, рыбаком Галилейским, но Петром Великим, Самодержцем Всероссийским. Но что же доказывает мне, что он принадлежит к Церкви ? он указывает на Св. Писание, на предание Писанное ! Но еретики не делали ли то же самое ? — Вы говорите, что Церковь непогрешима ! Я знаю, что Церковь не блуждала в Никеи и в Ефесе, но дело в том, — не блуждаете ли Вы, в Москве, Твери и Петербурге ! Покажите мне нить, которую вы восходите до Вселенских Соборов. Докажите, что она нигде не прервалась. Я вижу ряд Епископов, но они все, по собственному признанию, могли блуждать. — Вы указываете на Церковь истинную ; согласен ; но докажите, что Вы к ней принадлежите. Вот что вам невозможно в отсутствии Вселенского Собора. В отсутствии Вселенского Собора вы не можете ни отлучить Папу от Церкви, ни только доказать, но сказать утвердительно, что вы принадлежите к Церкви.

Итак, вы не решаете моих сомнений ; буду ждать Собора Вселенского, который один ошибиться не может. Но что же ? вот более тысячи лет как Церковь безмолвствует. Ты говоришь, что я не имею права требовать от Церкви отчета. Благоговею перед десятивековым безмолвием Церкви, верю, что ему последует живое слово ; но верю также, что до сего времени я могу умереть, и неужели я умру в ужасном сомнении — принадлежу ли я к Церкви Божией или нет ? отвечай сам, могу ли оставаться в Церкви, которая не дает мне ответа на такой вопрос ?

Вот что значит отсутствие живой власти ! ты волен повторять сколько тебе угодно, что безмолвие ничего не значит. Но когда ты спрашиваешь у меня : "Когда Церковь сложила с себя свою власть, свои права, отрицала себя ?" — я отвечаю : с тех пор, как она не вмещает в себе живой власти и после моих объяснений, ты должен понимать, что это значит !

(И. С. Гагарин)

ПИСЬМО И. В. КИРЕЕВСКОГО

И. С. ГАГАРИНУ

Москва. 10/22 Сентября 1842.

Книга Муравьева : *Правда Вселенской Церкви*, имела на Вас действие противное намерению автора. Вы радовались ее появлению, надеясь найти в ней решения на все Ваши сомнения и торжественное обличение на Римскую Церковь. Но чем более читали ее, чем более вникали в ее смысл, тем убедительнее казались Вам доказательства, приводимые Латинами в пользу их Церкви.

Я не имею ни малейшего желания защищать перед Вами ни автора, ни его книги, почитая вообще временем потерянным все споры о достоинствах сочинений и сочинителей. Но хочу поговорить с Вами о предмете книги, который сам по себе принадлежит к вопросам первой важности, а между нами особенно составляет предмет главнейшего, если не единственного разногласия.

Вы упрекаете Автора во-первых, за то, что он разделение Церквей приписывает честолюбивым притязаниям Римских Первосвятителей. "Справедливее, говорите Вы, может Римская Церковь упрекать Восточных Епископов в честолюбии и непокорности, потому что властью воспользовался один Епископ Римский, а великое множество Епископов осталось ему смиренно покорными, следовательно, если и удастся нам изъяснить честолюбием веру одного Епископа Римского, то как же изъяснить веру всех прочих Епископов Западных?"

Но властолюбие Епископов Западных, подчиненных Папе несколько не оскорблялось теми притязаниями, которые Римская Кафедра обнаруживала первоначально над другими ей равными. Напротив, чем более Западная Церковь и ее глава возвышались в общем мнении западных народов, тем более возрастало влияние Западного Духовенства на власти светские и следовательно, тем более могло

удовлетворяться честолюбие областных Епископов, встречавших соперничество не в Папе, которым они утверждались и поддерживались, но в правителях мирских, с которыми они делили владычество над народом. Вам известно как долго Западные Епископы называли себя *Епископами Милостию Божией и повелением Короля*, и как поздно они начали писаться : *Милостию Божиею и Апостольской Кафедры*. Вспомните при том, как долго Соборы созывались Королями, как книги не обнародовались без их печати и одобрения : *lectus et comprobatus fuerit a Domino Rege*. Как даже в предметах веры, они исправляли их по своему благоусмотрению и Епископы за то должны были еще благодарить их. Потому, по мере возрастания власти Папской, возрастала и власть Епископов. — В последствии же времени, когда власть Папская, беспрестанно увеличиваясь, начала уже стеснять власть высшего Духовенства, тогда мы видим в нем постоянное стремление ограничить права своего Первосвященника, который с своей стороны противодействовал им покровительством низшего духовенства и монашеских орденов, находившихся в эту эпоху и до самой реформации в беспрестанной борьбе с Епископами, коих власть они уменьшали до того, что на всех Соборах до Тридентского включительно это обстоятельство составляло один из главнейших предметов неудовольствий и жалоб, и одну из первых причин, побуждавших Епископов желать переобразования Церкви в голове и членах.

Таким образом, успехи честолюбия или, правильнее, властолюбия Первосвятителей Западных нисколько не доказывают особенной смиренности и покорности подчиненных Епископов, ибо власть Папы сначала не противоречила их мирским выгодам, а потом влияние Епископов было задавлено сильнейшим.

Что же касается до невероятности, которую Вы находите в том, чтобы властолюбие Пап "могло переходить как наследство длинный ряд преемников", то это, мне кажется, весьма удовлетворительно объясняется особенным положением Пап, соединявших в одном лице и духовное и светское господство, так что увеличение одного усиливало другое. Вообще же чувствительность к мирским интересам не есть случайность, но по несчастию самая обыкновенная слабость человека.

Напротив, святость, бескорыстие, правота, перебор выгодам, мнениям, предрассудкам и всем окружающим обстоятельствам, была бы редкою случайностью, и не только редкою, но, при отделенности Западной Церкви от других, почти невозможною случайностию. — Ибо не сам собою, но только вместе со всею православною Вселенскою Церковью и только ее силою может спастись от земных увлечений один человек, или один народ, или однородное собрание народов, проникнутых односторонним языческим просвещением, или одна епар-

хия, или отдельное собрание епархий, непременно склонное к односторонности уже по причине своей отделенности. Когда однажды Римская Кафолическая Церковь увлеклась далее границ своих прав, то уже трудно было Папе, при всей возможной святости частного лица, переменить стремление умов, отделиться от всего окружающего, стать одному против общих мнений, интересов, страстей, преданий, пойти наперекор всему быту Церкви, беспрестанно спорящей о правах и преимуществах, особливо когда мы вспомним, что действуя таким образом против понятий и выгод того общества, которого он был представителем, он не мог иметь утешением даже твердой уверенности, что он действует справедливо; ибо не надобно забывать, что искаженные акты Соборные, фальшивые декреты, выдуманные послания и т. п., обличены в подлоге только в новейшее время, а прежде того иные Папы могли добросовестно, если не верить им, то по крайней мере и не знать наверное их ложности.

Припомним к тому же, что Римская Церковь возросла на развалинах языческого Рима, проникнутого, так сказать, до самого корня своего страстию преобладания и духом господства над вселенною; что если мнения языческие, несмотря на явное разногласие с Христианскими, могли так долго держаться посреди Христиан, то самый склад ума и характера еще труднее мог изгладиться в потомках мироправителей; ибо он, даже им самим незаметно, мог переходить в их новую деятельность. Сообразив все это, легко себе объяснить, каким образом властолюбие Римской кафедры, не говорю — *д о л ж н о* было (сохрани меня Бог от этого мнения), но *м о г л о* начаться так рано, продолжаться так постоянно, и достигнуть такой степени, несмотря на различные характеры лиц, ее занимавших.

И не одна Римская Церковь имела свою наклонность к падению. Как Римской предлежала борьба с духом Римского властолюбия, так Александрийской грозило влияние Александрийской философии. Климент еще не проповедует ереси, но уже в нем Вы предчувствуете Оригена. — И могла ли бы Александрийская Церковь устоять против его лжеучения, если бы не совокупные усилия всех Церквей поддержали ее силой Того, кто сказал: "еще двое или трое соберутся во имя Мое и аз посреди их". — Ориген пал, Православие устояло в Александрии.

То же можно сказать и о других Церквях. Оставленные на произвол своих отдельных сил, своего отдельного разума, конечно, ни одна не могла бы удержать учения Христова в настоящей чистоте его. Может быть Греческая склонность к буквальной, догматизированной; Иерусалимская — к мечтательному аскетизму; Антиохийская — к обрядности, так сказать, к практической буквальности и, вообще, каждая часть, выдавая себя за целое, должна была впасть в заблужде-

дение. Но Церкви сии не отделялись от сестер своих и Православное учение держится в них неколебимо.

Впрочем, стремление к отделению есть самое естественное для каждого нравственного лица. Не только каждое сословие, каждое общество, но даже каждое место в обществе обыкновенно имеет свой особенный дух и характер, постоянно спорящий о преимуществах и постоянно одинаковый, несмотря на различие характеров частных лиц, служащих ему органом. Ограничусь примером постоянной борьбы Доминиканцев с Францисканцами, Фомистов со Скотистами, Иезуитов с Бенедиктинцами, которые все называли себя христианами, равно принадлежали Римской Церкви, равно признаны ею и, несмотря на то, постоянно действовали друг против друга. Случайность ли это частных характеров или внутренняя сила обстоятельств, могущих покориться только силе единства Церковного.

Впрочем, я охотно соглашусь, что все эти объяснения доказывают только возможность, так сказать, естественность честолюбивых причин в уклонениях Западной Церкви; но действительность их может доказаться только подробным разбором самого дела. Между тем, если правда, что всякому искажению догмата соответствует непременно заблуждение нравственное, то убедившись раз в неправильности притязаний Римских, нельзя и предположить им и причины, основанной на каком-либо из видов своекорыстия или страсти. Потому слово честолюбие могло быть употреблено автором не как упрек, еще менее как ругательство, но просто как прямое выражение результата его книги. — Вопрос же о приличии, уместности и пр., как и все вопросы о редакции, позвольте оставить в стороне.

о—о—о

Продолжая разбирать предисловие, Вы опровергаете слова Автора, что Римская Церковь оставляет без особенного внимания у присоединяемых ею разность исповедания о исхождении Святого Духа и другие важные различия, касающиеся до совершения таинств, прежде и свыше всего, домогаясь установить власть своих первосвященников. Против этого Вы говорите, что будто сама Восточная Церковь не воспрещает никому веровать в исхождение Святого Духа и от Сына, что нет ни одного канона, ни одного определения Восточной Церкви, который бы говорил, что Святой Дух не исходит и от Сына; но, что только она не составляет из сего догмата, и не обязывает веровать в сие, но, что исхождение Святого Духа и от Сына есть свободное мнение, которое каждый в Восточной Церкви волен принимать или отвергать, и что, наконец, с Римской Церковью она спорит не о догмате, но единственно о власти прибавлять сии слова к Никейско-

му Символу : что, вследствие этого, если Римская Церковь имела право прибавить сии слова, то, очевидно, что она имеет и право дозволять, когда почитает сие нужным, не произносить их, но, что из сего никак не следует, чтобы она дозволяла не принимать догмата и пр., и пр.

Это мнение Ваше, признаюсь Вам, кажется мне столь явно неправильным, что я затрудняюсь опровергать его, чтобы доводами моими не ослабить несомненность очевидности. Но прошу Вас вспомнить только, что догмат о исхождении Св. Духа и о т С ы н а был всегда признаваем прямо л о ж н ы м всеми общими и частными соборами Восточной Церкви, где только речь до него касалась, начиная от общего Константинопольского, называемого Восьмым Вселенским, и где началось разделение Церкви, и до частного Ясского, утвердившего Православное Исповедание Петра Могилы, подтвержденное после всеми Иерархами Восточной Церкви. — Сверх того, в с е Святые Отцы Православной Церкви, писавшие по разделении, единодушно и явно исповедают мнение свое о сем догмате, где только о нем упоминают, и не говоря уже о бесчисленном множестве позднейших писателей, особенно после Соборов Иерусалимского (в 1447) и Московского в 1447, собранных против флорентинского соединения, но даже начиная с Иоанна Дамаскина, которого сочинения единомысленно принимаются всеми сынами Восточной Церкви за истинное верование. Между прочим, посмотрите Богословие его, книгу 1, главу 2, в конце.

Кроме того, такое же учение о Духе Святом, рассыпано во многих местах нашего Богослужения (не выписываю, потому что не имею книг под рукою), особенно же прошу Вас обратить внимание на вечернюю службу 1-ой недели великого поста, называемую Ефимонами. — После всего этого, конечно, Вы согласитесь, что я никак не мог понять утверждения Вашего, будто Восточная Церковь принимает равно и то, и другое мнение о Духе Святом, будто она не воспрещает учения, противного тому, которое сама ежедневно исповедует в святых храмах, по всем концам православного мира, которое она утверждала единодушно всеми Соборами, где касалось о том дело и всегда единогласно выражала в толкованиях и учениях всех своих пастырей и учителей. — Конечно, общий Константинопольский Собор при Фотии не носит названия Вселенского, тем не менее однако, он был единодушным выражением исповедания всей Православной Церкви, а вера всей Церкви, вера всех сынов ее, не может заблуждаться, и есть непременно святая Апостольская, преданная, законо-верующим от первых Святителей слова, иначе она не могла бы быть всеобщей. — Как же Вы хотите после этого, чтобы Церковь позволяла веровать в противное своему единодушному исповеданию!

Отвечав таким образом на возражение Ваше, будто разногласие между Западною и Восточною Церковью заключается не в учении о самом догмате, но единственно в учении о власти Папской, я думаю, что тем самым отвечал и на дальнейшие выводы Ваши против обвинения Муравьева. От разномыслящих в самом существенном догмате, в догмате о Святой Троице, не требовать согласного с Церковью исповедания, но просить только покорности ее первосвященнику, очевидно, мне кажется, доказывает, что покорность Папе почитается единоисповеданием догматов Веры. — Хотя Вы и говорите, что покорность Папе предполагает и принятие его веры, но это только логический постулат, который весьма легко может быть и не присущ уму присоединяемых. К тому же, воспитанные на учении противном, почему знают они как верует Папа, если Церковь в исповедании своем не выражает этой веры? — Вы скажете : они могут узнать веру Пап в книгах, в школах; но все ли могут иметь этот случай? и для чего же не в Церкви, во время исповедания Веры, узнать им истинное исповедание, особливо, если они заблуждались, и тем более, что вся Римская Церковь читает исповедание Папское, и им одним, заблуждавшимся, оставляют произносить не Папское исповедание, но выпускают из него именно то, что одно могло бы исправить их заблуждения? — Для чего это делается, — мне понятно; Папист властен иметь мнение другое, но вряд ли может иметь его добросовестно.

Далее, Вы говорите, что Римская Церковь имея право прибавлять к Символу, имеет право и дозволять, когда почитает сие нужным, не прибавлять к нему. — Но в таком случае, что же значит это прибавление? — Если оно зависит от благоусмотрения Папы, то, очевидно, может зависеть и от прихоти; оно было нужно, когда надобно было отвергнуть непризнающих самодержавие Пап, и когда дело шло о разрыве всего Востока с Западом; оно почитается ненужным, когда выигрывает политическая власть Папы, и когда от Восточной Церкви отрывают провинции к Западной

Тяжело быть защитником такого дела, но еще тяжелее, я думаю, с защитою такого дела связать вопрос о спасении.

Далее, Вы нападаете на слова Автора : ”и другие важные различия в совершении таинств”. Не стану защищать литературную сторону этой фразы. Что же касается до Вашего мнения, что Римская Церковь всегда почитала различие в обрядах несущественным, — то это мне кажется несправедливо. Александр III в 4 декреталии своей говорит именно : ”si quis puerum ter in aqua immerserit in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, amen, nec dixerit : ego te baptizo, puerum non esse baptizatum. — Это говорит не Епископ той или другой стороны, но наместник Христов, Глава и Представитель Церкви, которая не может заблуждаться. Правда после того другой Папа объявил против-

ное, но это доказывает только, что Папы могут давать разные решения на один предмет, не менее того видно, что обряды, которые в нашей Церкви почитаются только обрядами, в Римской имеют значение сущности. В этом случае всего разительнее то, что до Флорентийского Собора, по причине этого различия обрядов, *п е р е к р е щ и в а л и* Греков, присоединяемых к Римской Церкви. А после Флорентийского Собора даже не сочли нужным совершить над ними миропомазания, ни рукоположения. — Какая причина могла быть этому — для меня ясно; желаю, чтобы ясно было и для Вас. — Но одно мне кажется нерешенным на Западе : *к о г д а* ошибалась Римская Церковь : *перекрещивая* или *не перекрещивая*? — Который из Пап заблуждался : Григорий IX и все его последователи до Евгения V, или Евгений V и его последователи до наших времен!

Р и м с к а я Ц е р к о в ь, говорите Вы, признавала до разделения, и после разделения признает, действительность таинства Восточной Церкви, потому что на Священников Восточной Церкви нисходило непрерывною последовательностью таинство рукоположения Апостольского ; она им отказывает единственно в законности паствы (jurisdiction).

На первую часть этого предложения я уже отвечал, и мы видели, что учение Западной Церкви в этом случае менялось сообразно времени и выгоде. Но последнего, признаюсь Вам, не понимаю. Что такое отказывать в праве паствы и признавать действительность рукоположения ? — Можно ли рукополагать в чужой пастве ? или рукополагать без права паствы ? — на каком Соборе это дозволено, и каким Собором отменены противные правила Соборов Вселенских ? — Прежде, чем Вы будете отвечать мне на эти вопросы, я распространяться о них не стану, но мне кажется, что в положении Вашем есть явное самоотрицание. Если это есть учение Западной Церкви, то много хитрости нужно ей, чтобы защитить его.

Примером воссоединения Униатов с нашей Церковью, Вы доказываете, что и она так же признает действительность таинств, совершаемых в Римской Церкви.

Признаюсь Вам, что я не знаю, каким образом совершилось воссоединение Униатов. Но знаю только, что из этого действия никак нельзя заключить ничего доказательного о нашей Церкви вообще. Если бы мы признавали видимую главу Церкви, наместника И. Х., непогрешаемого представителя веры всех православных, тогда бы, конечно, из его веры, действия и учения мы безошибочно могли бы заключить о вере всей Церкви. — Но так, как мы не имеем кроме И. Х. другой главы, то и не заключаем ничего положительно-догматического из действий одной Епархии, или одной Церкви Русской, или Александрийской, или Иерусалимской, или Константинопольской. Мы не

осуждаем действий, потому что не судим, но и не выводим из них непогрешимого догмата. — Так я знаю, что, обыкновенно, над принимаемым из Латинства совершалось миропомазание. — Были, однако, некоторые Епископы, которые почитали нужным перекрещивать Папистов и если они ошибались, то ошибались одни, а не Церковь, которая никогда сего не утверждала. — Но совершалось ли теперь миропомазание над Униатами, — я не знаю, так же, как не знаю и того, есть ли какое различие в обряде восприятия Униатов от обряда принятия Римских Папистов. — Если же Вам известно, то очень бы обязали меня, сообщив мне эти сведения.

(И. В. Киреевский)

Это письмо Ивана Киреевского И. С. Гагарину публикуется впервые. В Славянской Библиотеке в Париже хранятся черновики четырех писем Гагарина Киреевскому (16/28 октября 1842 г. — 18 л.; 21 октября/2 ноября 1842 г. — 29 л.; 23 октября/4 ноября 1842 г. — 20 л.; 2/14 ноября 1842 г. — 129 л.).

К сожалению, из ответных писем Киреевского сохранилось только первое — в виде копии, очевидно, подготовленной для публикации.

В Библиотеке имеется еще одно письмо Киреевского — краткое, без даты, формального содержания. Это письмо мы, возможно, опубликуем позднее.

Находкой мы обязаны о. Франсуа Руло, обнаружившему все эти матерьялы в процессе работы над докторской диссертации об И. Киреевском.

SOMMAIRE

Éditorial	3
---------------------	---

L'ÉGLISE

”Une, Sainte, Catholique et Apostolique...” (Extrait du Catéchisme américain <i>The Teaching of Christ</i>)	7
J. - A. Moehler, <i>L'Unité mystique de l'Église</i>	29
H. de Lubac, <i>Mystère de l'Église</i>	43
A. Delp, <i>L'Église mérite-t-elle encore la confiance de nos contemporains ?</i>	69

REDEMPTOR HOMINIS

Jean-Paul II, <i>Encyclique Redemptor hominis</i>	84
---	----

CHRONIQUE

Rencontre du Pape Jean-Paul II avec le Patriarche œcuménique Dimitrios I	143
Dr. R. Hotz, <i>Spaniens Religiosität – Ein Hauch von Grösse und Vergangenheit</i>	147

ARCHIVES DE LA BIBLIOTHEQUE SLAVE

I. S. Gagarine, <i>Lettre à Iou. F. Samarine</i>	157
I. V. Kireevski, <i>Lettre à I. S. Gagarine</i>	167

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-----------------------	---

ЦЕРКОВЬ

”Во Едину, Святую, Соборную и Апостольскую...” (Из американского католического катехизиса)	7
И. А. Мелер, <i>Мистическое единство Церкви</i>	69
А. де Любак, <i>Тайна Церкви</i>	43
А. Дельп, <i>Пользуется ли еще Церковь доверием наших современников</i>	29

ИСКУПИТЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА

Иоанн-Павел II, <i>Энциклика ”Искупитель человека”</i>	84
--	----

ХРОНИКА

Встреча Папы Иоанна-Павла II со Вселенским Патриархом Димитрием I	143
Др. Р. Хотц, <i>Религиозная жизнь в Испании</i>	147

АРХИВ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

И. С. Гагарин, <i>Письмо Ю. Ф. Самарину</i>	157
И. В. Киреевский, <i>Письмо И. С. Гагарину</i>	167

Dépôt légal : 2e trimestre 1980
Imprimerie INDICA, 14, rue du Docteur-Roux, 75015 Paris
Le directeur de la publication : R. Marichal

